

Библиотека историка

Н. И. Басовская

**Столетняя
война
1337-1453 гг.**

Библиотека историка

Н.И. Басовская

Столетняя война 1337-1453 гг.

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1985

ББК 63.3(0)4
Б27

Рецензенты:

кафедра истории средних веков МОПИ имени Н. К. Крупской
(зав. кафедрой проф. *Н. Ф. Колесницкий*); проф. *М. А. Заборов*
(ИМРД АН СССР)

Рекомендовано к изданию Министерством высшего и среднего
специального образования СССР

Басовская Н. И.

Б27 Столетняя война 1337—1453 гг.: Учеб. пособие
для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». —
М.: Высш. шк. 1985. — 184 с, ил. — (Б-ка истори-
ка).

35 к.

В пособии излагается история крупнейшего военно-политического
конфликта в Западной Европе периода развитого феодализма в связи
с такими проблемами, как централизация феодального государства,
социальный протест народных масс, политическая борьба феодальных
группировок в воюющих странах. Автор прослеживает изменение харак-
тера Столетней войны от конфликта Английской и французской феодаль-
ных монархий до освободительной и народно-освободительной войны
со стороны Франции.

Наталья Ивановна Басовская

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА
1337-1453 гг.

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина*. Редактор *И. В. Павлова*. Младший
редактор *Н. Н. Матвеева*. Художественный редактор *Т. А. Коленкова*
Технический редактор *Р. С. Родичева*. Корректор *М. М. Сапожникова*
ИБ № 47 55

Изд. № Ист-354. Сдано в набор 19.09.84. Подп. в печать 04.02.85.
А-04915. Формат 84X108/32- Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 9,66 усл. печ. л. 9,98 усл. кр.-отт.
Уч.-изд. л. 10,87. Тираж 20 000 экз. Заказ 1067. Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул.
д. 29/14

Московская типография № 32 «Союзголиграфпрома» при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

© Издательство «Высшая школа», 1985

Введение

Вопросы истории международных отношений представ-
ляют большой интерес в связи со своей неизменной акту-
альностью для судеб человечества в настоящем и бу-
дущем.

Основной формой решения спорных международных
вопросов, присущей классовым обществам, является вой-
на. Война как историческое явление вытекает из природы
той или иной общественно-экономической формации и
находится в неразрывной связи с интересами правящего
класса. В. И. Ленин рассматривал войну как *«просто*
продолжение политики другими» (именно насильствен-
ными) *«средствами»*¹.

В истории феодального общества война была основ-
ным средством увеличения доходов и обогащения клас-
са феодалов за счет захвата новых земель. Изучение
истории войн между феодалами и феодальными государ-
ствами имеет большое значение как при анализе содер-
жания международных отношений эпохи, так и для ис-
следования вопросов внутреннего развития феодального
общества.

Столетняя война между Англией и Францией — одно
из крупнейших событий политической истории Западной
Европы периода развитого феодализма. Это было первое
столкновение между двумя относительно централизован-
ными европейскими монархиями. Английская и француз-
ская монархии унаследовали от периода раннего феода-
лизма немалый груз разногласий, наметившихся еще в
те времена, когда королевства представляли собою лишь
два крупных феодальных владения. В условиях превра-
щения Англии и Франции в крупные централизованные
монархии спорные проблемы, возникшие некогда как
противоречия между королевскими домами, перешли в
ранг столкновения государственных интересов.

Столетняя война сыграла определенную роль в про-
цессе становления государственности в Англии и Фран-
ции. В соответствии с характером эпохи формой разре-
шения англо-французских противоречий стал военно-по-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 224.

литический конфликт. В нем проявились важные стадийные изменения в развитии западноевропейского феодализма при переходе от ранней стадии к зрелости и расцвету. Исследование истоков Столетней войны предполагает воссоздание долгого и сложного процесса развития англо-французских противоречий, игравших видную роль в международной жизни Западной Европы XII—XV вв.

Англо-французский военно-политический конфликт приобрел широкие международные масштабы. Большинство западноевропейских государств оказалось в той или иной степени и форме вовлеченным в него. Их участие в борьбе Англии и Франции определялось причинами внутреннего характера. Это были те же, что и у борющихся сторон, процессы становления и укрепления государственности, территориального размежевания, противоборства сил централизации и феодального сепаратизма. На этой основе в событиях Столетней войны участвовали Шотландия, Кастилия, Португалия, Арагон, Германская империя, Нидерланды, папство. Англо-французская борьба XIV—XV вв. была в центре международных отношений в Западной Европе.

Вместе с тем Столетнюю войну нельзя рассматривать лишь как факт внешней политики. Ее причины и последствия находились в тесной связи с проблемами внутреннего развития Англии и Франции. Так, среди истоков войны важное место занимала вызванная развитием экономики воюющих сторон потребность в феодальной экспансии. Военные успехи и неудачи оказывали непосредственное влияние на состояние финансов, налогообложение, доходы господствующего класса и горожан, на положение трудящихся масс.

Во время Столетней войны в обеих воюющих странах происходили многочисленные антифеодальные выступления крестьян и горожан: восстания под руководством Уота Тайлера и Джека Кэда в Англии, Жакерия, восстание Этьена Марселя и Кабоша во Франции и др. Являясь в первую очередь следствием обострения классовых противоречий феодального общества и роста эксплуатации крестьянства, эти восстания были тесно связаны со Столетней войной. Конфликт между Англией и Францией способствовал социально-политической активизации трудящихся масс. Эволюция характера войны породила широкое освободительное движение во Франции, ярко продемонстрировавшее решающую роль народных масс в историческом процессе.

Война заметно ускорила формирование французской и в определенной мере английской народностей, в частности элементов национального самосознания. Значение этого фактора для дальнейших судеб Англии и Франции далеко выходит за рамки их феодальной истории.

В системе международных отношений накануне и в период войны, в ее организации и даже в чисто военных вопросах проявились новые черты, не свойственные вооруженным конфликтам раннего феодализма. Началу военных действий предшествовала дипломатическая подготовка. Каждая сторона постаралась обеспечить себе союзников в предстоящей борьбе. При этом характер союзнических отношений был достаточно противоречивым — от примитивной «покупки» английским королем некоторых союзников в Нидерландах и Германии до выросшего исторически так называемого «old allience» между Францией и Шотландией. Основу вооруженных сил составляли не разрозненные дружины феодалов, а постоянные армии (во Франции они появились уже в ходе военных действий). Столетняя война была также связана с появлением ряда новшеств чисто военного характера: усовершенствование тактики и взаимодействия войск, возрастание роли пехоты, применение артиллерии.

В данном учебном пособии предпринята попытка специально рассмотреть исторические корни и фактическую историю Столетней войны. Разумеется, эта небольшая книга не может претендовать на освещение вопроса во всей его полноте. Автор стремился в первую очередь по возможности подробно воссоздать фактическую историю долгого военно-политического конфликта между Англией и Францией, выявить сложную эволюцию его характера и показать место англо-французской борьбы в системе международных отношений XIV—XV вв. в Западной Европе. Широкий международный масштаб событий, предшествовавших военно-политическому конфликту между Англией и Францией, а также активное участие в нем многих западноевропейских стран дают возможность при рассмотрении истории Столетней войны расширить представление о международной обстановке в Западной Европе в XII—XV вв.

События Столетней войны широко отражены в источниках. Не одно поколение людей прожило свою жизнь в обстановке непрекращающегося вооруженного конфликта между Англией и Францией. В их сознании факты истории англо-французской борьбы получили различное, но неизменно заметное отражение. Наиболее полно и не-

посредственно оно дошло до нас в трудах средневековых хронистов.

Автором использовано более полутора десятков английских и французских хроник, касающихся событий Столетней войны. Степень достоверности и полноты этих важнейших источников зависит от многих факторов: времени жизни хрониста, его социальной принадлежности и занимаемого в обществе положения, его осведомленности и политических убеждений, наконец, от личных вкусов и привязанностей.

Хроники — наиболее ценный источник для изучения фактической истории войны. Только с их помощью можно воссоздать относительно полную картину многоплановых и масштабных событий англо-французской борьбы в XIV—XV вв. Первым показателем достоверности их данных служит время жизни авторов. Естественно предположить, что наиболее полны и точны сведения о тех этапах Столетней войны, очевидцем которых был хронист. Поэтому при изложении фактов первой половины войны видное место занимают сведения английского хрониста Уолсингема (ум. ок. 1422) и французского хрониста и поэта Фруассара (ок. 1337 — после 1404), события начала XV в. воспроизведены в основном по данным английской хроники Капгрейва (1393—1464) и бургундского хрониста Монстреле (ок. 1390—1453). Заключительный период англо-французской борьбы воссоздан по данным французских хроник Базена (1412—1491) и Кузино (ок. 1400—1484) в сочетании с материалами целой серии английских хроник XV в. Среди них наиболее значителен труд священника Бенета (ум. ок. 1462).

Однако надежность сведений этих источников не определяется только хронологией. Заметный отпечаток на достоверность хроник налагают многочисленные факторы субъективности их авторов. Все хронисты в той или иной мере подвержены тому, что мы сегодня назвали бы национальным пристрастием. В эпоху Столетней войны это были лишь проблески национального самосознания, связанные с завершением формирования народностей и появлением предпосылок для возникновения национальных государств. По мере обострения борьбы между Англией и Францией они становились все более яркими, и это углубляло предвзятость хронистов в передаче и освещении фактов. Так, аббат монастыря Св. Марии в Йорке Томас Бертон, живший в конце XIV — начале XV в., попытался представить англо-французскую войну как исключительно оборонительную со стороны Англии. Его

предшественники (Уолсингем, анонимный монах того же монастыря в XIV в.) были в этом отношении гораздо сдержаннее и объективнее. Откровенно пристрастно излагали и оценивали события заключительных десятилетий войны французские хронисты, находившиеся под впечатлением подъема освободительной борьбы во Франции. Сопоставление данных английских и французских хроник позволяет внести поправки на проявления такого рода субъективности, отбросив крайние преувеличения и искажения.

Важный отпечаток на характер содержащейся в хрониках информации налагают социальное происхождение и общественное положение авторов. Это сближает содержание официальной французской хроники монастыря Сен-Дени и труда Томаса Уолсингема, возглавлявшего скрипторий Сент-Олбанского аббатства в Англии. При всей своей пристрастности обнаруживают большое внутреннее сходство в классовых оценках и подходе к характеру происходящих событий автор «Хроники Англии» Джон Капгрейв и такие французские хронисты, как Тома Базен, Ангерран Монстреле и Гийом Кузино. Это люди одного круга, сходного общественного положения и единых, по существу, взглядов, хотя их оценки противоположно направлены принадлежностью к разным государствам. Капгрейв — видный церковный деятель и придворный, друг герцога Глостерского — брата английского короля Генриха V; Базен — епископ, известный политик; Кузино — секретарь, а затем канцлер французского короля Карла VII. Все это сближает их позиции в основных вопросах внутренней и внешней политики, делает сходными по существу.

Принципиально отличается от них по своим взглядам анонимный автор «Хроники первых четырех Валуа». Не имея данных о его биографии, мы все же можем составить довольно полное представление о его личности. Она проявилась на страницах хроники. По всей видимости, он происходил из городского сословия и сохранил горячую симпатию к «добрым горожанам» Франции. Показательно, что в его сочинении патриотические чувства прозвучали гораздо раньше и отчетливее, чем в официальных придворных хрониках. Зато их совсем лишен знаменитый хронист и поэт Жан Фруассар. Этот выходец из мелкого нидерландского бюргерства полностью оторвался от своих социальных корней.

Придворная служба и страстная привязанность к куртуазной поэзии сделали Фруассара восторженным

певцом рыцарских добродетелей и подвигов. История Столетней войны представляла для него неограниченный материал. Фруассар одинаково пылко восхваляется подвигами рыцарей любой страны. Воспринятая им рыцарская идеология предопределяет неприязнь Фруассара к проявлениям социального протеста трудящихся масс и глубокий космополитизм. Это отнюдь не означает, что его хроники беспристрастно рисуют борьбу между Англией и Францией. Напротив, как известно, в их разных редакциях проступает сначала яркая проанглийская, а затем профранцузская окраска. Она, однако, не имеет ничего общего с ростками национального самосознания. Фруассар строго ориентировался на интересы своих покровителей и служил сначала при английском дворе, а затем во Франции.

Мы уделили большое внимание Фруассару потому, что его знаменитые хроники (сам автор рассматривал их как исторические сочинения) особенно ценны для изучения Столетней войны. При всех своих слабостях этот хронист наиболее остро интересовался историей войны между Англией и Францией: он активно собирал свидетельства очевидцев и даже документы в нескольких европейских странах. Фруассар единственный, кто в силу своей любви к рыцарству придавал большое значение вооружению, тактике, численности войск и т. п. Это тем более важно, что большинство хронистов — служители церкви, далекие от ратных дел, предпочитают сообщать о знамениях на поле сражения, а не о приемах боя. Английский аббат Бертон, например, вообще осуждает рыцарские турниры, пышное вооружение и пр. Поэтому в его хронике события войны излагаются скупой, без подробностей и деталей.

Интересными свидетельствами отражения заключительного этапа Столетней войны в сознании современников являются повествования об освобождении Нормандии Роберта Блонделля и Жака де Бувьера по прозвищу Берри. Оба они принадлежат к классу феодалов. Блонделль — рыцарь из Нормандии, Берри — герольд Карла VII. В отличие от других хронистов они ставили главной целью не написание истории страны или всемирной истории (многие хроники излагали события прошлого «от сотворения мира»). Блонделль и Берри в своих сочинениях особенно ярко рассказали об одном поразившем их событии — изгнании англичан из Нормандии в 1448—1450 гг. Ценность труда Берри особенно велика, так как автор был участником нормандской кампании. Сообщае-

мые им факты почти не расходятся с данными Блонделля, свидетельствуя и о его прекрасной осведомленности.

Под впечатлением высокого накала массового освободительного движения во Франции оба автора создали произведения, нетипичные для рыцарей. Они пронизаны горячим патриотическим чувством и презрением к англичанам, даже в тех случаях, когда речь идет об английских феодалах, например о главнокомандующем Тальботе. Еще большим отступлением от рыцарской идеологии является внимание Блонделля и Берри к простым людям Франции. Горожане и даже крестьяне показаны как помощники Карла VII и его армии в деле освобождения Нормандии. Все это превращает записки Блонделля и Берри в источники неоднородные: помимо богатого фактического материала, основанного у Берри на личном опыте, в них ценно свидетельство особой духовной атмосферы во Франции середины XV в. Они помогают воссоздать то, что называют «духом армии», — фактор, имеющий огромное значение в массовых освободительных движениях.

В этом отношении мемуарам близки произведения художественной литературы. Они дают представление о состоянии общественного мнения, о реакции на яркие события, которыми так богата история англо-французской войны. Например, анонимная поэма «Жалобная песнь о битве при Пуатье» демонстрирует глубокое потрясение жителей Франции поражением 1356 г. и первые симптомы зарождения народной войны. Широко распространенные в 20-х годах XV в. насмешливые стихи и песенки об англичанах свидетельствуют о выросшей неприязни к завоевателям, которая стала питательной средой для развития народно-освободительного движения.

При всей ценности источников нарративного и литературного характера их данные недостаточно полны и надежны для воссоздания истории Столетней войны и особенно картины развития международных отношений в Западной Европе. Они нуждаются в корректировке с помощью других материалов. Наиболее важны в этом смысле государственные акты заинтересованных стран, международные договоры, официальная переписка. Среди публикаций такого рода наибольшую ценность представляет известное многотомное издание дипломатических документов Т. Раймера. Очень важны также «Великие договоры Столетней войны», опубликованные Э. Косно. Переписка английских королей, представленная в ряде изданий, позволяет выявить основные направления

внешней политики Англии; многие письма королей Франции приводятся Раймером и французскими хронистами.

Комплексное использование различных видов источников дает возможность попытаться представить по возможности полную картину одного из наиболее значительных военно-политических конфликтов в истории Западной Европы. Это представляется актуальным и полезным для изучающих историю феодальной Европы и всех интересующихся этим периодом не только в связи с непреодолимой злободневностью проблем международных отношений, но и из-за недостаточной историографической разработанности истории Столетней войны.

В зарубежной историографии этому событию посвящена большая литература, которая, однако, требует достаточно критического отношения. Этот вопрос будет специально рассмотрен в III главе данной работы. В русской и советской медиевистике Столетней войне не было уделено специального внимания. Пока на русском языке нет ни одной работы, которая могла бы быть использована для углубления знаний студентов по содержанию и фактической истории крупнейшего военно-политического конфликта периода развитого феодализма в Западной Европе. А между тем именно англо-французские противоречия составляли в течение длительного периода ключевую проблему международной жизни большого региона.

Глава I

Истоки войны

В процессе становления феодальных государств одной из их важных задач было территориальное размежевание с соседними странами и феодальными владениями. На рубеже раннего и развитого феодализма эта проблема объективно выдвигалась в центр межгосударственных отношений. В период расцвета феодальной системы она также сохраняла актуальность и часто была стержнем столкновений на международной арене. Территориальное размежевание формирующихся феодальных монархий — первый источник англо-французской борьбы, приведшей к Столетней войне.

Противоречия между Англией и Францией, вылившиеся в XIV в. в длительный вооруженный конфликт, уходят корнями в период раннего феодализма. Они возникли в эпоху, когда обе страны делали первые шаги на пути укрепления государственности. Отправной точкой причудливого переплетения исторических судеб Франции и Англии стало событие XI в. — завоевание англосаксонского королевства северофранцузским феодалом герцогом Нормандским Вильгельмом (1066).

Это событие было важнейшим звеном в цепи экспансионистских предприятий нормандских герцогов, осуществлявшихся ими в Западной Европе с конца X в. После первых неудачных попыток утвердить свое влияние в независимой Бретани они воспользовались политической слабостью французских королей из дома Капетингов и распространили власть Нормандского дома на графства Мен и Анжу. Таким образом, после завоевания Англии основатель нормандской династии английских королей и его непосредственные преемники объединили под своей властью комплекс весьма разнородных владений, разделенных Ла-Маншем. Сложность этого объединения заключалась, однако, не только в географической разобщенности.

Подвластные нормандскому герцогу континентальные владения (Нормандия, графство Мен и часть графства Анжу) отличались от Англии более высоким уровнем

феодализации, этнической и культурной самобытностью. Тем не менее успех предприятия Вильгельма Завоевателя положил начало растянувшимся на столетия попыткам правителей английского королевства соединить трудносоединимые части своих островных и континентальных земель.

Первую реальную попытку в этом направлении предпринял английский король из новой династии Плантагенетов Генрих II (1154—1189). Судьба дала ему серьезные основания рассчитывать на успех в создании обширного политического объединения на континенте и Британских островах. Само происхождение Генриха как бы символизировало такое объединение (мать — дочь английского короля Генриха I, отец — граф Анжуйский из Франции). Женитьба Генриха Плантагенета на единственной наследнице герцога Аквитанского Алиеноре (1152) добавила к его континентальным владениям обширную область на юго-западе Франции. Под властью английского короля оказалась примерно половина французских земель: весь запад, кроме независимого герцогства на полуострове Бретань.

Французские Капетинги были в этот период слабыми соперниками. Небольшие размеры их домена, несовершенный государственный аппарат, глубоко укоренившиеся традиции фактической независимости крупных феодалов делали их власть во Франции почти номинальной. Это стимулировало активную континентальную политику Генриха II. В первые же годы правления он расширил владения на границе Нормандии, а в 1169 г. добился того, что герцог Бретани признал его своим сюзереном. Последнее не означало присоединения Бретани к владениям Плантагенетов, но укрепляло политические позиции английского короля на континенте¹.

Сложившаяся во Франции ситуация затрудняла преодоление феодальной раздробленности. Английский король выступал на континенте в роли одного из многочисленных крупных феодалов, для которых характерен глубокий сепаратизм по отношению к центральной власти. Однако его оппозиция была особенно опасной, так как она опиралась на значительные экономические и военно-политические ресурсы за пределами Франции. По мере укрепления феодальной системы, развития городов и

¹ Само по себе признание сюзеренитета (оммаж), сопровождавшееся принесением клятвы вассальной верности (фуа), было формальным актом. Генрих II считался вассалом Капетингов из-за своих французских владений, но реальная сила была на его стороне.

сельского хозяйства на очередь дня выдвигалась задача преодоления раздробленности. Ведущей силой этого естественного исторического процесса была королевская власть. На пути Капетингов в решении этой проблемы стояло немало препятствий, среди которых одним из наиболее сложных было наличие обширных английских владений. Они закрывали для королевского домена выходы к морю по Сене и Луаре, лишали французских королей больших потенциальных доходов. В условиях укрепления государственности во Франции и Англии соперничество с Плантагенетами угрожало перерасти в столкновение межгосударственных интересов.

Нарастание англо-французских противоречий отражало общеевропейские процессы, происходившие в международных отношениях под влиянием внутренних изменений феодальной системы. В течение XII—XIII вв. в Западной Европе на смену аморфным соединениям феодальных владений приходят относительно консолидированные государственные образования. Для английской французской монархий разрыв древних вассальных связей был необходимым моментом этой консолидации.

Первые попытки добиться ослабления позиций английской короны во Франции были предприняты при французском короле Людовике VII (1137—1180). Он еще не решился на открытую борьбу, удар был нанесен исподволь, в характерной для средневековья форме вмешательства в династические вопросы. В 1173 г. в Англии и ее континентальных владениях разгорелась междоусобная война Генриха II и его наследника — «молодого короля», тоже Генриха. Франция вмешалась в эту борьбу на стороне мятежного наследника, бежавшего из Англии ко двору Людовика VII. Эти события еще очень напоминали домашнюю ссору в королевском семействе (тем более что Людовик VII был первым мужем английской королевы Алиеноры до ее брака с Генрихом Плантагенетом). Однако характерно, что уже на этой ранней стадии англо-французские противоречия вышли за рамки отношений между двумя королевскими домами и обнаружили тенденцию к обретению европейских масштабов.

Молодого Генриха помимо французского короля активно поддерживали граф Фландрский и король Шотландии. Их участие в событиях 1173 г. имело свои мотивы, по существу сходные с причинами борьбы Капетингов и Плантагенетов. Основой их были экспансионистские устремления английской монархии.

Первыми объектами экспансионистских устремлений английских феодалов при Генрихе II стали ближайшие соседи Англии: Ирландия, Уэльс, Шотландия. В середине XII в. утратила независимость часть Уэльса, в 70-х годах началась колонизация Ирландии. На Британских островах лишь Шотландия сохраняла свою территориальную целостность и активно сопротивлялась наступлению английской монархии. В борьбе за независимость она, естественно, обратилась к поискам поддержки извне. Это совпадало с интересами французской монархии, нуждавшейся в опоре в неизбежно предстоявшей борьбе с Плантагенетами.

Фландрия выступила против Генриха II также из страха перед возможным английским вмешательством в ее дела. Графство Фландрское с середины XI в. было одним из наиболее значительных и фактически независимых феодальных владений в Западной Европе. Его вассальная зависимость от Капетингов имела номинальный характер. В 60-х годах XI в. граф Бодуэн V Фландрский даже выступал в роли опекуна малолетнего Филиппа I Капетинга и именовал себя в документах «попечителем и управителем королевства». Во второй половине XII в. Фландрия сохраняла прочные независимые позиции и еще не ощутила всей глубины опасности со стороны французской монархии. Англия же рассматривалась как враждебная фландрской независимости сила с конца XI в. В свое время Вильгельм Завоеватель обеспечил нейтралитет Фландрии при завоевании англосаксонского королевства, женившись на дочери Бодуэна V. Затем открытые успехами на Британских островах первые представители Нормандского дома начали строить планы присоединения Фландрии к своим континентальным владениям династическим путем.

Таким образом, тенденция к поискам путей независимого политического развития толкнула Шотландию и Фландрию в конце XII в. на первый акт вмешательства в противоречия между английской и французской монархиями. Этим было положено начало долгой и сложной политической борьбе, в которой шотландскому королевству и графству Фландрии предстояло сыграть заметную роль.

События 1173—1174 гг. закончились победой Генриха II, сумевшего отразить удар, нанесенный с трех сторон. Последствия поражения были наиболее тяжелыми для Шотландии. Шотландский король Уильям Лев был вынужден подписать Фалезский договор (1174), снизив-

ший статус независимой Шотландии до положения вассала английской короны². Это обострило положение на англо-шотландской границе, так как шотландская монархия начала еще более активно сопротивляться дальнейшей экспансии Англии, борясь за освобождение от вассалитета и территориальное размежевание. Поэтому прецедент сближения с Францией не мог остаться случайным эпизодом.

Для французской монархии Плантагенеты были «врагом номер один». Начавшееся в 80-х годах XII в. при Филиппе II (1180—1223) укрепление власти Капетингов приближало неизбежное столкновение с английской монархией в борьбе за континентальные владения. Шотландия в 80—90-х годах XII в. также добилась некоторого успеха в противостоянии английскому давлению. По Кентерберийской хартии 1189 г. она освободилась от государственного вассалита по отношению к Англии, вернувшись к древней системе принесения вассальных обязательств лично королем³. Тем не менее было бы преждевременным считать, что Шотландия окончательно отстояла свою независимость. Дальнейшее франко-шотландское сближение и даже объединение против общего противника имело, таким образом, под собой серьезные основания. Как показали последующие события, оно было вопросом времени.

Французский король Филипп II Август — умелый политик и способный военачальник — отчетливо ощущал назревшую политическую проблему укрепления государственности во Франции. Опираясь на существенные к концу XII — началу XIII в. достижения феодальной системы, он поставил двуединую задачу: усиление позиций центральной власти внутри королевского домена и борьбу за увеличение его размеров. Вторая часть этой задачи наиболее естественно могла быть решена за счет владений Плантагенетов. Однако прежде французский король постарался обезопасить свои границы с востока.

К концу 70-х годов XII в. графство Фландрское сделало столь серьезной силой, что начало вызывать опасения Капетингов. Удобное географическое положение Фландрии и высокие темпы процесса феодализации в этой области привели к тому, что уже в XII в. она отличалась необычайно высоким уровнем развития экономи-

² См.: Anglo-Scottish Relations, 1174—1328 / Ed. E. L. Stones. L., 1965 (далее — Stones), p. 1—5.

³ См.: The Acts of the Parliaments of Scotland. Edinburgh, 1841 (далее — APS). V. I (1124—1423), P, p. 58; Stones, p. 6—8.

ки. Особенно выделялись города, которые сочетали интенсивное ремесленное производство с активной внешней торговлей. Со второй половины XI в. все более важным торговым партнером для них становилась Англия.

Все это в совокупности с этнической и культурной самобытностью населения Фландрии способствовало укреплению тенденции к независимому развитию. К тому же в конце правления Людовика VII фландрские графы заняли ведущее положение при французском дворе. Граф Филипп Эльзасский был воспитателем наследника короны Капетингов — будущего Филиппа II Августа — и пытался сохранить руководящее положение после его вступления на престол. Правильно оценив опасность, Филипп II с первых шагов своего правления поставил цель ослабления Фландрии. В течение 1180—1185 гг. французский король сосредоточил усилия на восточном направлении. Путем дипломатии, использования династической борьбы и военной силы он добился присоединения прежде подвластных графу Фландрскому областей Валуа и Вермандуа, а также графства Амьен. В 1191 г. Филипп II сумел отторгнуть от Фландрии ряд юго-западных областей с городами Аррас и Сент-Омер и присоединить их к своему домену.

Еще договор 1185 г., в котором были зафиксированы успехи французской монархии во Фландрии, подготовил выступление Филиппа II на западе и северо-западе против Плантагенетов. Однако прежде чем он начал войну против Англии, новый граф Фландрский Бодуэн IX заключил союз с английским королем Ричардом Львиное Сердце (8 сентября 1196 г.)⁴. Опасность поглощения Францией толкнула Фландрию на сближение с Англией, в которой графы Фландрские недавно видели врага. Не последнюю роль в такой переориентации играли и крепнущие торговые связи фландрских городов с Англией, а также некоторые соображения субъективного характера. При Генрихе II Плантагенете английская опасность представлялась более реальной еще и потому, что ее носителем была сильная личность, в то время как французский престол занимали гораздо менее яркие фигуры. На рубеже XII и XIII в. ситуация изменилась. В то время как Филипп II все более убедительно демонстрировал качества политика и военачальника, в Англии корона пере-

⁴ См.: Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunq[ue] generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer V I-X Hagae 1739—1745 (далее — Foedera), v. I, pars II, p. 34.

шла к младшему сыну Генриха II Иоанну (1199—1216), получившему со временем прозвище Безземельного — достаточно беспомощному в политических и военных делах. В 1202 г. Филипп II начал решительное наступление на континентальные владения английских королей. За четыре года он отвоевал у Иоанна Безземельного Нормандию, Мен, Анжу и Турень (области на севере и северо-западе Франции). В сочетании с ослаблением Фландрии и наметившимся еще в конце XII в. союзом с Шотландией это принципиально меняло положение Франции. Капетинги реально властвовали над половиной французских земель и могли рассчитывать на внешнюю поддержку в борьбе против английской монархии. К тому же в этот период существовала еще одна внешнеполитическая сила, на которую могли опереться французские короли. Этой силой было папство.

В 1205 г. Иоанн Безземельный вступил в борьбу с римским папой Иннокентием III (1198—1216). Относительно высокая степень централизации феодального государства в Англии привела к тому, что здесь значительно раньше, чем во Франции, началась борьба за приоритет между светской властью и папством. Характерно, что в столкновении с Иоанном Иннокентий III стремился противопоставить ему именно Францию. Объявив крестовый поход против английского короля, папа поручил возглавить его французской монархии. Таким образом, вновь проявилась тенденция к распределению западноевропейских политических сил на полюсах англо-французских противоречий.

Военные и политические неудачи Иоанна Безземельного (в итоге столкновения с Иннокентием III он был вынужден признать себя вассалом папы) сильно ослабили позиции английской монархии на континенте. Тем не менее Иоанн не считал себя побежденным. В соответствии с уже отчетливо наметившейся тенденцией расширения противоречий с Францией до европейских масштабов он организовал коалицию против Филиппа II Августа. В нее вошли граф Фландрский, германский император Оттон IV и граф Бульонский. Вместе с английским отрядом они сразились с французским войском 27 июля 1214 г. в битве при Бувине близ Лилля. Интересы английского короля, территориальные споры между Англией и Францией послужили здесь основой для объединения феодальных правителей, обеспокоенных усилением Франции. Коалиция потерпела поражение. В сочетании с почти одновременным разгромом английских войск силами Фран-

ции в сражении при Ларош-о-Муане это был подлинный триумф французского короля.

Стремясь закрепить успех, французская монархия нанесла Англии еще один удар. Воспользовавшись острой вспышкой недовольства политикой Иоанна и выступлением баронов против его власти, Капетинги при поддержке римского папы выдвинули претензии на английский трон. Часть мятежных баронов признала законными династические права наследника французского престола Людовика (будущего Людовика VIII), состоявшего в родстве с английским домом. Трудное политическое положение Иоанна Безземельного использовала и Шотландия. Действуя уже фактически в союзе с Францией, шотландский король Александр II принес принцу Людовику оммаж за пограничные с Англией области как английскому королю. Затем последовало одновременное выступление французских и шотландских войск на юге и севере Англии.

В ходе этого военно-политического предприятия произошло дальнейшее сближение антианглийских сил: Франции, Шотландии, папства. Появились признаки складывания франко-шотландских союзных отношений: попытка ведения войны против Англии на два фронта и тенденция к заключению политического соглашения. Шотландские войска поддержали с севера борьбу французского претендента, высадившегося с армией на юге Англии. Принц Людовик дал обещание не заключать мира с английским королем без участия Шотландии⁵. Эти формы военных и политических контактов, как и постоянное использование в борьбе против Англии угрозы взаимного сближения со временем стали характерными для франко-шотландского союза, сыгравшего большую роль в истории Столетней войны.

Английской монархии удалось отразить франко-шотландский удар. После смерти Иоанна Безземельного престол перешел к Генриху III (1216—1272), сумевшему в 1217 г. разбить войска принца Людовика. Однако политические позиции Плантагенетов в Западной Европе были подорваны. При Генрихе III Англия утратила права на Пуату, Лимузен и Перигор. С большим трудом английская корона сохранила позиции на юго-западе Франции и вассальные обязательства герцогов Бретани.

⁵ См.: *Early Sources of Scottish History* / Ed. H. O. Anderson. V. I—II. Edinburgh—L., 1922, v. II, p. 381—382.

Лидирующее положение перешло к французским Капетингам. XIII век стал временем расцвета феодальной Франции. Одним из его проявлений были дальнейшие успехи в централизации государства и внешней политике. При Людовике IX (1226—1270) королевской власти удалось, опираясь на обширный домен (примерно три четверти территории страны), серьезно упрочить свое положение. Было усовершенствовано управление королевскими землями, проведены судебная, административная и монетная реформы, резко возросли доходы казны. Все это помогло Франции закрепить наметившиеся в начале XIII в. крупные внешнеполитические успехи.

В 1226 г. Фландрии был навязан Меленский договор, зафиксировавший последствия французской победы при Бувине в 1214 г. Фландрия пострадала от этого поражения сильнее всех участников антифранцузской коалиции: граф Фландрский на двенадцать лет оказался во французском плену, во Фландрии были скрыты укрепления наиболее независимых городов, на дальнейшее сооружение городских укреплений был наложен запрет, горожан вынудили отправить заложников во Францию. Меленский договор установил прочную вассальную зависимость Фландрии от французского короля и, казалось, навсегда снял вопрос о возможности ее независимого развития. Правда, в течение XIII в. Фландрия попыталась балансировать между Францией и Германской империей. Заметных результатов это не принесло, и Фландрское графство осталось в сфере прочного политического влияния французской монархии.

Успехи Франции в борьбе за изгнание английских королей из континентальных владений отразились в Парижском договоре 1259 г. между Англией и Францией⁶. В этом документе юридически закреплялась утрата английской короной всех континентальных владений, кроме земель на юго-западе Франции. Английский король сохранял титул герцога Аквитанского и статус вассала Капетингов в отношении этого владения. Это была большая победа централизаторской политики французских королей. Юридическое положение английского короля во Франции стало теперь примерно таким же, как у крупнейших французских феодальных землевладельцев. Однако его фактические возможности были гораздо значи-

⁶ См.: *Roles Gascons (1242—1317)*. V, I—IV. P., 1885-1962 (далее — RG), v. I, N 328.

тельнее. Плантагенеты, безусловно, обладали несравнимо большей независимостью и материальными ресурсами. Это превращало их владения на континенте в наиболее важную опору сепаратистских сил Франции. Поэтому ликвидация английской власти на юго-западе оставалась непременным условием завершения централизации во французском королевстве.

Таким образом, проблема Аквитании заняла заметное место в системе англо-французских взаимоотношений. Граница этой области (в Англии ее обычно называли Гасконью, во Франции — Аквитанией или Гиенью) начиналась севернее нижнего течения Дордони и доходила на юге до Пиренеев. С запада на восток она простиралась от побережья Бискайского залива до среднего течения Гаронны. Объективная ценность этого отныне единственного английского владения на континенте увеличивалась благодаря его выгодному для морской торговли географическому положению, наличию прекрасных водных артерий, высокоразвитому сельскому хозяйству и ремеслу, богатым городам. Немалое значение имело также наличие крупных торговых и военных портов (Бордо, Байонна, Дакс) и стратегически важное соседство со странами Пиренейского полуострова. Все это превращало вопрос о принадлежности Аквитании в ключевую проблему англо-французских противоречий XIII — начала XIV в. (в исторической литературе ее обычно называют «гасконской проблемой»).

Во второй половине XIII в. английские короли Генрих III и Эдуард I (1272—1303) начали осуществлять меры с целью обеспечить финансово-экономическую эксплуатацию этой области. К концу столетия английская корона получала из Гаскони до 50 тыс. ф. ст. ежегодного дохода — сумму, близкую к общим среднегодовым поступлениям в казну Англии. Средства, поступавшие из Гаскони, складывались из доходов от обширных домениальных владений английского короля, многочисленных пошлин, доходов от продажи должностей и откупов. Особую ценность представляли пошлины на вино, поскольку виноградарство, виноделие и виноторговля были в числе основных занятий населения этого края. Английские короли, бдительно следившие за максимальным использованием каждого источника дохода в Гаскони, добились двойной выгоды от виноторговли. Гасконские вина дважды облагались пошлинами в пользу королевской казны: при вывозе из Бордо и при ввозе в Англию. Это давало около 12 тыс. ф. ст. дохода ежегодно.

Таким образом, английская корона обрела ценную экономическую опору, в которой остро нуждалась феодальная монархия в период активного укрепления позиций центральной власти. Поскольку области на юго-западе Франции считались частью домена английского короля, поступления от них полностью принадлежали короне. Это увеличивало для Плантагенетов важность сохранения континентальных владений. Львиная доля богатств Гаскони поступала в Англию. Английские короли имели возможность осуществлять здесь «бескровную» экспансию в период, когда экспансионистские устремления были острой потребностью феодальной монархии и класса феодалов.

При этом данный объект экспансионистской политики принципиально отличался, например, от Ирландии или Уэльса. Гасконь не подверглась завоеванию и поэтому не требовала средств на колонизацию и подавление сопротивления местного населения. Напротив, прочные традиции фактически независимого развития в сочетании с заинтересованностью в английском рынке обеспечивали по меньшей мере лояльные позиции феодалов и горожан этой области по отношению к английской власти. Отсутствие завоевания сделало ненужным появление в Гаскони феодалов из Англии. В результате гасконские доходы практически полностью доставались королю. Их незначительная часть уходила лишь на содержание английского административного аппарата.

Однако и в этом отношении герцогство Аквитанское представляло собой приятное исключение. К моменту перехода под власть Плантагенетов оно было областью развитого феодализма, несколько не отстававшей от Англии. Поэтому англичанам в Гаскони не приходилось ломать существующие общественные отношения, как, например, в Ирландии. Доходы короны обеспечивались самой феодальной структурой области. Английский административный аппарат лишь направлял и контролировал их четкое и полное поступление в королевскую казну. Именно это было стержнем деятельности всех звеньев английской администрации в Гаскони и свидетельствовало об общем потребительском отношении короны к этой области.

Таким образом, отстаивая свои права на юго-западные французские земли, английская корона боролась не только за стратегический плацдарм на континенте и свой международный авторитет, но и за ценнейший источник доходов. Наличие этого богатого домениального владе-

ния давало королевской власти очень важную в тех исторических условиях возможность располагать определенными свободными средствами и помогало обеспечить относительную самостоятельность в решении сложных внутривосточных задач. Французские короли нуждались в пополнении своей казны не меньше, чем английские. Они расценивали сохранение герцогства Аквитанского в руках случайно получивших его Плантагенетов как историческую несправедливость, которую следовало исправить любым путем.

Конец XIII в. стал временем обострения англо-французских противоречий. Основным фокусом борьбы была гасконская проблема. К ней стягивались наметившиеся в прошлом столкновения интересов по поводу Фландрии и Шотландии. После долгого периода частных конфликтов в Аквитании (юридических споров, пиратских стычек вблизи гасконских берегов и т. п.) в 1294 г. между Англией и Францией вспыхнула война из-за этой области. Правивший в это время во Франции Филипп IV (1285—1314) активно проводил политику укрепления центральной власти и расширения королевского домена. Очередная попытка покончить с континентальными владениями Англии логически вытекала из его общей внутривосточной линии.

В 1294 г., воспользовавшись жалобой нормандских моряков на пиратские действия англо-гасконского флота, Филипп IV вызвал английского короля на суд Парижского парламента как вассала-ответчика. Эдуард I уклонился от выполнения униженной процедуры и прислал вместо себя брата Эдмунда. Суд принял решение о конфискации герцогства у английского короля, как у непокорного вассала. Это было равносильно объявлению войны.

Готовясь к предстоящему столкновению в борьбе за юго-западные земли Франции, обе стороны обратились к поискам международной поддержки. К этому вела логика развития англо-французских противоречий в предшествующую эпоху. В изменившихся исторических условиях в Западной Европе сложились уже не просто личные унии государей, а межгосударственные союзы.

Еще в 1288 г. был заключен союз между Францией и Кастилией, положивший начало будущему активному вовлечению пиренейских стран в англо-французскую борьбу. Государства Пиренейского полуострова уже в силу своего географического положения должны были стать объектом столкновения политических интересов Англии

и Франции. Непосредственное соседство с основным предметом англо-французского соперничества — французскими юго-западными землями — превращало Пиренейский полуостров в важнейший стратегический плацдарм в назревающей англо-французской войне.

Благоприятную почву для вовлечения пиренейских стран в англо-французскую борьбу создавали глубокие противоречия между ними. Давняя и еще не завершенная борьба против остатков мусульманской империи сочеталась начиная со второй половины XIII в. с острейшим соперничеством, стремлением Кастилии и Арагона (затем объединенного королевства Каталонии и Арагона) утвердить свою политическую гегемонию на полуострове. Борьба обострялась нерешенностью пограничных вопросов. С этой проблемой в той или иной степени сталкивались все феодальные государства при переходе от ранних ступеней своего развития к зрелости и расцвету. На Пиренейском полуострове она стояла особенно остро в связи с длительным и сложным процессом Реконквисты и обусловленной им нестабильностью пограничного деления. Все это толкало государства Пиренейского полуострова на поиски политической и военной поддержки извне.

В конце XIII в. Франции удалось занять довольно прочные позиции на Пиренейском полуострове. Первым шагом на этом пути было приобретение в 70-х годах влияния в Наварре, где престол династическим путем перешел к младшей ветви французского правящего дома. Наваррское королевство открывало путь в глубь полуострова. Французское влияние в Наварре способствовало укреплению экономических и политических связей Франции со странами Пиренейского полуострова.

Дальнейшему укреплению позиций французской монархии на Пиренейском полуострове способствовала начавшаяся в конце XIII в. борьба за гегемонию между Кастилией и Арагоном. Франция, опасавшаяся роста арагонского влияния в Средиземноморье, начала оказывать поддержку Кастилии. В 1285 г. состоялось французское вторжение в Арагон, предопределившее заключение франко-кастильского союза 1288 г.

Англия в этот период не пользовалась влиянием на пиренейские страны и не имела там серьезной поддержки. Более того, у английской монархии существовала почва для серьезных разногласий с Кастилией, периодически выдвигавшей древние династические притязания на Гасконь. В начале XIII в. при Иоанне Безземельном кастильский король даже предпринял попытку захватить

эту важнейшую для Англии область силой. В середине XIII в. эти притязания в очередной раз выдвинул кастильский король Альфонс X.

Таким образом, в 90-х годах XIII в., к моменту начала англо-французской войны 1294—1302 гг. за французские юго-западные земли, Франция явно имела политическое преимущество на Пиренейском полуострове — важнейшем для предстоящей борьбы стратегическом плацдарме. Подготовку к военным действиям французский король начал с того, что обратился к Кастилии с просьбой направить корабли для борьбы против Англии в Гаскони.

К началу англо-французской вооруженной борьбы на юго-западе Франции оформился и давно наметившийся франко-шотландский союз. На протяжении всего XIII века сохранялась английская угроза независимости Шотландии, что создавало почву для ее дальнейшего сближения с Францией перед лицом общего врага. В 30—50-х годах Англия осуществляла в основном политическое давление на своего северного соседа, не вступая в открытый конфликт. Но и этим путем английской монархии удалось добиться многого: шотландский король отказался от притязаний на пограничные графства Нортумберленд, Камберленд и Вестморленд (договор 1237 г. в Йорке)⁷; в 1255 г. шотландский парламент под давлением Англии признал правомочность вмешательства английского короля во внутренние дела страны⁸. Все это свидетельствовало о сохранении тенденции к снижению статуса независимой Шотландии.

В конце XIII в. английская монархия предприняла новую решительную попытку подчинить Шотландию. Эдуард I в роли арбитра вмешался в так называемое «Великое дело» — избрание в связи с отсутствием прямого наследника престола нового шотландского короля. Воспользовавшись борьбой феодальных группировок в Шотландии, английский король провел ряд политических мер, поставивших страну на грань утраты независимости. Наиболее опасно было возведение в 1292 г. на шотландский престол удобного Англии короля Джона Балиоля. Эдуард I рассчитывал с его помощью стать фактическим сувереном Шотландии.

В этих условиях, опираясь на прежний опыт сближения с Францией в антианглийской борьбе, шотландские

придворные круги обратились к своему единственному потенциальному союзнику. Это полностью совпало с интересами французской монархии и привело в 1295 г. к официальному оформлению союза между Францией и Шотландией. Парижский договор 1295 г. носил откровенно антианглийский характер и предусматривал взаимные обязательства сторон в совместной борьбе против Англии⁹. Его основное военное условие заключалось в обеспечении войны на два фронта. Шотландские войска были обязаны «при необходимости как по суше, так и по морю прибыть в Англию». В случае англо-французской войны шотландский король обещал «объявить войну королю Англии и как можно сильнее и болезненнее опустошать земли английского королевства». Франция же должна была «прочно стоять на стороне шотландского короля, оказав ему помощь путем захвата других частей английского королевства»¹⁰. В качестве политического условия союза оговаривалось участие Франции в любых англо-шотландских мирных договорах.

Подписание такого документа в период англо-французского вооруженного конфликта в Гаскони было со стороны Шотландии фактическим объявлением войны Англии. Таким образом, английская монархия оказалась перед опасностью борьбы на два фронта. Эта угроза реализовалась уже в 1296 г., когда в Шотландии развернулась антианглийская война за независимость (1296—1328), в то время как в Гаскони с переменным успехом продолжались англо-французские военные действия.

Стремясь ликвидировать наметившийся перевес сил в пользу Франции, английская корона также обратилась к активным поискам союзника. Были использованы большие денежные средства и различные формы политического нажима, чтобы привлечь на сторону Англии графа Фландрского. Помимо естественного стремления найти противовес франко-шотландскому союзу, усиление интереса к Фландрии имело причины стратегического характера. После потери Нормандии графство Фландрское было для Англии самым удобным плацдармом для удара по Франции с севера. К концу XIII в. сложились экономические и политические предпосылки для реализации союза между Англией и Фландрией. Английская шерсть и английские корабли сделались необходимыми для раз-

⁹ См.: Foedera, v. I, pars III, p. 152—153.

¹⁰ APS, v. I, p. 95—97. Эти обязательства подробно раскрыты в процитированных письмах французского и шотландского королей, которыми они обменялись перед подписанием договора.

⁷ См.: Foedera, v. I, pars I, p. 233.

⁸ См.: APS, v. I, p. 77—78.

вития сукноделия — ведущей отрасли фландрского ремесла, основы экономики Фландрии. Главные центры сукноделия переместились с юга Нидерландов во фландрские города Ипр, Гент, Брюгге, неразрывно связанные с объединением купцов — так называемой «Лондонской ганзой». Ее члены получали важные привилегии от английского короля. В течение XIII в. эти богатые и независимые города начали играть видную роль в жизни графства. Это создавало прочный фундамент для сближения с Англией.

Основной политической предпосылкой союза Фландрии с английской короной было нараставшее в течение XIII в. французское давление на эту область. Особенно грубым и угрожающим относительной независимости Фландрии оно сделалось при Филиппе IV в 80-х годах XIV в. Умело играя на растущих противоречиях между графом Фландрским и горожанами, используя права сюзерена, Филипп IV явно приближал превращение Фландрии в часть своего домена. Эдуард I, также отличавшийся способностями политика и дипломата, противопоставил французской угрозе горячую готовность к сближению с графом Фландрским Ги Дампьером: предоставлял ему займы, делал невиданные по щедрости подарки, поддерживал на дипломатическом поприще. Имело значение и то, что английский король постепенно расширял число своих сторонников среди других нидерландских сеньоров (в Брабанте, Гельдерне, Нассау и др.)

Последним толчком к союзу с Англией стал очередной удар, нанесенный графу Фландрскому Филиппом IV: в 1297 г. он предал Ги Дампьера суду Парижского парламента как непокорного вассала. Так же как три года назад в отношении Аквитании, суд принял решение о конфискации графства. Граф Фландрский немедленно заключил договор о союзе с Англией (2 февраля 1297 г.)¹¹ и направил вызов своему сюзерену Филиппу IV. Это означало объявление войны.

Таким образом, в конце XIII в. англо-французские противоречия вновь вышли за рамки столкновения двух монархий и способствовали очередной перегруппировке европейских государств и феодальных владений, решавших сходные задачи территориального размежевания и борьбы за независимость.

Развернувшаяся в последние годы XIII в. вооруженная борьба между Англией и Францией и их союзника-

ми была более успешной для французской монархии, хотя и не привела ее к полной победе. Пользуясь тем, что шотландская война отвлекала все большие силы английской монархии (в 1297—1305 гг. в Шотландии разгорелось восстание под руководством Уоллеса), Филипп IV добился заметного успеха в Юго-Западной Франции. Кроме того, он вынудил герцогов Бретани признать его своим сюзереном и нанес сокрушительный удар по Фландрии. Английская помощь фландрскому графу была несвоевременной и недостаточной. В 1300 г. французский король фактически аннексировал Фландрию, превратив ее в часть своего домена. Казалось, Франция стоит на пороге полного триумфа: присоединение Фландрии и казавшееся уже реальным возвращение Аквитании должно было дать решительный толчок делу дальнейшей централизации государства и одновременно удовлетворить экспансионистские устремления феодалов. Однако события первых лет XIV в. показали, что обе проблемы далеки от решения.

Установление французской власти во Фландрии сопровождалось введением тяжелого налогообложения и усилением феодальных повинностей. Феодалы Франции торопились получить выгоды от победы и приступили к выкачиванию средств из богатой области. Это вызвало во Фландрии широкое антифранцузское движение народных масс. Франции пришлось вести войну, не похожую на прежнюю борьбу против графов Фландрских. Отличавшееся глубокой этнической самобытностью население Фландрии отстаивало свою независимость и сопротивлялось росту феодальной эксплуатации. Поражение в такой войне было практически неизбежным. 11 июля 1302 г. ополчение фландрских горожан разгромило французскую армию в битве при Куртре. Французские войска были вынуждены покинуть Фландрию.

Одна серьезная военно-политическая неудача повлекла за собой другую: Франции срочно понадобился мир в Гаскони, хотя победы там она еще не добилась. К тому же Филипп IV вступил в острый конфликт с папой Бонифацием VIII, что лишило французскую монархию традиционно благоприятной позиции папства при выработке условий мира. Единственной, но важной опорой Франции оставалась Шотландия. Филипп IV откровенно подстрекал ее к нанесению Англии максимально ощутимых ударов в период англо-французских переговоров, чтобы сделать Эдуарда I более сговорчивым. В мае 1303 г. в Париже был заключен мирный договор между Англией и

¹¹ См.: Foedera, v. I, pars III, p. 54.

Францией¹². В Гаскони сохранялся status quo, который безусловно гораздо больше удовлетворял Англию. В том же году при участии Филиппа IV было подписано англо-шотландское перемирие¹³.

Таким образом, англо-французские противоречия, имевшие уже более чем двухсотлетнюю традицию, на рубеже XIII—XIV вв. не были разрешены, несмотря на усилия сторон. Они локализовались на проблемах Гаскони, Фландрии и Шотландии, обретая признанные европейские масштабы. Английская монархия не отказывалась от плана создания обширной империи, включающей народы и земли, независимо от их этнической и исторической самобытности (Ирландию, Уэльс, Шотландию, Гасконь); Капетинги сохраняли такие же планы в отношении Фландрии. Шотландия, Фландрия и даже Гасконь рассчитывали, играя на англо-французских противоречиях, сохранить хотя бы относительную самостоятельность.

В 20-х годах XIV в. была предпринята очередная попытка разрешить спорные вопросы путем локальных войн. В 1323—1325 гг. в Гаскони вспыхнула так называемая война Сен-Сардо. Поводом для нового столкновения между Англией и Францией за владение французским юго-западом были спорные права на небольшое укрепленное поселение (бастиду) Сен-Сардо. Вновь французский король прибег к конфискации герцогства Аквитанского у английской короны. Военные действия были еще менее успешными для Англии, чем в 1294—1303 гг. Английские войска быстро капитулировали. По условиям мира Эдуард II (1307—1327) обязался выплатить французскому королю Карлу IV (1322—1328) солидное возмещение убытков; размеры английских владений были сильно урезаны. Но все же главной своей цели — возвращения Гаскони Франции — французская монархия вновь не добилась.

Произошло дальнейшее укрепление позиций Франции во Фландрии. Воспользовавшись антифеодальным восстанием крестьян и горожан (1323—1328), французский король по призыву графа Фландрского пришел с армией во Фландрию и нанес восставшим тяжелое поражение в битве при Касселе (23 августа 1328 г.). Кажется, Фландрия окончательно поставлена на колени: города лишены вольностей, во многих из них срыты укрепления

¹² См.: RG, v. III, N 4572, 4589.

¹³ См.: APS, v. I, p. 98—99.

и т. п. Однако и здесь французская монархия не достигла главной цели: Фландрия не стала частью королевских владений.

Причины этой незавершенности в решении актуальнейших для Франции задач в Гаскони и Фландрии заключались во внутренней жизни обеих областей. Как в Гаскони, так и во Фландрии существовали экономические и политические предпосылки для сохранения независимости. В сочетании с глубокой этнической и культурной самобытностью это препятствовало их окончательному присоединению к французскому королевству.

В Юго-Западной Франции многие объективные обстоятельства могли способствовать утверждению французской власти: территориальное расположение Гаскони, во круг которой все более плотно сжималось кольцо французских владений; большая протяженность равнинных границ с Францией (это делало герцогство Аквитанское крайне уязвимым с французской стороны в военном отношении). Серьезной опорой французских королей в борьбе за Гасконь было положение верховных сюзеренов этой области, закрепленное за ними Парижским договором 1259 г. Право сюзеренитета в сочетании с принятой в Гаскони французской системой вассалитета давало Франции достаточно широкие возможности вмешательства в гасконские дела вплоть до конфискации этой области у герцога Аквитанского, т. е. английского короля.

Однако в пользу Англии в Гаскони действовали такие факторы, как взаимные экономические интересы английской короны и жителей многочисленных и богатых гасконских городов, исторически сложившиеся традиции относительной политической независимости этой области и стремление ее населения избежать реального подчинения какой бы то ни было центральной власти. Причем власть французского короля была для феодалов и горожан Гаскони особенно нежелательной. Франция находилась в непосредственной территориальной близости, и присоединение к ней угрожало полной утратой относительной независимости и возможным нарушением ценных экономических связей с Англией. Кроме того, население французского юго-запада отличалось этнической и культурной самобытностью. Стремясь к ее сохранению, жители Гаскони считали наиболее серьезной угрозой поглощения Францией.

Объективные трудности на пути присоединения юго-западных земель к французскому королевству усугубля-

лись целенаправленными и достаточно эффективными мерами английской короны по укреплению своих позиций в Гаскони. Английская политика в этой области отличалась гибкостью, стремлением к сглаживанию острых углов и использованию всех возможностей для укрепления контактов с феодалами и горожанами. К началу XIV в. появились свидетельства успеха этой политической линии. Прекратились вооруженные антианглийские выступления местной знати, характерные для более раннего периода. Сепаратизм гасконских феодалов стал уживаться с признанием объективной ценности поддержания добрых отношений с Англией. Многие из них служили английскому королю не только в Аквитании, но и на Британских островах (например, во время войн в Уэльсе).

Если о феодалах Гаскони можно с уверенностью сказать, что они не были последовательными противниками английской власти, то горожане безусловно стали ее союзниками и опорой. Этот союз основывался не только на общности экономических интересов. Английская корона укрепляла его путем вмешательства во внутригородские дела и установления полного контроля над внутренней жизнью сооружаемых англичанами городов-крепостей (бастид). В результате во все критические для английского короля моменты (англо-французские войны в Гаскони, сепаратистские выступления знати и т. п.) горожане в абсолютном большинстве поддерживали Англию. Они предоставляли английскому королю большие займы, служили в его войске, наконец, выступали с оружием в руках против власти Франции (например, серия антифранцузских восстаний в городах Гаскони, занятых войсками Филиппа IV в 1302—1303 гг.).

Таким образом, власть Плантагенетов в Юго-Западной Франции к XIV в. приобрела серьезную социально-экономическую основу. И неудивительно, что французской монархии не удалось разрушить ее в локальных войнах конца XIII — начала XIV в.

Положение, сложившееся в этот период во Фландрии, было во многом сходно с гасконской ситуацией. Так же как и в Гаскони, французская монархия имела здесь военный успех, но он не привел к присоединению области из-за активной борьбы ее населения за сохранение своей самобытности и относительной самостоятельности. Хотя здесь в отличие от Гаскони Англия не имела никаких юридических прав, именно она создавала опору сепаратизму Фландрии. Давние торговые связи с городами — ведущей экономической силой графства — помогали анг-

лийской короне укреплять политические позиции во Фландрии. Об этом красноречиво свидетельствовали совместные антифранцузские выступления и союз между Англией и графством Фландрским, сложившийся в XIII в. В XIV в. усиление давления на Фландрию со стороны французской монархии и ряд поражений в борьбе против нее привели к тому, что графы Фландрские превратились в верных вассалов Капетингов, а горожане начали видеть в союзе с английским королем единственный путь сохранения своей независимости. Их ориентация именно на Англию, а не на соседнюю Германскую империю объяснялась теми же мотивами, что и позиции жителей Гаскони: территориальной отдаленностью Англии и наличием общих экономических интересов.

В 20-х годах XIV в. английская монархия продолжала энергично укреплять свои политические позиции и в других областях Нидерландов. Особенно большое значение имел брак английского короля Эдуарда III (1327—1377) с Филиппой — дочерью влиятельного нидерландского правителя графа Геннегауского Вильгельма I (1328). Под властью Вильгельма объединялись помимо Геннегау торговые области на побережье — Голландия и Зеландия. Их экономические интересы пролагали дорогу политическим целям английской монархии в этой части Западной Европы и помогали создать противовес растущему влиянию Франции. Таким образом, в этом регионе, как и в Гаскони, объективные условия для сближения с Англией подкреплялись ее целенаправленными политическими усилиями.

Успеху английской политики в Аквитании и Нидерландах Франция противопоставила усиление внимания к Шотландии. В период нового подъема войны за независимость (движение под руководством Роберта Брюса 1306—1328) развитие франко-шотландских союзнических отношений шло по восходящей линии. Французский король первым фактически признал законность власти Брюса, официально пригласив его принять участие в готовящемся крестовом походе (1308). Участие Франции стало непременным условием многочисленных англо-шотландских переговоров и перемирий. В 1326 г., в обстановке продолжавшейся войны Шотландии за независимость, был подписан франко-шотландский договор в Корбейле, усиливавший взаимные обязательства союзников. В случае войны одной из сторон против Англии любые мирные соглашения с ней аннулировались, Шотландия обязалась участвовать на стороне Франции в

любой англо-французской войне, союзнические отношения сохраняли силу и в мирное время¹⁴.

Победа Шотландии в войне за независимость (1328) имела большое значение для системы англо-французских противоречий. Успех шотландцев — союзников Франции — снижал значение достижений английской политики на континенте. Укрепляя союз с Шотландией, французская монархия сознательно подчеркивала это. В год завершения войны за независимость был еще раз подтвержден союз между Францией и Шотландией (Эдинбургский договор 1328 г.)¹⁵.

Среди политических сил, вовлеченных в орбиту англо-французских противоречий, важной опорой Франции было также папство. Борьба Филиппа IV за приоритет светской власти завершилась большой политической победой. С 1309 г. папская резиденция была перенесена из Рима во французский город Авиньон. Начался период так называемого «авиньонского пленения» пап (1309—1377). Глава католической церкви в это время фактически стал играть роль проводника политики французских королей.

Таким образом, давние англо-французские противоречия в начале XIV в. не были разрешены. Более того, столкновения интересов Англии и Франции в Гаскони и Фландрии сделались глубже, чем прежде, обретя прочную экономическую основу. На международной арене давняя тенденция расширения масштабов англо-французского соперничества привела к образованию группировок государств и феодальных правителей вокруг стран-соперниц. Все это говорило о том, что заключительный этап борьбы между Англией и Францией будет более трудным и масштабным, чем прежние. Западная Европа стояла на пороге длительного англо-французского военно-политического конфликта, названного впоследствии Столетней войной.

Соперничество между Англией и Францией к началу XIV в. сосредоточилось в нескольких конкретных узлах противоречий: гасконском, фландрском, шотландском. В неизбежном столкновении каждой стране предстояло решать свои задачи. Во Франции без окончательного территориального размежевания с английской монархией не мог завершиться исторически прогрессивный процесс

¹⁴ См.: A Source Book of Scottish History / Ed. W. C. Dickinson, G. Donaldson, A. Milne. V. I—II. L. — Edinburgh, 1952, v. I, p. 135—136.

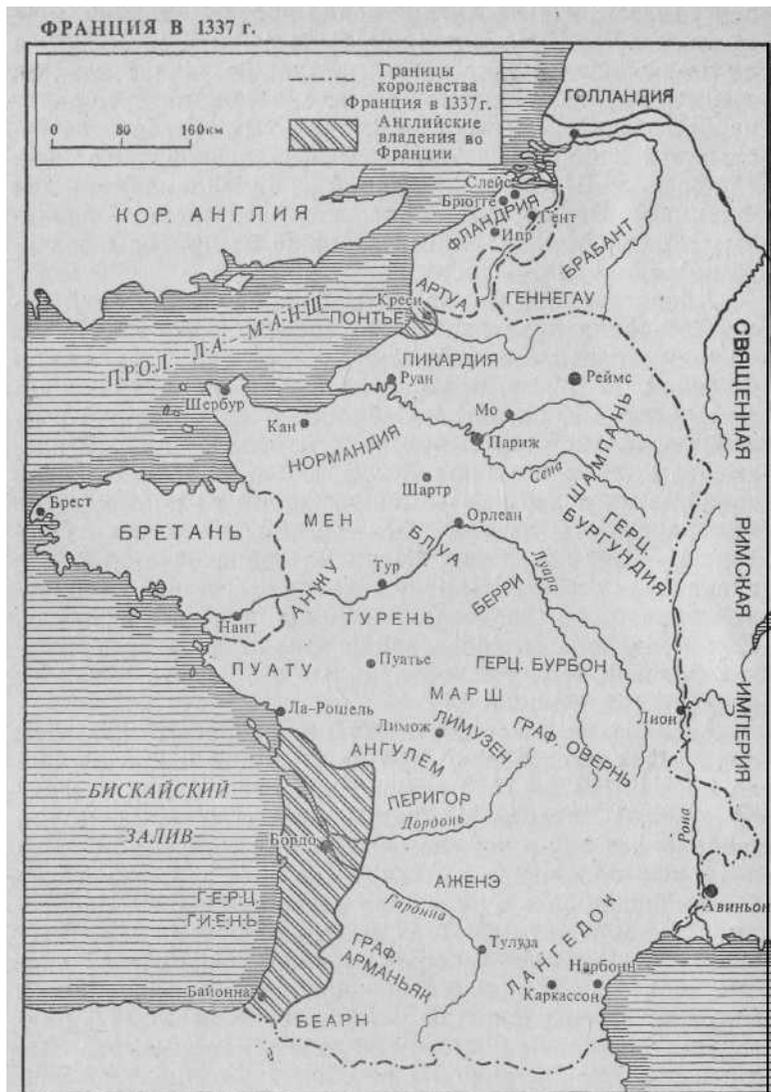
¹⁵ См.: Foedera, v. II, pars III, p. 20.

централизации. Для Англии война против Франции и ее союзницы Шотландии должна была решить, реализуется ли наметившаяся тенденция к созданию универсального государства, включающего этнически чуждые друг другу народы. Одновременно оба феодальных государства готовились к борьбе за объекты феодальной экспансии (Гасконь и Шотландия — для Англии, Фландрия — для Франции). Все это составляло непосредственные причины Столетней войны, проистекавшие из природы развитого феодализма.

Династическая форма разрешения противоречий соответствовала духу эпохи, что также было связано со сложным переплетением исторических судеб Англии и Франции. В 1328 г. прекратилась прямая линия дома французских Капетингов. Собрание представителей высшей феодальной знати признало наиболее близким преемником трона Филиппа Валуа, происходившего из боковой ветви правящей фамилии. Одним из претендентов на французский престол был английский король Эдуард III — внук Филиппа IV по материнской линии. Его права были отвергнуты на основании отсутствия во Франции традиции наследования короны по женской линии. Для юридического обоснования использовалось положение древней «Салической правды» о том, что земля не наследуется женщиной.

Английская монархия получила прекрасный аргумент для любых выступлений против Франции и короля Филиппа VI (1328—1350). Возобновление династических притязаний Эдуарда III было вопросом времени. Время требовалось ему в первую очередь для того, чтобы укрепить свое положение в Англии (до 1330 г. фактическая власть находилась в руках его матери королевы Изабеллы и лорда Мортимера). Правление Эдуарда III с первых шагов ознаменовалось усилением центральной власти, ослабленной при его предшественнике Эдуарде II. Были пресечены попытки установления баронской олигархии, укреплены контакты короля с парламентом. Все это позволило Эдуарду III возобновить активную внешнюю политику и попытаться, наконец, разрешить давние спорные проблемы.

В 1332 г. английские войска вторглись в Шотландию. Победа на севере была важным условием успешной борьбы против Франции: она избавила бы Англию от перспективы войны на два фронта. Выступление против Шотландии делало англо-французскую войну вопросом ближайшего будущего. Отчетливо сознавая это, Эду-

ард III энергично укреплял прежние союзные связи и искал новые.

Готовясь к вторжению во Францию с севера, Англия оказала сильнейшее давление на Нидерланды. В 1336 г. был наложен запрет на продажу английской шерсти традиционным торговым партнерам во Фландрии. Это заставило горожан вопреки воле графа Фландрского реши-

тельно пойти навстречу желаниям Эдуарда III и открыто признать себя союзниками Англии¹⁶. Инициатором и непосредственным руководителем подготовки союза стал Якоб Артевельде — предводитель восставших против власти графа сукноделов Гента. Объективно это объединение было подготовлено давно.

Поддержку феодальных правителей Нидерландов английскому королю пришлось покупать под видом подарков, пожалований в знак дружбы и т. п. Некоторые из этих сделок скреплялись династическими браками или их проектами. Эдуард III проявил невероятную активность, изворотливость, безусловные дипломатические способности, умело использовал родственные связи по линии жены и в итоге добился многого. Почти все крупные феодалы Нидерландов обещали ему военную помощь¹⁷.

Большим дипломатическим успехом Англии был официальный союз с германским императором Людовиком Баварским (август 1337 г.). В договоре открыто говорилось о взаимной помощи против Франции¹⁸. Императора толкнули на это поиски опоры в борьбе против профранцузски настроенного папы Бонифация XII. В обмен на немалую денежную сумму и обещание Эдуарда III способствовать примирению императора с папой Людовик Баварский пожаловал английскому королю титул викария империи. Это позволяло Эдуарду III не только рассчитывать на участие армии императора в войне, но при необходимости самому набирать войска в Германии.

В эти же месяцы лихорадочных приготовлений к войне с Францией (весной — летом 1337 г.) Эдуард III попытался создать себе опору на Пиренейском полуострове, разрушив традиционную близость позиций Кастилии и французской монархии. Дипломатические шаги предпринимались также с целью сближения с Арагоном и Португалией¹⁹. К началу Столетней войны эти усилия еще не принесли реальных результатов, но они свидетельствовали о первых шагах на пути будущего вовлечения стран Пиренейского полуострова в сферу англо-французской борьбы.

Филипп VI готовился к войне менее энергично. Во Франции, по-видимому, не думали, что Эдуард III вступит в борьбу с таким сильным противником до победы в

¹⁶ См.: Foedera, v. II, pars IV, p. 81—82

¹⁷ См. ibid., v. II, pars III, p. 168—170, 176—177, 179, 181, 189, 193; pars IV, p. 47, 55—56, 62 etc.

¹⁸ См. ibid., v. II, pars III, p. 184—185.

¹⁹ См. ibid., v. II, pars III, p. 161—162, 173, 186.

2*

Шотландии. Поэтому большое внимание уделялось поддержке шотландцев. Успокоительным образом влияли на французский двор еще два обстоятельства: гарантированная поддержка папы (в 1336 г. от него были получены большие субсидии) и прочно утвердившееся со времен Бувина и Касселя представление о непобедимости французской рыцарской конницы. О печальном уроке битвы при Куртре старались не вспоминать, хотя именно он мог бы чему-то научить в преддверии грядущих поражений первого этапа Столетней войны. Французские рыцари почтили на лаврах своей былой славы как раз в то время, когда английская армия во главе с Эдуардом III в условиях горной Шотландии и отчаянного сопротивления ее жителей отработывала и совершенствовала тактику ведения боя, приобретала опыт взаимодействия пехоты и конницы, наконец, просто закалялась в трудной борьбе.

Пользуясь тем, что Эдуард III увяз в шотландской войне, французский король объявил в мае 1337 г. об очередной конфискации Гаскони. Во Франции явно недооценивали готовность Англии к крупному конфликту, полагая, вероятно, что дело может и на этот раз кончиться локальной войной на юго-западе. Однако назрело время решающего столкновения по всем спорным проблемам. В серии обращений к своим подданным, папе и даже подданным Филиппа VI английский король довольно ловко представил Англию пострадавшей стороной и жертвой происков «Филиппа Валуа, управляющего сейчас вместо короля»²⁰. Подготовив таким образом общественное мнение, Эдуард III выдвинул притязания на французский трон и объявил войну Франции.

²⁰ Ibid., v. II, pars III, p. 184.

Глава II

Основные этапы Столетней войны и эволюция ее характера

§ 1. Первые английские вторжения 30—60-х годов XIV в.

Период с 1337 до 1360 г. можно выделить в качестве первого этапа Столетней войны, прошедшего под знаком явного военного превосходства Англии. Однако оно выявилося не сразу — первые шаги враждующих сторон были осторожными и дали довольно неопределенные результаты.

Объявленная в 1337 г. война разворачивалась, как и большинство средневековых войн, медленно. Характерно, что первые акты военных действий совершились на территориях, представлявших собой основные объекты англо-французского соперничества: в Юго-Западной Франции и во Фландрии. В Гаскони, конфискованной у Англии приказом Филиппа VI, французские войска попытались вытеснить англичан из крепостей и атаковать Бордо. В то время как английские гарнизоны под руководством сенешаля Оливера Ингхэма сдерживали этот натиск, английские войска высадились во Фландрии. Их целью были, по-видимому, действия отвлекающего и разведывательного характера. Не проникая в глубь французской территории, они опустошали и грабили прибрежные районы. В ответ французский флот предпринял серию таких же набегов на побережье Южной Англии — в Саутгемптон, Портсмут и др.

Осенью 1339 г. произошло первое внушительное вторжение английской армии во главе с самим Эдуардом III в Северную Францию через Нидерланды. В этой экспедиции приняли участие союзники английского короля из Нидерландов — герцог Брабантский, граф Гельдернский, маркграф Юлихский и другие. Продвигаясь по Пикардии, английский король, как отметил хронист Уолсингем, «предал огню тысячу деревень и произвел большие опустошения»¹. Это сообщение хрониста — свидетельство начала систематических грабительских рей-

¹ *Walsingham Th. Historia Anglicana. — Cronica Monasterii S. Albani / Ed. H. Rily. V. 1—II. L., 1863—1864 (далее — Walsingham), v. I, p. 216.*

дов по территории Франции, которые станут одним из ее величайших бедствий в течение предстоящих более ста лет.

Однако дальше этого дело не пошло — известие о приближении французской армии под руководством Филиппа VI заставило Эдуарда остановиться. То же самое сделали и французы. Армии, насчитывавшие, по данным Фруассара, примерно по 40 тыс. человек, замерли по приказу государей, не торопившихся вступить в бой и затеявших обмен обличительными письмами, угрозами вызова на поединок и т. п. Затем соперники отступили, так и не начав сражения.

Такая нерешительность в развитии давно назревшего и неизбежного военного конфликта должна была иметь серьезные причины помимо естественной осторожности враждующих сторон, питавшихся слухами о взаимных грандиозных приготовлениях. Английские историки в силу присущей им предвзятости при рассмотрении истории Столетней войны склонны объяснять это исключительно трусостью и бездарностью Филиппа VI². Но следует принять во внимание и более серьезные факторы. Прежде всего, Англия была вынуждена вступить в войну с Францией в условиях продолжавшейся с 1332 г. борьбы с Шотландией. Неоднократные попытки Эдуарда III добиться «окончательного мира» с шотландцами не увенчались успехом. Это заставляло его быть крайне осторожным, так как поражение во Франции должно было активизировать шотландцев.

Весьма ненадежны были союзники каждой из враждующих армий. Выступившие на стороне Филиппа VI король Чехии Ян Люксембургский и герцог Лотарингский горячо отговаривали его от битвы, пугая возможным поражением. Английские союзники из Германии и Нидерландов (по существу, наемники) вообще покинули английскую армию. Нельзя также забывать и о роли папы. Он принимал позу миротворца, но реально поддерживал французского короля. Эдуард III, как умный и тонкий политик, не мог не считаться с идеологическим центром тогдашнего феодального общества. Отсрочку английского вторжения он публично связал с «волей папы»³.

Итак, начало военных действий между Англией и Францией свидетельствует, что в конце 30-х годов XIV в.

² См. например: *Seward D. The Hundred Years War. The English in France, 1337—1453. L., 1978, p. 37—38.*

³ GM.: *Foedera*, v. II, pars III, p. 198.

еще не проявилось военное или международное превосходство какой-либо из борющихся сторон. Более того, возможно, Эдуард III был вполне готов к мирным переговорам и урегулированию конфликта с Францией при условии уступок с ее стороны. Об этом говорит назначение в конце 1339—начале 1340 г. целого ряда послов для переговоров «с Филиппом Валуа, называющим себя французским королем». Английские представители получали полномочия «говорить о мире, перемирии или о продолжении войны» по всем спорным вопросам — в первую очередь об английских правах в Аквитании и о прекращении французской поддержки Шотландии⁴.

Те английские историки, которые утверждают, что целью Эдуарда III с первых дней войны была именно корона Франции⁵, не учитывают этих фактов, исходя из ретроспективного знания о дальнейших грандиозных военных успехах Англии.

Первую крупную военную победу одержали англичане на море 24 июня 1340 г. в битве при Слейсе у берегов Фландрии. Стремление Эдуарда III нанести удар по французскому флоту было вполне понятным. Для успеха войны на континенте надо было добиться преобладания на море. В противном случае в тылу английской армии постоянно находилась бы опасная сила, способная прервать подвоз подкреплений, снаряжения, денег и т. п.

В Западной Европе было широко известно, что Филипп VI под флагом подготовки крестового похода сосредоточил у берегов Франции большой флот. Данные хроник относительно его численности противоречивы. Если отбросить крайние преувеличения, то наиболее приемлемой представляется цифра в 200 кораблей (французских, кастильских и генуэзских). Английский флот был несколько меньше. Некоторые современные английские историки считают, что задачей битвы при Слейсе было предотвращение французского вторжения в Англию. Мы полагаем, что для этого нет достаточных оснований. Отдельные замечания английских хронистов на эту тему, возможно, отражают пропагандистские усилия Эдуарда III по оправданию своих завоеваний во Франции.

Сражение красочно описано в современных хрониках. Однако для восстановления его картины следует отка-

⁴ См. *ibid.*, v. II, pars IV, p. 49, 52, 61.

⁵ См.: *Le Patourel J. Edward III and the Kingdom of France. — History, 1958, v. XLIII, N 149, p. 189; Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. N. Y., 1967, p. 38—47.*

заться от многих преувеличений, проникших на страницы источников под влиянием эмоций и предвзятости (французский хронист сообщает, что потерпевшие поражение французы убили 10 тыс. англичан; английский уверяет, что вода в районе Слейса была в течение трех дней красной от крови, и т. п.)⁶.

Основными причинами английской победы были большая маневренность кораблей и проявившаяся уже здесь роль лучников. Пролив, в котором происходило сражение, был очень узок. Это вынуждало корабли находиться близко друг к другу и позволило лучникам вести прицельный обстрел. Руководивший битвой Эдуард III оказался более способным флотоводцем, чем стоявшие во главе французского флота сухопутные полководцы Киере и Бегюше. Оба они были схвачены и убиты в начале сражения, что внесло растерянность в ряды французов. Разгром французского флота был полным — спаслась лишь небольшая часть кораблей.

Главным результатом этой победы было нарушение внешнего равновесия и неопределенности, характерных для первых лет войны. Теперь инициатива перешла к Англии. Эдуард III стремился убедить общественное мнение Европы в том, что эта победа — признак божьей воли, справедливо наказавшей узурпатора Филиппа VI. Победа английского флота была пышно отпразднована, отмечена специально выпущенной в Англии монетой с изображением героизированного Эдуарда III и т. п.

Достигнутый военный успех требовал развития, однако это удалось английскому королю не сразу и не легко. Кампания 1340 г. на суше была неудачной: английские войска вместе с союзниками медленно продвигались по Фландрии, предпринятая ими осада г. Турнэ затянулась. Между союзниками Англии (в первую очередь между рыцарями из Германии и горожанами Гента) начались разногласия. Осложнилась и международная обстановка. Эдуард получил известие, что на северной границе Англии активизировались шотландцы. Освободив свою территорию, они начали вторгаться в Англию. При этом была очевидна связь между ними и Францией. Не случайно именно теперь в Шотландию прибыл воспитан-

ный при французском Дворе и лично воевавший на стороне Франции шотландский король Давид II.

Не могла не тревожить английского короля и позиция папства. До 1340 г. профранцузская ориентация авиньонских пап проявлялась довольно осторожно. Под впечатлением разгрома французского флота при Слейсе Бенедикт XII попытался реально помочь Филиппу VI, лишив Англию важнейших союзников. В 1340 г. он наложил интердикт на жителей Фландрии за то, что они помогали Эдуарду III, а не своему законному сюзерену — королю Франции. Горожане держались стойко и пытались доказать, что «Филипп Валуа оказался ложным королем». Действия папы представляли реальную опасность. Они могли поколебать позиции Эдуарда III в общественном мнении (английский король придавал этому большое значение) и помешать союзу Англии с фландрскими городами.

Еще в 1339 г. Бенедикт XII начал разрушать союз Эдуарда III с германским императором и к 1341 г. добился блестящего успеха. Полностью переориентировавшийся Людовик Баварский лишил Эдуарда III титула викария империи и в самом благоприятном для Филиппа VI тоне предложил свое посредничество в заключении англо-французского мира⁷. Ненадежны были и остальные союзники Эдуарда III в Нидерландах. Отсутствие среди них графа Фландрского, твердо придерживавшегося профранцузской ориентации, серьезно ослабляло английские позиции в этом регионе. Огромные деньги и дипломатические усилия Эдуарда III были направлены на то, чтобы укрепить свою опору в Нидерландах.

Все это в сочетании с серьезнейшими финансовыми затруднениями заставило английского короля согласиться на перемирие. Оно не решило ни одного спорного вопроса и сохранило прежнюю расстановку сил: граф Фландрский остался верен Франции, сохранялся франко-шотландский союз.

Перерыв в открытой войне между Англией и Францией продолжался до 1345 г. Однако нерешенность противоречий делала неизбежным ее возобновление. Да и само по себе перемирие было весьма относительным. Английский король использовал его для борьбы в Шотландии. Он попытался решительным ударом покончить с независимостью северного соседа и лишить Францию важнейшего союзника.

⁷ См.: Foedera, v. II, pars IV, p. 53—54, 104-105.

⁶ См.: Capgrave J. The Chronicle of England / Ed. F. Ch. Hingeston, (далее — Capgrave). L., 1858, p. 208; Froissart J. Chronicles of England, France, Spain / Transl. D. Bouchier lord Berners. V. I—II. L., 1812 (далее — Froissart, transl. Berners), v. I, p. 72—73; Walsingham, v. I, p. 227; Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393) / Ed. S. Luce. P., 1862 (далее — Chron. QPV), p. 9—11.

Фактическим продолжением войны в условиях официального перемирия стало в этот период столкновение в Бретани. Здесь англо-французские противоречия проявились в традиционной форме вмешательства в династическую борьбу. Филипп VI и Эдуард III, прикрываясь защитой интересов двух претендентов на герцогский титул, боролись за важнейший стратегический плацдарм в будущей англо-французской войне. В 1341 — 1343 гг. здесь шли военные действия, завершившиеся успехом Англии. При поддержке английского ставленника де Монфора в Бретани были размещены английские гарнизоны.

Подтвержденное в 1343 г. перемирие предусматривало прекращение военных действий между Францией и Англией на три года повсеместно, в том числе и в Бретани. В условиях перемирия оговаривалось сохранение status quo, а следовательно, всех нерешенных вопросов⁸.

В 1345 г. Англия возобновила военные действия в благоприятной для нее международной обстановке. Сохранялся и целенаправленно поддерживался Эдуардом III союз с городами Фландрии. Это обеспечивало базу для английского вторжения на северо-востоке Франции. Бретань могла быть использована как военно-стратегический плацдарм на северо-западе. В Аквитании — традиционной области английского влияния — были проведены военные приготовления и приняты меры по укреплению политических позиций Англии. Безопасность северных английских границ обеспечивал английский ставленник Эдуард Балиоль, практически находившийся «на жаловании» у Эдуарда III. Признанный в Англии законным королем Шотландии, он вел при английской поддержке пограничную войну и сдерживал натиск шотландцев.

Кампания середины 40-х годов была задумана как широкое наступление на Францию одновременно с нескольких сторон. В 1345 г. военные действия развернулись в Аквитании и Бретани. На юго-западе Франции английская армия, высадившаяся в Байонне, с боями прошла по Борделэ и Перигору до Ангулема, который был осажден и взят. Одновременно англичане одержали победу над французским войском в Бретани. Контрудар французской армии был нанесен лишь весной следующего 1346 года. Но уже в июле, прежде чем французы смогли закрепить намечившийся успех на юго-западе, боль-

⁸ См.: Foedera, у. II, pars IV, p. 141,

шая английская армия во главе с самим Эдуардом III высадилась на севере Франции в районе Шербур. Широта театра военных действий и их интенсивность свидетельствовали о более решительных по сравнению с концом 30 — началом 40-х годов намерениях английского короля. Последующие события подтвердили это.

Английская армия быстро продвигалась по Нормандии, опустошая и разрушая все вокруг. Первое серьезное сопротивление она встретила в Кане, который был тем не менее взят, а Эдуард III, по словам хрониста, «получил большое богатство». Недалеко от Руана на пути англичан встала французская армия во главе с Филиппом VI. Однако ни одна сторона не стремилась в тот момент к решительному сражению. Французский король, видимо не считая свою армию достаточно подготовленной, позволил англичанам беспрепятственно продвигаться к Парижу.

Таким образом, еще до знаменитой английской победы при Креси выявилось, что инициатива перешла к Англии. Франция была атакована с нескольких сторон; английская армия подошла к самому Парижу. Англичане демонстративно и беспощадно опустошали окрестности французской столицы. Армия Филиппа VI по-прежнему занимала выжидательную позицию, не навязыва-

вая противнику сражения. В намерения английского короля пока не входил захват Парижа. В такой успех еще трудно было поверить.

Проведя демонстрацию силы у стен французской столицы, Эдуард повел войска через Пикардию в направлении Фландрии. Там, на земле своих союзников, он мог чувствовать себя почти так же уверенно, как в Аквитании. Пикардия была подвергнута страшному опустошению: продвижение английской армии сопровождалось пожарами, убийствами, разграблением деревень и городов. Франция уже несла урон в войне, хотя время решительного сражения при Креси еще только приближалось.

26 августа 1346 г. Филипп VI, наконец, решился атаковать английскую армию, продолжавшую движение в сторону побережья. Этому неожиданному решению дать разумное объяснение так же трудно, как и предшествующему бездействию, например у стен Парижа. Возможно, прав был известный специалист по военной истории Г. Дельбрюк, считающий, что французского короля окрылило похожее на бегство стремительное движение английской армии⁹.

Битва при Креси — одно из наиболее знаменитых сражений в средневековой истории Западной Европы и поворотный момент первого этапа Столетней войны. Причины блестящей победы Англии заключались в принципиальных отличиях между двумя встретившимися армиями. Организация и профессиональный уровень английской армии отражали относительно высокую степень централизации страны и военный опыт, накопленный за годы длительной военной экспансии против соседних стран и народов. В войске преобладала рекрутировавшаяся из свободных крестьян пехота. Армия находилась под единым командованием короля. Отряды рыцарей были, по существу, наемными и подчинялись также королю, а не отдельным феодалам. Постоянные войны в Ирландии, Уэльсе, Шотландии закалили английскую армию и позволили ей добиться определенных тактических успехов, в частности взаимодействия пехоты и конницы, неведомого рыцарскому войску прошлых времен.

Основу французской армии в то время составляло рыцарское ополчение, распадавшееся на отдельные отряды крупных феодалов, не подчиненные единому коман-

⁹ См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938, т. 3, с. 331.

дованию. Тактика такой армии определялась индивидуальными качествами рыцарей, не умевших сражаться в пешем строю, презиравших пехоту и военную дисциплину.

Принципиальную важность коренных перемен в феодальной армии периода развитого феодализма отмечал Ф. Энгельс: «Вести борьбу против феодальных порядков с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были более тесно связаны со своими непосредственными сюзеренами, чем с командующими королевской армией,— это, очевидно, означало вращаться в порочном кругу и не сдвинуться с места. С начала XIV века короли стремятся поэтому освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско»¹⁰. Франция, не осуществившая своевременно такой перестройки, жестоко расплачивалась за это в Столетней войне.

Численность войск противников была приблизительно одинаковой — 14—20 тыс. человек. Тем не менее французская армия потерпела полное поражение, обусловленное общей отсталостью военной организации страны. Англичане превзошли французов прежде всего в тактическом отношении. Они вели оборонительное сражение на основе сочетания действий пехоты и конницы под четким единым командованием короля. Эдуард III применил испытанный им в Шотландии тактический прием, совершенно неизвестный во Франции. Он приказал большей части своей конницы сражаться в пешем строю. Это укрепило оборонительные позиции армии и, как справедливо отмечают специалисты по военной истории, имело огромный психологический эффект. Пехотинцы-лучники, интенсивность стрельбы и стойкость которых решали дело в оборонительном сражении, были уверены, что рыцари в трудный момент боя не покинут их и обеспечат им прикрытие. Сыграло свою роль продуманное построение английской армии, развернутой на холме вдоль дороги флангом к противнику. Это не позволило атаковать ее широким фронтом.

Французская армия при Креси обнаружила все свои недостатки организации слабости. К тому же Филипп VI не проявил себя как полководец. Пойдя на поводу у рыцарской спеси и самоуверенности французских феодалов, он не дал армии отдыха после марша и даже не собрал военачальников на совет перед боем. Не при-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 413.

знававшие дисциплины рыцари не дождались перестроения всей армии и начали разрозненные атаки на английский правый фланг. Медленно продвигаясь на усталых лошадях по мокрому полю, они представляли собой прекрасные мишени для расположенных на холме и построенных в шахматном порядке английских лучников, стрелявших на 300 шагов. Фруассар отмечает поразительное отсутствие дисциплины и организации в рядах французского войска, которое атаковало англичан «без всякого порядка». На первом этапе боя трагически обнаружилась неспособность французских рыцарей взаимодействовать с пехотой — начавшие отступать арбалетчики были изрублены и потоптаны французской конницей¹¹.

Потери французов были огромны — около 1,5 тыс. рыцарей и более 10 тыс. пехоты. Среди погибших — немало представителей высшей французской знати и союзников Филиппа VI: король Чехии, герцог Лотарингский, герцоги Фландрский, Алансонский, граф Блуасский и многие другие.

Победа англичан при Креси имела большое значение, но отнюдь не решала исхода войны и даже не означала завершения задуманного Эдуардом III плана многосторонней атаки Франции. Английский король еще в течение целого года продолжал действовать именно в русле этого замысла. Сразу же после Креси он направил свою армию к Кале — важнейшему порту на Северном побережье Франции. Стратегическое значение этого города в англо-французской войне невозможно переоценить. Часто применявшееся к нему выражение «ворота Франции» говорит само за себя. 4 сентября 1346 г. Эдуард III начал осаду Кале. Город был осажден с суши и моря, местность вокруг него полностью опустошена. Одновременно английские войска продолжали военные действия в Аквитании и в Бретани. На юго-западе англичане захватили Пуатье и ряд других городов, совершали опустошительные рейды вдоль Гаронны, вплотную подступили к Ла Рошели. Успешные военные действия в Бретани привели к середине 1347 г. к захвату и пленению французского ставленника Карла Блуасского, признанного во Франции законным герцогом Бретанским. Таким образом, продолжалось задуманное наступление широким фронтом в трех наиболее важных стратегических направлениях.

¹¹ См.: *Froissart*, transl. Berners, v. I, p. 156.

Именно в это время натиск английской армии встретил первые серьезные препятствия. Как обычно, опасно для Англии проявил себя франко-шотландский союз. Практически одновременно с высадкой английской армии в Нормандии шотландцы вторглись в северные области Англии. В октябре 1346 г., в тот момент, когда основные силы англичан прочно увязли на юго-западе, в Бретани и под Кале, шотландская армия вступила в сражение с английским войском при Невилл-Кроссе. Однако шотландцы потерпели поражение, а их король Давид II оказался в английском плену. Таким образом, шотландская угроза на этот раз миновала.

Война во Франции при всех успехах по-прежнему не приближалась к победному концу. Серьезную отрезвляющую ноту в общую оценку событий внесла осада Кале. Его жители и небольшой гарнизон оказали англичанам поистине героическое сопротивление. Хорошо укрепленный и вооруженный город не сдавался претендовавшему на роль «законного короля Франции» Эдуарду III в течение целого года. Затянувшаяся осада требовала громадных средств и сил. Армии пришлось зимовать в походных условиях. Это вызвало болезни и смертность в ее рядах. С приближением лета нарастала угроза прихода французских войск на помощь осажденному городу. В июле 1347 г. Филипп VI действительно прибыл в район Кале с большой армией (как пишет английский хронист, с ним было «пять тысяч рыцарей и много пехоты»¹²). Однако дальше произошло труднообъяснимое. Французский король не решился вступить в бой с измученной английской армией. Вместо этого он предложил мирные переговоры, от которых Эдуард III уклонился. Тогда французская армия на глазах потрясенных жителей Кале развернулась и ушла, покинув их на произвол судьбы. Этот позорный шаг Филиппа VI усугубили англичане, устремившиеся вслед арьергарду и отбившие французский обоз.

О том, насколько сильным было потрясение и недоумение французов, говорит, например, объяснение поступка Филиппа VI в одной из французских хроник. По мнению ее автора, только «дурные советы жены — злой хромоногой королевы Жанны Бургундской» заставили короля поступить таким образом. Здесь впервые проявилось столь важное впоследствии глубокое различие по-

¹² *Burton Th. Chronica monasterii de Melsa, a fundatione ad annum 1396 / Ed. E. A. Bond. V. I—III. L, 1866—1868 (далее — Burton), v. III, p. 66.*

зий феодальной верхушки и широких масс населения Франции в этой войне. Жители Кале были далеки от дипломатических, юридических, вассальных и прочих проблем. Они просто защищали свой дом от тех, кто на него посягал.

После двенадцати месяцев мужественной обороны город был вынужден сдаться. Английский король обрушил на жителей Кале свою бессильную ярость «непобедившего победителя». Он потребовал публичной казни шести самых уважаемых и знатных граждан. Только при этом условии Эдуард соглашался не учинять в городе разбоя и резни. В хронике Фруассара ярко описана знаменитая история добровольного согласия этих шести человек принять смерть ради спасения города¹³. Тем не менее расправа с горожанами была достаточно жестокой — им было приказано налегке покинуть город, который заселялся англичанами, с тем чтобы стать важнейшей опорой Англии на континенте.

Итак, широко задуманная военная кампания 40-х годов дала Эдуарду III многое, но не принесла решительной победы. Позиции Англии на континенте серьезно укрепились. В ее распоряжении теперь были три плацдарма — в Аквитании, Бретани и Кале. По-прежнему сохранялся союз с городами Фландрии, хотя смерть Якоба Артевельда (1345) и спад городского движения делали перспективы этого союза менее надежными. Нестабильным было положение на севере Англии. Хотя шотландцы потерпели поражение, оставалась проблема их полного подчинения, сохранялся франко-шотландский союз, не был заключен мир с шотландцами. Продолжение действий во Франции могло вновь привести к войне на два фронта, что потребовало бы немислимых в тех условиях сил и средств. Учитывая все это, Эдуард III принял в 1347 г., настойчиво предлагавшееся папой перемирие.

Очередное относительное затишье в событиях Столетней войны продолжалось до 1355 г. Однако, как и прежде, было ясно, что война, в которой все еще не решены основные спорные вопросы, будет продолжена. В эти годы вступили в действие некоторые новые факторы экономического и психологического характера. Война принесла первые материальные выгоды англичанам. Грабительские рейды английских войск по территории Франции, захват городов принесли большую добычу. В Анг-

¹³ *Froissart* transl. Berners, v. I, p. 175—177. Жена Эдуарда III королева Филиппа на коленях вымолила для них пощаду.

лию начиная с 1346 г. на кораблях доставлялись драгоценности, одежда, деньги. По словам Уолсингема, в Англии «теперь не было женщины», не имевшей одежды, украшений, посуды из Кале и других французских городов. Во многих домах появились золотые и серебряные изделия из Франции. Серьезным источником доходов стали выкупы за богатых и знатных пленников, которых в Англии было после 1346 г. огромное число. Возникла даже спекуляция пленными, их подчас неоднократно перепродавали и обменивали. Наиболее емко выразил новые ощущения англичан по этому поводу хронист Бертон после сообщения о взятии Кале: «И возникло тогда общее мнение народа, что пока английский король будет завоевывать французское королевство, они будут процветать. В противном случае и их положение ухудшится»¹⁴. Общественное мнение Англии было, таким образом, на стороне продолжения войны.

Перемирие не прекратило полностью военных действий. Оно не распространялось на Бретань, где французские и английские войска продолжали воевать под предлогом защиты интересов двух претендентов на герцогский титул. Не установилось реального мира и на юго-западе Франции. Как пишет Фруассар, «и англичане, и французы, несмотря на перемирие между двумя королями», продолжали борьбу с переменным успехом¹⁵. Непокойно было в районе Кале. Уже в 1348 г. Эдуарду III пришлось спешно отплыть с войском из Дувра, чтобы предотвратить захват Кале французами, план которого был выдан ему предателем. В 1352 г. англичане с трудом справились с новой вооруженной попыткой вернуть этот город Франции.

В этой фактически продолжавшейся войне явного успеха не было заметно ни с одной стороны. И все же чаша весов постепенно склонялась в пользу Англии. Военные действия шли исключительно на французской земле. В то время как англичане вкушали плоды побед 40-х годов и делили доходы, жители Франции все более остро ощущали тяготы войны, превращавшейся в какое-то бесконечное бедствие. Приближалось ее двадцатилетие, выросло первое поколение людей, не знавших жизни без войны с Англией. Кроме того, англичанам, проч-

¹⁴ *Burton*, v. III, p. 68.

¹⁵ *Froissart*, transl. Berners, v. I, p. 177—178; *Chr. QPv*, p. 20—21.

но увязшим в затяжных боях на суше, удалось одержать существенную победу на море. В 1350 г. они разбили союзный Франции кастильский флот.

И хотя это был не тот масштаб побед и успехов, какого Англия достигла в 40-х годах, Эдуард III попытался, наконец, добиться реализации хотя бы наиболее важной задачи. В 1354 г. английский король предложил не просто соглашение о прекращении военных действий, а перемирие при условии передачи ему на условиях суверенитета французского юго-запада. Это было бы решением самой острой проблемы, и поэтому Эдуард соглашался в таком случае отказаться от претензий на французский престол. Но это означало бы отказ Франции от завершения объединения своих земель, создание очага постоянной опасности на ее территории. И поэтому даже сменивший в 1350 г. Филиппа VI на французском престоле его столь же недалекий сын Иоанн II отказался от такого условия. Это предрешало новую активизацию войны. Нетрудно поверить Уолсингему, который пишет, что Эдуард III начал этот новый натиск на Францию в большом гневе.

Возобновляя в 1355 г. военные действия, Англия на этот раз впервые могла рассчитывать на серьезную поддержку внутри самой Франции, более того, непосредственно при королевском дворе. Ценнейшим английским союзником стал один из видных французских феодалов король Наварры Карл Злой. Этот молодой правитель маленького королевства на границе Франции и Испании не мог примириться с тем, что его родство с домом Капетингов было не менее тесным, чем у дома Валуа. Он решил добиться более высокого положения любыми средствами. Начиная с 1352 г. Карл устраивал при французском дворе заговоры, затевал хитроумные интриги против дома Валуа. Он грозил перейти на сторону англичан и в 1356 г. выполнил это. Так началась длинная цепь предательства интересов Франции представителями феодальной верхушки, периодически вступавшими в сговор с англичанами. На путь, открытый в 1356 г. Карлом Наваррским, со временем ступили бургундские и орлеанские герцоги, отличаясь друг от друга лишь ценой, предлагаемой за предательство.

Стратегический замысел Эдуарда III в 1355 г. был таким же, как и десять лет назад. Но на этот раз он рассчитывал добиться его более полного воплощения. Для таких надежд были основания: Франция ослаблена почти двадцатилетней войной на ее территории и воен-

ными поражениями; Эдуард III обрел союзника, способного нанести французскому королю удар в спину.

Вновь планировались военные действия одновременно в трех частях Франции. Сам Эдуард III во главе двухтысячной армии высадился в Кале, его старший сын Эдуард по прозвищу Черный Принц возглавил английские войска в Аквитании, Карл Злой начал готовить обстановку для высадки английских войск в Нормандии под руководством брата Эдуарда Джона Ланкастерского (войска прибыли туда чуть позже — в 1356 г.).

Однако относительная синхронность английского наступления с самого начала была нарушена. Едва добившись незначительного успеха в районе Кале, Эдуард III был вынужден срочно возвратиться в ноябре 1355 г. в Англию. Причиной вновь было выступление шотландцев, создавших для Англии, как и в 1346 г., второй фронт. Они вторглись на английскую территорию и захватили стратегически важную крепость Бервик. И хотя английскому королю в очередной раз удалось довольно быстро расправиться с ними, это проявление франко-шотландского союза не было напрасным.

Реального успеха английские войска добились только на юго-западе. Вторгшийся с тысячью рыцарей и таким же числом лучников в Аквитанию Черный Принц огнем и мечом прошел по этой области. Прежние английские рейды не отличались такой беспощадностью. Сказывались нарастающее ожесточение сторон и крепнущая страсть к добыче. Были полностью сожжены города Каркассон и Нарбонн, опустошены области Бержерак и Перигор. Обосновавшись в Бордо, англичане совершали систематические военные набеги за Луару: сжигались города и крепости, безжалостно лилась кровь. Английский хронист Капгрейв писал об этих рейдах Черного Принца: «Всех, кто оказывал ему сопротивление, он захватывал в плен или убивал». Уолсингем сообщил, что в английском плену оказалось за короткий срок не меньше 6 тыс. французских рыцарей и даже сам коннетабль Франции¹⁶.

Над Францией нависла серьезная опасность. В случае выступления Карла Наваррского совместно с англичанами и уже подготовленного встречного английского удара с севера война могла быть безнадежно проиграна. Французский король, его окружение, Генеральные Штаты правильно оценили обстановку и приняли сроч-

¹⁶ См.: Capgrave, p. 217; Walsingham, v. I, p. 281.

ные меры. Штаты выделили средства на подготовку армии, король неожиданно приказал арестовать и заключить в тюрьму Карла Наваррского. В конце лета 1356 г. большая французская армия во главе с самим королем выступила из Парижа и двинулась на юго-запад. Форсировав Луару, французы обнаружили, как далеко стали проникать грабительские набеги Черного Принца. Его войско, обремененное огромным обозом с добычей, находилось у самых стен Тура на левом берегу Луары. Силы армий были очевидно неравны. При всем разном в цифрах, сообщаемых хронистами, ясно, что численность французской армии была по крайней мере вдвое больше¹⁷. Черный Принц начал спешно отступать на юго-запад, по направлению к своей основной базе в Бордо. Преследовавшая его французская армия опередила англичан в районе Пуатье и отсекла им дорогу на юг. Было очевидно, что Иоанн II намерен навязать им очень опасное и тяжелое сражение.

У французской армии, казалось бы, были на этот раз все шансы победить — численный перевес, владение инициативой, наконец, моральное превосходство. Английский принц и его войско были откровенно испуганы ситуацией и готовы идти на уступки. Об этом говорят затеянные посланцем папы кардиналом Перигорским перед самым сражением мирные переговоры. На коленях умолял он Иоанна II принять предложенные Черным Принцем условия: возвращение добычи, пленников и всех захваченных крепостей и городов в обмен на свободный проход в Бордо. Кроме того, предлагалось перемирие на семь лет. Французский король, глубоко уверенный в силе своей армии, по существу, отверг эту возможность бескровной победы на юго-западе. Он потребовал, чтобы Черный Принц сдался ему вместе со свитой и был заточен в тюрьму. Это означало неизбежность боя.

19 сентября 1356 г. произошла широко известная битва при Пуатье. Она еще более ярко, чем сражение при Креси, обнажила непригодность военной организации Франции, непонимание господствующим классом всей серьезности происходящего. Широкие массы населения страны, измученные бесконечной войной, уже начинали ощущать необходимость победы любой ценой, любыми средствами. На поле боя вблизи Пуатье пришло ополче-

¹⁷ См.: *Froissart*, transl. Berners, v. I, p. 192, 194 (по его данным — 20 тыс. французов и около 7 тыс. англичан; *Chr. QP.V*, p. 57 (здесь соотношение 50 тыс. французов и 12 тыс. англичан),

ние горожан, чтобы помочь своему войску. Однако Иоанн II и его окружение еще жили отмирающими рыцарскими представлениями, согласно которым война между королями — дело знати и ее феодальных дружин. Король совершил поступок, который автор «Хроники первых четырех Валуа» назвал «безумием», — ополчение по приказу Иоанна было отослано назад¹⁸.

В тактическом отношении сражение при Пуатье стало повторением ошибок и слабостей, проявленных французской армией ровно десять лет назад при Креси. Вновь англичанам дали возможность укрепиться на возвышенности и занять прочные оборонительные позиции. Более того, им позволили выстроить частокол с единственным очень узким проходом, который французы сначала и использовали для атак. Монолитные ряды английских спешаных рыцарей и лучников внутри этого частокола представляли собой, по существу, защищающуюся крепость. «Непрерывные победы англичан во Франции в то время в значительной степени были обусловлены как

¹⁸ См.: *Chr. QP.V*, p. 46. В силу склонности некоторых современных зарубежных историков «реабилитировать» средневековых королей в новейшей французской литературе высказывается мысль о том, что хронист «приписал» Иоанну II этот опрометчивый поступок. См.: *Bordonove J. Jean le Bon et son temps 1319—1364*. P., 1980, p. 195.

раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны», — писал Ф. Энгельс¹⁹.

Черный Принц сумел воодушевить свое растерявшееся при встрече с французской армией войско. Он заверил, что в случае победы при таком соотношении сил его воины «станут самыми уважаемыми людьми в мире»²⁰. Французский король попытался применить известный по битве при Креси английский прием спешивания рыцарей. Однако в наступательном бою, который вели при Пуатье французы, он был не новшеством, а слепым подражанием и совершенно не оправдал себя. Рыцари в тяжелых доспехах атаковали укрепившихся на возвышенности англичан, с трудом передвигаясь по мокрой земле под градом стрел. Французские атаки захлебывались одна за другой. И тогда английское войско во главе с самим Черным Принцем перешло в контратаку. Ряды французской армии, уже понесшей большие потери, дрогнули. Началось отступление, а затем и бегство, особенно трагическое в условиях отсутствия единого командования и дисциплины. Отдельные отряды армии покидали поле боя без ведома короля. Особенно пагубным было решение брата короля герцога Орлеанского увести свою сильную и многочисленную колонну. Это предредило окончательный разгром французской армии.

Поле боя было усеяно телами погибших французских рыцарей. Восторженный «певец рыцарства» Фруассар писал, что в битве «погиб весь цвет Франции», а автор «Хроники первых четырех Валуа» скорбел даже о гибели «цвета рыцарства всего мира». Потери французов насчитывали 5—6 тыс. человек, приблизительно половину из них составляли рыцари. Сам Иоанн II в полном соответствии с дорогами ему рыцарскими идеалами продолжал сражаться до последней минуты и позволил захватить себя в плен. Лавры бесстрашного воина были для него дорожке интересов государства, которое в трудный момент лишалось главы. Претендовавший на благородство и величие в глазах потомков Иоанн предстает на страницах хроник не только неумным и безответственным, но и смешным. После того как он, согласно рыцарскому кодексу чести, объявил, что сдается, его едва не раздавили английские солдаты, думавшие в ту минуту не о красоте его жеста, а об огромном выкупе.

Поражение при Пуатье поставило Францию в очень трудное положение. Она фактически потеряла армию, лишилась короля, на значительной части ее территории продолжалась война. На севере, в Бретани и Нормандии, действовали английские войска под руководством Джона Ланкастерского и рыцари Карла Наваррского во главе с его братом Филиппом. В стране нарастало глубокое недовольство широких масс населения, страдавших от бесконечной войны и роста налогов. После Пуатье к этому прибавилось ощущение унижения Франции, преданной феодалами, которые покинули поле боя или вообще перешли на сторону врага, как наваррцы.

Наследник французского престола дофин Карл (в будущем Карл V), правильно оценив сложившуюся обстановку, попытался с помощью Генеральных Штатов собрать средства на вооружение новой армии и выкуп короля из плена. Потерявшие веру в способность двора спасти Францию, Штаты колебались. Сторонники Карла Наваррского с оружием в руках боролись за освобождение своего сюзерена из заключения, север и юго-запад Франции пылали в огне английских и наваррских опустошений.

В этот момент находившийся в английском плену Иоанн II подписал в Бордо перемирие с англичанами, признав все захваты Черного Принца (март 1357 г.)²¹. Этот шаг демонстрировал окончательный разрыв короля с интересами страны, отнюдь не настроенной на капитуляцию. Выражая широкое общественное мнение, дофин и Генеральные Штаты отказались утвердить договор. Недовольство теми, кто стоит у власти, обострилось до предела и вылилось в восстания горожан в Париже под руководством Этьена Марсея (1357—1358) и крестьян на северо-востоке Франции во главе с Гильомом Калем — Жакерию (1358)²². Все силы феодального государства были теперь брошены на подавление этих восстаний. Блестящее свидетельство гораздо более тесного «сплочения рядов», чем перед лицом внешнего врага, дал освобожденный из тюрьмы Карл Наваррский, возглавив подавление восстания крестьян.

²¹ См.: Foedera, v. III, pars I, p. 133—136.

²² См.: Chr. QPV, p. 69—77; Froissart, transl. Berners, v. I, p. 216—223. См. также: Пумпянский С. М. Восстание Э. Марсея по данным Нормандской хроники XIV в. — Уч. зап. Саратов, гос. ун-та, 1947, т. 17; Семенов В. Ф. Жакерия. Л., 1958; Конакотин А. В. Жакерия 1358 года во Франции — Уч. зап. Ивановского пед. ин-та, 1964, с. XXXV.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 414

²⁰ Froissart, transl. Berners, v. I, p. 198.

Англичане не могли не воспользоваться такой благоприятной ситуацией. Эдуард приложил большие усилия к тому, чтобы именно теперь развязать себе руки в Шотландии. Он пошел на уступки шотландцам, согласился в обмен на их обещание мира освободить за выкуп находившегося в плену уже одиннадцать лет шотландского короля Давида II (договор 1358 г. в Бервике)²³.

Лето 1358 г.—осень 1359 г. стали временем особенно большого размаха опустошений во Франции. Английские и наваррские солдаты разграбили и обескровили Нормандию, Пикардию, Бретань, превратив в пустыню земли до самого Парижа. На юго-западе бесчинствовали отряды англичан, уже мало похожие на регулярные войска. Их единственной целью стала добыча, предводителем — настоящий бандит и грабитель Роберт Кноллис, которому предстояло сыграть заметную роль в последующих событиях войны. И вновь это не была победа, так как англичане натолкнулись на растущее сопротивление, особенно на севере Франции. Рыцари, горожане, а подчас и крестьяне оказывали помощь немногочисленным войскам дофина, иногда вели борьбу самостоятельно. Англичане определенно начали «увязать» в Северной Франции. К тому же дофину удалось добиться существенного дипломатического успеха: он примирился с Карлом Наваррским, обещавшим теперь воевать против англичан.

В этой ситуации находившийся в плену французский король еще раз продемонстрировал крайнюю политическую близорукость. В разгар борьбы и растущего широкого сопротивления англичанам Иоанн II подписал в 1359 г. в Лондоне чудовищный по своим условиям договор. В обмен на отказ Эдуарда III от претензий на французский трон Иоанн «уступил» ему примерно половину Франции: весь юго-запад в границах древней Аквитании, Анжу, Мен, Пуату, Турень, Нормандию, Понтье и др.²⁴ Это были пресловутые «Анжуйские владения» с таким ценным дополнением, как Кале и некоторые острова у берегов Фландрии. Английский король получал их в суверенное владение, т. е. как независимый государь. Такой договор означал гораздо больше, чем поражение в войне. Он создавал серьезную угрозу независимости Франции. Ограбленная и наполовину урезанная территориально, она едва ли могла бы просуществовать

²³ См.: Foedera, v. III, pars I, p. 151.

²⁴ См.: Les Grands traites de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889 (далее - GT), p. 3-32.

рядом с усилившейся Англией. Английская монархия вступила бы на путь создания крупного государства универсального типа.

Во Франции поняли смертельную опасность Лондонского договора. По словам Уолсингема, против его условий «возражали все французы»²⁵. Принявший титул регента Франции дофин Карл отказался признать подписанный его отцом документ. Разъяренный Эдуард III, который был так близок к заветной цели, начал готовить новую армию для очередного «решающего удара» по Франции.

Осенью 1359 г. английский король с армией около 30 тыс. человек высадился в Кале, прошел через Бургундию и осадил Реймс. Очередным проявлением феодального сепаратизма, крайне опасного в условиях войны, стало поведение герцога Бургундского. Он откупился от англичан. За деньги они согласились не грабить Бургундию и «мирно пройти» через ее территорию. Отказавшись от сопротивления, герцог открыл Эдуарду III путь к Реймсу, где английский король предполагал короноваться короной Франции. Но жители города, в котором много веков совершалась коронация, оказали англичанам упорное сопротивление. Наступившая холодная зима и недостаток припасов заставили англичан снять осаду.

Английская армия двинулась к Парижу. Добиваясь капитуляции противника, англичане беспощадно и демонстративно опустошали пригороды столицы. Английский хронист гордо писал, что из обезлюдевших, разрушенных, сожженных крепостей французы «бежали как зайцы»²⁶. Но он преувеличивал. Дух сопротивления жил: не сдался Реймс, отчаянное сопротивление наваррцам оказали жители Амьена, в Руане было создано ополчение, которое вместе с нормандскими рыцарями сражалось за каждую крепость, «люди из Пикардии» совершили нападение на Южноанглийское побережье.

В безусловной связи с растущей силой сопротивления английскому завоеванию следует рассматривать согласие Эдуарда III вступить в мирные переговоры с дофином Карлом. После долгих колебаний английский король в очередной раз был вынужден отказаться от надежды на решительную победу.

²⁵ Walsingham, v. I, p. 286.

²⁶ Eulogium Historiarum a monacho quodam Malmesburiensi exartum / Ed. F. S. Haydon. V. I—III. L., 1858—1863 (далее - Eulogium), v. III, p. 228.

Весной 1360 г. Эдуард III согласился на предложенные дофином Карлом мирные переговоры. Сделано это было неохотно, после больших колебаний и первоначального отказа говорить о мире с Францией. Месяц переговоров и ожесточенных споров завершился в мае 1360 г. подписанием в деревушке Бретињи близ Шартра мира, ратифицированного затем обоими королями в Кале²⁷. Договор в Бретињи подводил итог первого этапа войны и во многом определял ее характер на будущее. Англичане в ходе переговоров стремились добиться условий, максимально приближенных к страшному для Франции отвергнутому Лондонскому договору. Французская сторона, напротив, пыталась как можно дальше уйти от него.

В итоге было принято компромиссное решение. Потери Франции были велики, но не так трагичны, как по условиям мира, подписанного Иоанном II. В обмен на отказ Эдуарда III от притязаний на французскую корону он получил в свое полное распоряжение юго-западные земли в несколько ограниченных по сравнению с Лондонским договором размерах и ряд новых владений на севере с центром в Кале (графства Понтье и Гин). За освобождение французского короля был назначен огромный выкуп — 3 млн. золотых крон, которые должны были выплачиваться частями. Следовательно, Франции удалось отстоять огромную территорию, которую Иоанн II уступал англичанам по условиям договора в Лондоне: Нормандию, Мен, Анжу, Турень и ряд более мелких владений.

Как отмечает видный современный английский исследователь Столетней войны К. Фаулер, для историков «которые считают, что военные цели Эдуарда сводились к суверенитету Аквитании, этот договор представляет момент его триумфа; для тех, кто считает, что он хотел получить французскую корону, он означает его поражение»²⁸. Обе эти оценки, на наш взгляд, излишне резки. Договор в Бретињи не был ни триумфом, ни тем более поражением. Эдуард III опять, как на протяжении всего первого этапа войны, получил многое, но не все, чего хотел (его обширные стремления отразились в Лондонском договоре).

Договор в Бретињи не разрешал спорных вопросов с достаточной определенностью в пользу Англии. Пробле-

²⁷ См.: GT, p. 39-68.

²⁸ Fowler K. The Age., p. 62.

ма юго-запада была решена пока лишь теоретически, проблема Фландрии не получила даже официального решения. Главное, что не позволяло считать мир 1360 г. разрешением англо-французских противоречий, заключалось не в параграфах договора. Весь ход событий продемонстрировал силу растущего сопротивления Франции. Именно этот фактор заставил Эдуарда III, несмотря на ряд триумфальных побед, подписать не столь триумфальный договор²⁹.

Серия блестящих военных кампаний 40—60-х годов не привела к полной победе Англии в первую очередь из-за того, что натиск англичан при каждой хорошо продуманной атаке на Францию разбивался об упорное сопротивление и стойкость ее жителей. Так было в конце 40-х годов при осаде Кале и в конце 50-х годов, когда англичане не могли добиться реального покорения Нормандии и Пикардии. В войне, начавшейся как типичный военно-феодальный конфликт, довольно быстро стала обнаруживаться тенденция к изменению характера происходящих событий.

Первоначальной основой этого была типичная для средневековья тактика опустошений на земле противника. Франция стала объектом применения этого жестокого приема войны, что неизбежно вызвало недовольство ее жителей. Этот фактор развивался по нарастающей. Постоянное пребывание английских войск на территории Франции к концу 50-х годов XIV в. привело к дикому разгулу деморализованных банд — так называемых бригадов.

Французские хронисты рисуют страшные картины их поведения во Франции, положения населения и состояния разграбленных областей. И их не заподозришь в преувеличении, так как в английских хрониках дана та же картина. Лишь иногда попадаются оговорки, что особенно беспощадные рейды бригаанды проводили «без приказа английского короля»³⁰. Вполне возможно, но это не облегчало положения местных жителей.

Страстный поклонник рыцарской войны и сторонник Англии на первом этапе англо-французского конфликта, Фруассар писал как о естественном, будничном факте:

²⁹ Английские историки в основном объясняют согласие Эдуарда III на подписание мира его финансовыми затруднениями, забывая о том, что привело к истощению военных и экономических ресурсов Англии (См.: Seward D. Op. cit., p. 98—102; Fowler K. The Age.,

³⁰ Walsingham, v. I, p. 283.

«Итак, англичане жгли, опустошали, грабили добрую и богатую страну Нормандию» (1346)³¹. Он описал «тактику» бригадов, неотличимую от действий обыкновенных налетчиков. Узнав, что в таком-то городке можно рассчитывать на богатую добычу, они инсценировали начало военных действий. Бежавшие в панике жители оставляли им город на разграбление. Среди главарей этих банд — «капитанов» — появились свои знаменитости, первейшим из которых был Роберт Кноллис.

³¹ Froissart, transl. Berners, v. I, p. 147.

В 1359 г. его отряд насчитывал 1000 человек. Бригады стали такой грозной силой во Франции, что находившийся в Авиньоне папа был вынужден в 1357 г. откупиться от них деньгами и отпущением грехов.

Естественное стремление защитить свою землю, свой дом было первым толчком в процессе изменения характера войны и зарождения элементов национального самосознания. Эти перемены стали вполне очевидными значительно позднее — в 20-х годах XV в., но истоки их видны уже в событиях первого этапа Столетней войны. Встречая во Франции все более упорное сопротивление, англичане переходили от традиционной тактики опустошений к целенаправленным репрессиям. В конце 50-х годов они начали применять карательные меры против тех городов и местностей, где сталкивались с непокорностью жителей. Как сообщает автор «Хроники первых четырех Валуа», население в таких случаях подлежало полному уничтожению³². Естественное ответное стремление защитить себя усиливалось у широких масс населения Франции из-за неспособности господствующего класса и правящей верхушки выполнить эту задачу. Соединение этих факторов вело к рождению народной войны. Ее первые признаки проявились в конце первого периода Столетней войны, после битвы при Пуатье.

В знаменитой анонимной поэме «Жалобная песнь о битве при Пуатье», содержащей острую критику предательства и трусости дворянства, фактически прозвучал призыв к народной войне. Автор писал, что дофин «должен повести с собой на войну Жака Простака — уж он не бросится бежать ради сохранения своей жизни»³³.

В 1359—1360 гг. в районе Парижа и Нормандии уже действовали отряды крестьян и горожан, которые помогали войскам дофина, а иногда вели самостоятельные военные действия. В хронике Жана де Венетта рассказано о крестьянском отряде численностью в 200 человек, действовавшем вблизи Компьеня. В отличие от рыцарей крестьяне видели в англичанах настоящих врагов и не брали их в плен, считая, что врагов следует уничтожить. В Нормандии горожане создали ополчение, которое, по существу, полностью приняло на себя тяготы войны в последние годы перед миром в Бретиньи. В борьбе участвовали и представители местного рыцарства. В хрони-

³² См.: Chr. QP V, p. 98—99.

³³ Merepoix L, La guerre de Cent Ans. P., 1973, p. 367.

ках многократно отмечается большая роль молодого графа Людовика д'Аркура, возглавившего сопротивление в Верхней Нормандии. Под его руководством в 1360 г. была предпринята экспедиция в Англию. Французское войско (около 6 тыс. человек, в основном из городов Нормандии и Пикардии) совершило нападение на побережье Южной Англии не с целью традиционного опустошения, а под флагом серьезной политической задачи. Как пишет хронист, «они страстно хотели освободить из заключения своего сеньора — короля Франции Иоанна II»³⁴.

Действия военных отрядов встретили поддержку населения. Очень показателен эпизод осады занятого англичанами нормандского города Бутанкура. Как сообщает хронист, осадившим город войскам и ополчению из Руана оказали большую помощь «добрые крестьяне» окрестных деревень: «Они принесли из рощи дрова и наполнили ими ров. На эти дрова они положили настил, по которому прошли войска и вступили в рукопашный бой с англичанами»³⁵.

Дофин Карл оказался первым представителем дома Валуа, обнаружившим черты незаурядного и дальновидного политического деятеля. Он сумел правильно понять сложившуюся обстановку и оценить проявившиеся элементы народной войны, активность народных масс. В 1358 г., в разгар борьбы против Карла Наваррского, дофин-регент разослал призывы в Пикардию и Верманду «ко всем добрым городам», прося их помочь ему «оказать сопротивление наваррцам, которые опустошают французское королевство». И как пишет Фруассар, «добрые города были рады сделать это»³⁶. Крестьяне в районе Компьяня воевали против англичан также по согласованию с дофином.

Таким образом, мир в Бретиньи, завершающий историю первого периода Столетней войны, не только не решил основных спорных проблем, но и был подписан в обстановке наметившегося изменения ее характера. Договор не мог коренным образом перестроить ситуацию, так как он представлял серьезную опасность для независимости Франции. Примерно третья часть ее территории переходила на условиях суверенитета под английскую власть. Эдуард III, правда, отказался от титула французского короля. Во Францию возвращался осво-

³⁴ Chr. QP V, p. 110-113.

³⁵ Ibid., p. 102.

³⁶ Froissart, transl. Berners, v. I, p. 223.

божденный со многими оговорками (выкуп, заложники и т. п.) Иоанн II. Однако события недавнего прошлого показали всю глубину феодального сепаратизма высшей знати и слабости позиций центральной власти. В этих условиях предусмотренное договором 1360 г. расчленение территории Франции было для нее смертельно опасно. Все это должно было определяющим образом повлиять на дальнейшие события войны.

§ 2. Война в 70—80-х годах XIV в. Начало борьбы Франции за независимость

Военные действия между Англией и Францией возобновились в 1369 г. Девять лет официального мира были важным этапом в развитии англо-французских отношений. В это время произошли значительные изменения во внутреннем и международном положении Франции, во многом определившие историю второго периода войны. Характер внутренней и внешней политики Франции в этот период говорит о том, что в стране была осознана серьезность угрозы ее независимому существованию, заложенная в условиях мира 1360 г. После смерти Иоанна II королем Франции в 1364 г. стал Карл V — бывший дофин-регент. Вся его энергичная деятельность внутри страны и на международной арене была направлена на подготовку к борьбе против условий договора в Бретиньи.

Собрав значительные денежные средства, Карл V начал готовить новую большую армию (5—6 тыс. тяжело-вооруженной конницы, около тысячи арбалетчиков). Была усовершенствована организация войска, обеспечена регулярная выплата жалованья, улучшено вооружение. Горожане по распоряжению короля проходили специальное военное обучение с целью обороны городов в случае войны. На руководящие посты в армии наряду с представителями родовитого дворянства выдвигались талантливые военачальники невысокого происхождения. Наиболее характерна в этом отношении фигура Бертра-на Дюгеклена — рыцаря из Бретани, ставшего в 1370 г. коннетаблем Франции.

Большие усилия Франции и Англии были направлены на обеспечение союзников и международной поддержки в предстоящей войне. Английский король в первую очередь стремился укрепить свои позиции во Франции — заручиться расположением или покорностью жителей Аквитании, превратить в послушное орудие герцога Брета-

ни (в 1362 г. он даже обязался не жениться «без разрешения» английского короля)³⁷. Передав Аквитанию под управление Черного Принца (он получил титул герцога Аквитанского), Эдуард III постоянно подчеркивал суверенный характер английской власти в этой области, требовал пресекать любые попытки французского вмешательства.

В этом, как и во всех остальных международных вопросах, Англия столкнулась с дипломатическим и военным противодействием Карла V. Английская политика во Франции оказалась результативной только в Аквитании — области традиционного английского влияния. Бретань после очередной вспышки борьбы между английским и французским ставленниками перешла в 1364 г. на положение вассала французской короны. Это был большой успех Карла V. В 1365 г. французскому королю удалось добиться соглашения с Карлом Наваррским, на помощь которого рассчитывал английский король.

Ареной острой дипломатической борьбы между Англией и Францией стала в 60-х годах XIV в. Фландрия. Формой проявления англо-французских противоречий здесь была борьба за «фландрский брак» единственной наследницы огромных владений в Нидерландах — дочери графа Фландрского Маргариты де Маль. Грандиозные размеры ее потенциального приданого превратили вопрос о браке в проблему гегемонии в Нидерландах. И не удивительно, что претендентами на руку Маргариты оказались сын Эдуарда III Эдмунд и брат Карла V Филипп, герцог Бургундский. Несмотря на огромные дипломатические усилия Англии и традиционно благоприятную для нее позицию фландрских городов, пятилетняя борьба вокруг этого династического брака завершилась в 1368 г. успехом Франции. Карл V использовал поддержку папы Урбана V, отказавшего английскому принцу в разрешении на брак под предлогом дальнего родства с Маргаритой де Маль. Его дипломатические усилия склонили также на сторону Франции графа Фландрского.

В результате после 1368 г. была фактически предрешена утрата прочных позиций Англии в этом важном регионе и подорван английский союз с городами Фландрии.

Большое внимание уделялось в 60-х годах Шотландии. Здесь Эдуарду III необходимо было добиться двух целей — прочного мира и разрыва франко-шотландского союза. Сочетая угрозы и уступки, английский король решил только одну задачу. В 1369 г. был заключен англо-шотландский мир. Однако, хотя одна из статей договора в Бретиньи предусматривала расторжение союза Франции и Шотландии «на все времена», он продолжал оставаться политической реальностью. Более того, в 1371 г. он был официально возобновлен по инициативе Франции. В подписанном сторонами договоре прямо объявлялась его антианглийская направленность³⁸. Это был еще один важный дипломатический успех Карла V. Ему удалось преодолеть довольно сдержанную позицию Шотландии, гораздо менее, чем Франция, заинтересованной в тот момент в традиционном союзе. Англо-шотландский мир 1369 г. в основном решил проблему сохранения ее независимости и территориальной целостности, в то время как во Франции после мира в Бретиньи положение было как раз противоположным.

Наконец, объектом острой дипломатической и вооруженной борьбы между Англией и Францией стали в 60-х годах государства Пиренейского полуострова. Их позиция имела большое политическое и военно-стратегическое значение. На первом этапе Столетней войны Кастилия оказывала поддержку Франции.

После договора в Бретиньи Англия, получившая большую часть французского юго-запада в суверенное владение, рассматривала пиренейские государства как пограничные и стремилась добиться их поддержки в предстоящей войне. На первых порах этому сопутствовал успех. В 1362 г. Эдуарду III удалось заключить договор о союзе с королем Кастилии и Леона Педро I³⁹. Англия использовала серьезные внутривнутриполитические трудности, которые испытывал в тот момент Педро: в борьбе за централизацию он столкнулся с сопротивлением феодалов, особенно в Леоне. В результате при дворе сложилась сильная оппозиция королю, поддержанная церковью. Одновременно возникла внешняя опасность со стороны Арагона на почве территориальных споров. Все это заставило Педро I согласиться на помощь Англии, владевшей пограничным с Кастилией французским юго-западом.

³⁷ См.: Foedera, v. III, pars II, p. 65.

³⁸ См.: Foedera, v. III, pars II, p. 161—162, 186.

³⁹ См. *ibid.*, p. 60.

Однако и здесь англичан сумела опередить Франция. Угроза утраты позиций на Пиренейском полуострове заставила Карла V поддержать претензии на престол Кастилии и Леона соперника Педро I — его сводного брата Энрике Трастамарского. В 1365 г. в Кастилию была направлена армия во главе с Бертраном Дюгекленом для борьбы против Педро I. Этим Карл V решал одновременно две задачи — укрепление позиций на Пиренейском полуострове и освобождение Франции от наводнивших ее отрядов бригаднов. Именно они составляли основу посланного за Пиренеи войска.

Французское вторжение привело к свержению Педро I и к коронации профранцузски настроенного Энрике. Это вызвало ответные действия Англии. В 1367 г. Педро получил от английского короля большой заем, а затем под флагом защиты его прав в Кастилию прибыли английские войска во главе с Черным Принцем. Сражение при Найере между армиями двух претендентов на кастильский трон было, таким образом, по существу, одним из актов англо-французской войны. В этой битве победу одержало войско Черного Принца, что, казалось бы, означало утверждение в Кастилии английского влияния. Однако Энрике при поддержке Франции продолжил борьбу, которая завершилась в 1369 г. его победой (Педро I был захвачен в плен и затем убит).

О том, что это был большой успех Франции, свидетельствует франко-кастильский союзный договор 1368 г., откровенно направленный против Англии⁴⁰. В его тексте содержалось обещание сторон помогать друг другу «в войне за морем». Энрике брал на себя обязательство поддержать войну против Англии на море, а при необходимости — в Аквитании или даже на английской территории. Эдуарду III пришлось удовлетвориться обещанием нейтралитета, которое Англия получила от Арагона. Арагон же заключил мирное соглашение с Кастилией, признав ее союз с Францией⁴¹. Таким образом, на Пиренейском полуострове, как и в других частях Западной Европы, в 60-х годах авторитет Франции был значительно упрочен в ущерб английским позициям.

Ко всем международным успехам Франции следует добавить стабильно благоприятную для нее позицию папства — достаточно реальной политической силы в тот период. Папа Урбан V активно поддержал участие фран-

цузских войск в свержении Педро I, помог французскому королю в борьбе с бесчинствами бригаднов, неоднократно выделяя Франции средства для ведения войны.

Итак, международная обстановка в Западной Европе к концу 60-х годов была благоприятной для Франции. Карлу V, целенаправленно готовившемуся к неизбежной войне за освобождение утраченных территорий, удалось добиться многого. Правда, достижения во внешней политике определенно превосходили внутривосточные. Феодалную верхушку страны раздирали острые противоречия; проблема централизации из-за неудач первого этапа войны с Англией была еще дальше от решения, чем в начале XIV в.; коренной перестройки армии проведено не было. И все же французский король полагал, что пришло время использовать изменение ситуации в пользу Франции для официального возобновления войны.

После подписания мира в Бретиньи военные действия во Франции прекратились очень ненадолго — до 1363 г.⁴² Затем начались стычки в Нормандии, где Англия неофициально сохраняла войска и поддерживала действия бригаднов. Постоянные столкновения происходили также на реке Луаре, отделявшей английские войска на юго-западе; шла война в Бретани.

В этой неофициальной войне, происходившей в условиях подписанного королями мира, ведущую роль играли простые люди Франции. Особенно активны были горожане Нормандии, испытывавшие на себе все тяготы войны и глубоко разочаровавшиеся в военной роли рыцарства. Борясь за изгнание англичан из нормандских городов и крепостей, они решительно отошли от принципов рыцарской войны. Автор «Хроники первых четырех Валуа», выражающий взгляды французских горожан, с одобрением рассказывает, что они отказались от обычая рыцарей отпускать пленников за выкуп. Несмотря на возмущения феодалов, они не раз добивались, чтобы побежденные англичане были убиты. Чуждый какой-либо жестокости, хронист считает, что «это был единственный способ покончить с ними (англичанами.— Н. Б.) и избавить королевство от их присутствия»⁴³.

⁴² Договор в Бретиньи фактически остался на бумаге. Опубликованные П. Шеплэ документы об англо-французских переговорах 1361—1362 гг. показывают, что ни одна сторона не выполнила полностью своих обязательств (см.: Some documents regarding the fulfilment and interpretation of the treaty of Bretigny (1361—1369) / Ed. by P. Chaplais. — Camden Miscellany. L, 1952, v. XIX, p. 9—50).

⁴³ Chr. QPv, p. 170.

⁴⁰ См.: Foedera, v. III, pars II, p. 148—150,

⁴¹ См. ibid., p. 150—152.

В отличие от своих предшественников Карл V осознал значение широкого освободительного движения для Франции и постоянно поддерживал его. Наряду с другими благоприятными обстоятельствами это подготовило успех Франции во втором периоде Столетней войны.

Толчком к официальному возобновлению военных действий стали события в Аквитании — самом сердце английских владений на континенте. Феодалы этой области в силу ее особой исторической судьбы отличались особенно ярко выраженным сепаратизмом. Они были, как правило, расположены в пользу английского короля, менее опасного для их независимости, чем французский. В 60-х годах XIV в. английский наместник Черный Принц оказал на них некоторое давление, прежде всего финансовое. Привыкшие лавировать между двумя соперничающими королевскими домами, видные гасконские феодалы подали по этому поводу апелляцию Карлу V.

По условиям мира в Бретиньи французский король не имел никаких прав в Аквитании. Обращение феодалов дало ему прекрасный повод для отказа от условий ненавистного договора. Заручившись письменным заключением двух видных докторов права из Болоньи о законности сохранения французского суверенитета в Аквитании, Карл V собрал массу жалоб на Черного Принца и потребовал от него ответа. Условия мира 1360 г. были тем самым отвергнуты, война фактически объявлена. Эдуарду III оставалось принять брошенный ему вызов. 3 января 1369 г. он вновь присвоил себе титул французского короля. Весной того же года он сообщил о скором вторжении во Францию.

Однако на этот раз инициативой с самого начала владела Франция. При поддержке Генеральных Штатов Карл V объявил Англии войну и направил войска под руководством Филиппа Бургундского в Понтье. В 1369—1370 гг. в Кале дважды высаживались большие английские армии. Англичане ориентировались на прежнюю испытанную тактику — сочетание единичных крупных сражений с опустошительными рейдами. В этом смысле симптоматично выдвигание на пост военачальника Роберта Кноллиса, известного в прошлом главаря бригадиров. Даже английские рыцари называли его «старым грабителем». Англичане, видимо, рассчитывали, что его бандитский опыт найдет широкое применение. Но практика войны на этом этапе с первых шагов показала, что французы решительно переменили тактику. Английская армия дважды пыталась навязать противнику сражение: в

1369 г. в Пикардии, в 1370 г. вблизи Парижа, но французы оба раза уклонялись от решительной битвы, предпочитая небольшие стычки, внезапные нападения на марше, захват отдельных крепостей и мешая обычной английской тактике опустошений.

Бертран Дюгеклен проявил себя талантливым полководцем, владеющим нетипичными для феодальной армии методами ведения войны. Его излюбленным приемом было внезапное нападение на арьергард английской армии, возвращавшейся в центры своего расположения после изнурительного похода или осады. Именно таким образом он нанес значительный урон армии Кноллиса в Бретани и войскам Черного Принца в Аквитании в 1370 г. Было бы, однако, неверно приписывать эти новшества исключительно способностям Дюгеклена. Причины были более глубокими. Освободительные задачи Франции в эти годы, наметившееся изменение характера войны, наконец, почти десятилетний опыт участия народных масс в борьбе с англичанами не могли не отразиться на методах ведения военных действий.

Новая тактика, к которой английские войска оказались совершенно не подготовленными, начала приносить результаты. Постепенно, город за городом, крепость за крепостью, французская армия освобождала Аквитанию. В этом была немалая заслуга горожан, поднявших в 1370 г. антианглийские восстания в ряде городов на юго-западе. Наиболее значительным было выступление в Лиможе. Черный Принц направил к жителям города парламентаров, которые пытались уговорить их одуматься и добровольно вернуться под власть Англии. Но, как пишет Уолсингем, «распущенная чернь ничего не хотела слушать, отвернулась от послов и еще сильнее укрепила город»⁴⁴. Английский принц жестоко расправился с жителями непокорного Лиможа, сея тем самым семена ненависти к захватчикам.

70-е годы XIV в. стали временем зарождения элементов национального самосознания в обеих воюющих странах. Одним из симптомов этого был растущий патриотизм, противоречащий рыцарским идеалам. Англо-французская война начиналась под знаменем династических притязаний, вполне соответствовавших идеологии рыцарства. Уже в первой половине XIV в. развитие событий привело большую часть населения Франции к отказу от этих представлений. В 70-х годах под влиянием освобо-

⁴⁴ *Walsingham*, v. I, p. 311.

дительного характера войны этот процесс усилился. Освобождение каждого города или крепости воспринималось не просто как военная победа, но и как торжество Франции. Выбив англичан из крепости Рошфор, близ Парижа, французы под возгласы «Монжуа! Сен Дени!» с ожесточением сорвали английские знамена и обезглавили пленных англичан. При освобождении Пуатье «оставшиеся верными Франции горожане, увидев знамена с лилиями и войска своего законного государя короля Франции, возблагодарили бога и начали кричать «Монжуа!». Патриотически настроенный автор «Хроники первых четырех Валуа» с гордостью отмечает, что при взятии Ла Рошели в 1372 г. французы победили «гасконцев и англичан, которые считали себя лучшими воинами в мире. И это была победа, завоеванная не знатными, а простыми людьми и бедняками»⁴⁵.

Наиболее ярко новые патриотические тенденции проявлялись в идеологии горожан, чье сознание издавна не было сковано тесными рамками натурального хозяйства. Кроме того, при тогдашних методах ведения войны именно города были основными твердынями, в значительной мере обеспечивавшими военный успех той или иной стороны. Поражения Франции в войне, разграбление и разрушение захваченных городов победителями — все это обостряло антианглийские настроения и способствовало серьезным изменениям в общественном сознании. В условиях войны именно горожане раньше других социальных слоев приходили к осознанию общих интересов французов в борьбе за сохранение независимости Франции. Особенностью рождающихся патриотических чувств в ту эпоху была идентификация интересов страны с личностью короля.

Именно в 70-х годах XIV в. подобный процесс начался и в английском общественном мнении. Военные неудачи Англии вызвали не только сожаление о напрасных материальных затратах и прекращении притока богатств из Франции, но и чувство национального унижения. Еще до начала войны с Францией Эдуард III приложил усилия к тому, чтобы создать в Англии антифранцузские и антишотландские настроения. Представители различных слоев английского общества единодушно считали, что Франции удалось унижить английского короля, добившись принесения им оммажа за Гасконь в 1329 г. Исходя из популярной в средние века идеи справедливой

⁴⁵ Chr. QPV, p. 223-224, 237-238, 242.

войны, Эдуард III в специальных обращениях уже в период войны представлял шотландцев как взбунтовавшихся подданных Англии, а французов — как их пособников. Широко пропагандировалась идея законности прав Эдуарда III на французский престол. Все это способствовало утверждению в английском общественном мнении представления о справедливом характере войны против Франции.

Удачи первого этапа войны и связанные с этим экономические выгоды закрепили в самых широких слоях английского общества чувство гордости одержанными победами и стремление продолжать войну. Однако после мира в Бретиньи 1360 г., в период военных неудач Англии, началась эволюция общественного мнения в стране. Определенные социальные слои — в первую очередь горожане — переходят от упоения успехами к недоумению, а затем к разочарованию. Сначала войну просто перестают воспринимать как выгодное дело, а затем именно горожане первыми начинают видеть в ходе событий не просто перемену военного счастья, но и унижение Англии и англичан.

Очень характерен в этом отношении описанный Уолсингемом патриотический поступок богатого лондонского горожанина Джона Филпота. На его средства были вооружены 1000 человек и несколько кораблей для защиты английских берегов. Поступок Филпота вызвал, как пишет хронист, «триумф» в Лондоне и похвалу самого короля. Некоторые представители высшей знати, исполненные ревнивых чувств, стали упрекать горожанина, что он не посоветовался с ними. Филпот ответил, что он поступил так, видя, «до какого бедственного положения доведена родина»⁴⁶. Показательно что выразителями патриотических настроений в английском обществе, как и во Франции, стали представители непривилегированных слоев.

Феодалы, естественно, с гораздо большим трудом отрешались от космополитической в своей основе рыцарской морали. Свойственная любому эксплуататорскому классу классовая солидарность перед лицом эксплуатируемых масс закреплялась у феодалов системой вассалитета и исторически сложившимся моральным кодексом. Идеалы рыцарства представляли собой прочно утвердившийся кодекс военной касты. Кастовая солидарность рыцарства была чужда зарождающимся элементам

⁴⁶ *Walsingham*, v. I, p. 371,

национального чувства. Стремясь утвердить свою гегемонию в обществе не только с помощью экономического и политического господства, класс феодалов постепенно выработал особую систему нравственных ценностей, призванных утвердить моральное превосходство рыцарства над другими сословиями. Наличие этого нравственного кодекса способствовало сближению феодалов различных стран и государств. На протяжении веков рыцари ощущали связь с собратьями по классу гораздо отчетливее, чем с людьми, связанными общностью территории и языка. Рыцарская мораль признавала высшей добродетелью верность сюзерену, а им мог быть феодал или государь любой страны.

В атмосфере наметившегося в ходе англо-французской войны усиления патриотических настроений нормы рыцарского кодекса чести начали все чаще приходиться в противоречие с зарождающимися элементами национальных чувств⁴⁷. Понадобились еще долгие десятилетия драматических событий войны для того, чтобы представители класса феодалов начали принимать участие в общем патриотическом подъеме во Франции в 30—50-х годах XV в.

Военная ситуация во Франции становилась все более неблагоприятной для Англии. Эдуард III решил еще раз прибегнуть к испытанному в начале войны приему. В 1373 г. большая английская армия во главе с герцогом Ланкастерским совершила грандиозный опустошительный рейд по Франции — от Кале до Бордо. За пять месяцев похода англичане нанесли серьезный урон Пикардии, Шампани, Бургундии, Оверни, Лимузену и другим областям. Однако им не удалось захватить ни одного значительного города, а вместо ожидаемого эффекта устрашения и покорности сразу же после возвращения Джона Ланкастерского в Англию против английской власти восстали почти все города в Аквитании, кроме Бордо и Байонны. Огромные английские владения на юго-западе Франции практически перестали существовать. Контролируемая Англией территория стала меньше, чем перед началом Столетней войны.

В том же 1373 году в результате успешных действий войск Дюгеклена под французской властью оказалась

⁴⁷ Характерный пример противоречия рыцарских норм морали интересам государства — освобождение Черным Принцем за выкуп взятого в плен в 1367 г. талантливого французского полководца Бертрана Дюгеклена. В 70—80-х годах он сыграл большую роль в военных победах Франции.

почти вся Бретань. В северной части Франции в руках англичан оставались только Кале и отдельные гарнизоны в Нормандии. Франция была близка к решительной победе, но ресурсы страны истощились, англичане упорно сопротивлялись в тех немногих опорных пунктах, которые они удерживали. Сражения в Гаскони приобрели затяжной малорезультативный характер. Все это подтолкнуло враждующие стороны к мирным переговорам.

Первая попытка достигнуть договоренности была предпринята еще в 1372 г. Представители Англии и Франции встретились в Кале и, как отмечает французский хронист, «англичане на этот раз разговаривали с французами более любезно»⁴⁸. С первых шагов переговоров камнем преткновения стал вопрос о правах английского короля на корону Франции. Поскольку англичане настаивали на их законности, бесконечные дискуссии завели участников встречи в тупик и показали невозможность заключения мира. Даже условия тяжелейшего для Франции договора в Бретиньи базировались на отказе английского короля от династических притязаний. Как показали последующие события Столетней войны, навязать условия, угрожавшие независимости Франции, можно было только на основе ее полного военного поражения и глубочайшей внутренней слабости. В 70-х годах XIV в. ситуация была совсем иной. Упорное нежелание Англии отказаться от идеи объединения корон было реакционным и мало реальным в обстановке созревания предпосылок для создания национального государства. Это делало невозможным заключение мира. Отныне и до конца войны стало ясно, что не мирный договор, а бескомпромиссная капитуляция одной из воюющих сторон может положить предел борьбе. Поэтому начиная с середины 70-х годов Англия и Франция пошли по пути временных перемирий между периодами военной активности.

Первое перемирие второго периода Столетней войны было заключено в 1374 г. Оно предусматривало прекращение военных действий только в Юго-Западной Франции. В начале 1375 г. была достигнута аналогичная договоренность в отношении Пикардии и Артуа. Наконец, в июне 1375 г. на переговорах в Брюгге, где во главе английского и французского посольств стояли самые высокопоставленные лица (четвертый сын Эдуарда III Джон Ланкастерский и брат Карла V Филипп Бургундский),

⁴⁸ Chr. QPv, p. 224.

было принято решение о полном прекращении войны на год. Несмотря на систематические нарушения с обеих сторон, это перемирие было затем продлено еще на год — до июня 1377 г.⁴⁹

В 1377 г. за несколько дней до истечения срока перемирия умер Эдуард III — вдохновитель и непосредственный организатор войны с Францией на протяжении нескольких десятилетий. На престоле его сменил Ричард II — сын умершего раньше Черного Принца. Он короновался как король Англии и Франции, что предвещало продолжение войны. Война, таким образом, никогда не была личным делом Эдуарда III. В борьбе за континентальные владения и доходы были заинтересованы достаточно широкие круги английского общества, в первую очередь класс феодалов.

Основные сражения конца 70-х годов происходили на море. Франция попыталась овладеть инициативой и прервать коммуникации между Англией и английской Гасконью. Серьезные морские сражения произошли еще до перемирия 1377 г. около Ла Рошели и у английских берегов. Они неизменно заканчивались победами Франции, продемонстрировав в отличие от времени Слейса возможность французского преобладания на море. Большую роль в этом сыграл союз с Кастилией, помогавшей Франции на море на протяжении всего второго периода войны. Кастильские корабли приняли активное участие в борьбе на море с момента возобновления военных действий. Летом 1377 г. объединенный франко-кастильский флот совершил серию набегов на берега Южной Англии и прибрежные острова; в 1378—1379 гг. он успешно действовал у берегов Бретани и Фландрии.

В 1381 г. англичанам удалось положить конец активному участию Кастилии в войне на море путем вмешательства в конфликт Кастилии с Португалией на стороне последней. Это было прямым продолжением столкновения Англии и Франции на Пиренейском полуострове в конце 60-х годов. Еще тогда, после поражения Педро I, герцог Джон Ланкастерский вступил в брак с дочерью низложенного кастильского короля. На этом основании он претендовал на трон Кастилии, официально присвоив титул короля. У Англии, таким образом, был постоянный повод для борьбы против опасного французского союзника. Сын Энрике II Хуан I перед лицом опасности со

⁴⁹ См.: Foedera, v. III, pars III, p. 23—24, 29—33, 41—54; GT, p. 69; The Anglo-French negotiations at Bruges 1374—1377 / Ed by E. Perroy. — Camden Miscellany. L., 1952, vol. XIX, p. 1—68.

стороны Португалии в 1381 г. подтвердил союз с Францией, что, естественно, стимулировало заключение союзного договора между Англией и Португалией⁵⁰.

Выступление Англии в поддержку португальского короля Фердинанда I привело к большим материальным затратам, но было безрезультатным в военно-политическом отношении. Кастильско-португальский конфликт закончился компромиссным династическим решением. Англия не получила ничего, союз Кастилии с Францией сохранился⁵¹.

Заметно активизировалась в 70-х годах роль другого французского союзника — Шотландии. Усилия Карла V по укреплению франко-шотландского союза оказались не напрасными. Несмотря на мир 1369 г. с Англией, Шотландия в 70-е годы фактически участвовала в войне на стороне Франции. У английских берегов успешно действовали шотландские пираты, помогая французам и испанцам в войне на море. Один из капитанов пиратских кораблей Джон Мерсер наводил ужас на англичан. Специально для борьбы против него были снаряжены корабли лондонца Филпота. Большие сложности для Англии создавала ситуация на шотландской границе, где начиная с 1378 г. практически постоянно шла война. Шотландцы систематически вторгались в пограничные области, отвлекая силы английской армии от борьбы на континенте.

Действия сепаратистски настроенных южношотландских феодалов, по-видимому, поощрялись Францией. Подчас обнаруживалось прямое осознание шотландцами их участия в антианглийской борьбе французского королевства. Например, шотландцы — участники захвата Бервика в 1378 г. заявили представителям английской власти, что они служат французскому королю⁵².

Особенно серьезное вторжение с севера произошло в 1379 г. По данным французского хрониста, в нем объединились силы обоих союзников Франции — Шотландии и Кастилии⁵³. Английскому королю пришлось направить против них крупные военные силы во главе с самим герцогом Ланкастерским.

В конце 70-х годов борьба развернулась на юго-западе Франции, в Бретани, Нормандии и в районе Кале. В отличие от предшествующих лет в войне не было преж-

⁵⁰ См.: Foedera, v. III, pars III, p. 111, 120.

⁵¹ См. *ibid.*, p. 119, 140.

⁵² См.: *Walsingham*, v. I, p. 389.

⁵³ См.: Chr. QP.V, p. 284.

него накала. Начавшиеся летом 1377 г. бои шли с переменным успехом, в основном сводясь к взаимным опустошительным рейдам и не принося очевидного успеха ни одной из сторон.

Наиболее значительных результатов добилась Франция в Бретани, овладев почти всей ее территорией. Предпринятые англичанами в 1379—1380 гг. экспедиции к берегам герцогства свелись к очередным опустошениям локального значения. Грабительский характер этих походов был столь очевидным, что даже англичанин Уолсингем, всегда настроенный патриотически, осудил некоторых его участников за излишнюю алчность и жестокость. Его рассказ объясняет и тактическую причину военного превосходства Франции. Пользуясь тем, что англичане поглощены грабежом, французские войска совершали внезапные и весьма чувствительные нападения на них. Уолсингем рассматривает такую тактику как нечестный метод ведения войны.

И все же успех Франции не был полным. Главной причиной этого являлась сила не преодоленного королевской властью феодального сепаратизма верхушки господствующего класса. Победы королевского войска испугали крупных французских феодалов, больше всего опасавшихся усиления центральной власти. В результате они совершают ряд новых опасных для Франции шагов. Наваррский король и граф Фуа в 1375—1376 гг. вступили в сепаратные переговоры с англичанами; в 1378 г. Карл Злой продал Англии принадлежавший ему Шербур, а затем организовал заговор с целью убийства французского короля. Герцог Бретани, вынужденный в очередной раз признать вассальную зависимость от французской короны (1381), сумел через несколько месяцев заключить сепаратный договор с Англией. Его условия предусматривали сохранение английского гарнизона в Бресте. Во всех этих действиях интересы Франции были принесены в жертву феодальному сепаратизму.

В результате к началу 80-х годов англичане, несмотря на большие потери, сохранили в своих руках все основные опорные пункты на Французском побережье. Кале, Бордо и Байонну они удержали собственными силами. Французские феодалы добавили к этому Шербур в Нормандии и Брест в Бретани. Это серьезно снижало значение французских побед. Обе страны настолько истощили свои ресурсы в бесконечной войне, что при всей неопределенности сложившегося положения начали вновь стремиться к мирным переговорам. Эта тенденция была

усилена осложнением внутреннего положения в обоих королевствах.

Начало 80-х годов XIV в. ознаменовалось подъемом антифеодальных движений: восстание крестьян под руководством Уота Тайлера в Англии, серия городских и крестьянских выступлений во Франции⁵⁴. Взрыв социальных противоречий, вызванный в первую очередь внутренним развитием феодальной системы, был усилен тяготами войны, которые на этот раз испытывали трудящиеся массы обеих стран.

Наметившееся в этой ситуации естественное затишье в войне было тем не менее нарушено очередным всплеском военной активности. Причиной его стала в начале 80-х годов Фландрия. С самого начала Столетней войны графство Фландрское — давний объект феодальной экспансии Франции — занимало сложную позицию в англо-французской борьбе. Его феодальные правители выступали на французской стороне при постоянном противодействии проанглийски настроенных горожан⁵⁵. Однако к концу XIV в. вызванные войной перемены усложнили отношения между Англией и ее традиционными торговыми партнерами — ведущими городами Фландрии. Их большое недовольство вызывала растущая конкуренция английского Кале — нового центра торговли шерстью. Отношения между прежними союзниками начали омрачаться эпизодическими столкновениями на море⁵⁶.

К концу 70-х годов в английском обществе созрело резкое недовольство жителями Фландрии, переданное Уолсингемом. Он писал, что фламандцы все время меняют позиции, поддерживая англичан в период успехов и причиняя им вред при неудачах⁵⁷. В этом безусловно со-

⁵⁴ Подробнее об этих восстаниях см.: Английская деревня XIV в. и восстание Уота Тайлера / Сост. Е. А. Косминский и Д. М. Петрушевский. М., 1935; *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. М., 1927; *Себенцова М. М.* Восстание «гарель» в Руане 1382 г.—Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина, 1957, т. 104, вып. 5; *ее же.* Восстание тишенов. — Там же, 1954, т. XVIII; *Сидорова Н. А.* Антифеодальные движения в городах Франции во второй половине XIV — начале XV в. Лекция. М., 1960; *Кириллова А. А.* Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV в. М., 1969.

⁵⁵ Города Фландрии оказывали англичанам серьезную помощь в доставке грузов, бойкотировали торговлю с противниками Англии, препятствовали их торговым перевозкам. См.: *Foedera*, v. III, pars II, p. 172.

⁵⁶ См.: *Walsingham*, p. 297, 313—314; *Eulogium*, v. III, p. 336; *Capgrave*, p. 228.

⁵⁷ См.: *Walsingham*, v. I, p. 399—400.

держалась доля истины, так как конечной целью богатых фландрских городов была независимость. Затянувшаяся англо-французская война, неопределенный характер военных действий в это время могли создать впечатление, что такой путь развития стал для Фландрии возможным.

Ситуация резко изменилась, когда в 1379 г. во фландрских городах началось широкое антифеодальное движение. Его центром стал Гент. После длительной борьбы, протекавшей с переменным успехом, граф Фландрский обратился в 1382 г. за помощью к французскому королю Карлу VI (сыну умершего в 1380 г. Карла V). Представители восставших горожан во главе с сыном знаменитого Якоба Артевельде Филиппом были вынуждены искать поддержки у своего традиционного союзника Англии.

Французские феодалы восприняли просьбу графа Фландрского как удобный повод для того, чтобы утвердить, наконец, в этой области гегемонию Франции. Почва для этого была подготовлена еще в конце 60-х годов браком брата Карла V Филиппа с наследницей фландрского графа. В результате после смерти правящего графа Людовика Мальского Фландрия должна была перейти под власть французского королевского дома. Однако не вызвала сомнения потенциально отрицательная позиция городов. Подавление восстания давало Франции возможность нанести горожанам превентивный удар и подготовить решение фландрской проблемы в свою пользу. Поддержка изгнанного горожанами графа была также актом классовой солидарности и демонстрацией сплоченности Франции в отношении Фландрии.

Отправление французского войска было обставлено весьма торжественно. В присутствии высшей знати и духовенства из собора Сен-Дени извлекли орифламму — древнее французское знамя — и двенадцатитысячная армия двинулась во Фландрию. 27 ноября 1382 г. восставшие горожане были разбиты в сражении при Розбеке. Правящая верхушка Франции восприняла эту битву как победу рыцарей над простонародьем и возмездие за прежнюю дерзость свободолюбивых фландрских горожан, не желавших подчиниться французскому королю. Хронисты, особенно автор официальной «Хроники Карла VI», с торжеством сообщают об огромных потерях войска горожан (называются цифры от 18 до 25 тыс. человек), о том, что после сражения были убиты еще несколько тысяч фламандцев. Примерно через месяц после Роз-

бека французская армия сожгла Куртре «из-за того, что в этом городе праздновали победу, некогда одержанную над французами», или, как выразился автор «Хроники Карла VI», «чтобы наказать за бунт»⁵⁸.

Почти все мятежные города сдались, но центр восстания Гент не покорился. Французской армии пришлось приступить к осаде. Тем временем в Англии была собрана армия для поддержки Гента. Очередной акт англо-французской войны должен был разыграться в испытанной форме вмешательства во внутренние противоречия, как, например, в Бретани и на Пиренейском полуострове. На этот раз был использован религиозный лозунг, связанный с начавшимся в 1378 г. «великим расколом» католической церкви. Экспедиция во Фландрию готовилась в Англии как крестовый поход в защиту папы Урбана VI против профранцузски настроенного «антипапы» Климента VII⁵⁹. Во главе «крестоносного войска» был поставлен епископ Норичский Генрих Диспенсер.

Реальную подоплеку английского вторжения во Фландрию определял давний глубокий экономический интерес к этой области, обострившийся в связи с французской блокадой Гента. В Англии не могли не понимать, что подавление восстания горожан французской армией в сочетании с перспективой перехода Фландрии к Филиппу Бургундскому создают угрозу полной утраты английских позиций в этой области. У истощенного войной и внутренними противоречиями государства не было возможностей для снаряжения армии. Плохо экипированное и организованное войско было спешно набрано на средства папы и не представляло серьезной силы. Тем не менее широкие круги английских феодалов и горожан связывали с активизацией войны во Франции надежды на военную добычу, интенсификацию фландрской торговли, т. е. в конечном счете — на рост доходов. В военно-стратегическом отношении кампания во Фландрии должна была отвлечь силы французской армии от юго-запада, где англичане с трудом удерживали последний относительно большой плацдарм.

События 1383—1389 гг., начавшиеся с английского «крестового похода» во Фландрию, были последней вспышкой военной активности на втором этапе Столетней

⁵⁸ Chr. QPV, p. 307; Chronique du religieux de St. Denys, contenant le regne de Charles VI de 1380 a 1422 / Publ. et trad. L. Bellaguet. V. I—IV. P., 1839-1844 (далее — Chr. St. Denys), v. I, p. 228.

⁵⁹ См.: Foedera, v. III, pars III, p. 145.

войны. Как бы подводя итог периоду неудач Англии, эти годы стали временем последовательной утраты ее позиций во Фландрии, на Пиренейском полуострове и в Бретани, военных неудач в Шотландии и на территории Франции.

Поход Генриха Диспенсера во Фландрию, на который возлагались большие надежды, окончился провалом. Весной 1383 г. «крестоносцы» высадились в Кале, но не сумели взять ни одного фландрского города. Они опустошили и разграбили Пикардию, прибегнув к давно переставшей оправдывать себя тактике. Военные неудачи, болезни, грабежи привели к глубокой деморализации и без того слабой английской армии. В результате она в панике отступила перед прибывшим во Фландрию войском Карла VI.

Бесславное возвращение армии Диспенсера в Лондон в 1383 г., по существу, означало конец союза Англии с фландрскими городами. Единственный продолжавший сопротивляться нажиму Франции город Гент не получил английской помощи и остался в изоляции. В конце 1384 г. англичане предприняли попытку вмешаться в борьбу Гента с Францией. Предлогом послужил переход титула графа Фландрского к брату французского короля (в 1384 г. после смерти Людовика де Маль). Ричард II объявил, что он как король Франции не признает нового графа и назначает своего наместника в Гент, выделив ему, однако, крайне незначительное войско. Поэтому все, чего добились горожане, было достигнуто их собственными силами.

После долгого мужественного сопротивления жители Гента в 1385 г. пошли на соглашение с Филиппом Бургундским. Были подтверждены вольности города, но при условии официального отказа от союза с Англией. Этот договор юридически закрепил то, что *de facto* совершилось еще в 1383 г.⁶⁰

После короткой передышки (перемирие 1384—1385 гг.) Франция в последний раз на этом этапе Столетней войны попыталась нанести Англии окончательное военное поражение. Была задумана военная кампания невиданного масштаба. Важная роль в ней отводилась Шотландии и Кастилии. В этом замысле проявился широкий международный характер, который приобрела к концу XIV в. борьба между Англией и Францией. Впервые планировалось ведение наступательных операций на терри-

⁶⁰ См.: Chr. St. Denys, v. I, p. 410—415.

тории самой Англии, которую должны были одновременно атаковать с юга французские, а с севера — объединенные франко-шотландские войска.

Не решив до конца задачу освобождения территории своей страны, французские феодалы были готовы перейти к захватнической войне в Англии. Их охватила нестерпимая жажда добычи. Как пишет Фруассар, собравшиеся для вторжения в Англию французские рыцари в ожидании отправления грабили население прибрежных областей Франции и обещали, что заплатят за все, когда возвратятся из английского похода. Кампания, имевшая главной целью добычу и новые доходы феодалов, прикрывалась пышными лозунгами «отмщения» англичанам за причиненные Франции обиды⁶¹.

Задуманный удар по Англии был нанесен лишь со стороны англо-шотландской границы и не слишком чувствительно. Весной 1385 г., сразу после истечения срока англо-шотландского перемирия, в Шотландию прибыло полуторатысячное французское войско во главе с адмиралом Жаном де Вьенном. Участие в войне против Англии в тот момент было навязано шотландцам. Угроза их независимости со стороны ослабленного английского королевства уменьшилась, и соответственно снизилась активность Шотландии в качестве французского союзника. Это вызвало глубокие тактические разногласия между французскими и шотландскими военачальниками. Французские хронисты единодушно обвиняют шотландцев в трусости, в то время как дело было в их очевидном стремлении свести дело к пограничному рейду, не вступая в большую войну против Англии. В итоге французским рыцарям так и не удалось убедить шотландцев двинуться в глубь страны за богатой добычей. Союзное войско промедлило в пограничных районах до прихода большой английской армии, спешно собранной Ричардом II. Через несколько месяцев войско Жана де Вьенна бесславно возвратилось во Францию, так и не вступив в сражение с англичанами.

Если эта часть кампании могла считаться выполненной хотя бы частично, то вторжение в Англию с юга вообще не состоялось. Это нереализованное военное предприятие привлекает в последние годы большое внимание английских историков, стремящихся на его основе придать войне оборонительный со стороны Англии характер

⁶¹ См.: *Froissart*, transl. Berners, v. III, p. 190—191; Chr. St. Denys, v. I, p. 350—351.

(см. подробнее гл. III). В то же время оно интересно и несколько загадочно само по себе. Начиная с 1385 г. Франция, по данным всех источников, открыто и даже демонстративно готовилась к вторжению в Англию. Наконец, летом 1386 г. в районе Слейса сосредоточилась большая французская армия, жаждавшая отправиться в Англию⁶². На многочисленные корабли было погружено оружие, осадные орудия, даже детали укреплений для военных лагерей и т. п. Англия была очевидно не подготовлена к отражению такого удара и охвачена страшной паникой. На ее северной границе еще действовало франко-шотландское войско. В этой благоприятной ситуации французский король поразительно медлил с отправкой войска, окончательно отменив ее в ноябре 1386 г. под смехотворным предлогом болезни Филиппа Бургундского.

Объяснение этому можно найти в реальной исторической обстановке во Франции. Положение семнадцатилетнего Карла VI, ставшего королем в 12 лет, было крайне непрочным. В стране, где только что были подавлены восстания социальных низов, подняли голову сепаратистски настроенные крупные феодалы. Они возобновили междоусобные войны, притихшие при Карле V. В разоренной войной и неурожаями голодающей стране бесчинствовали бриганды.

Нетрудно понять колебания Карла VI в вопросе об отправке войска в Англию. Не мог быть горячим сторонником этого предприятия и наиболее влиятельный членов в государстве — дядя Карла VI герцог Филипп Бургундский. Получив наконец власть над Фландрией, он понимал, что завоеванные с таким трудом позиции могут быть утрачены из-за невыгодной фландрским городам войны. Перестав быть их союзником, Англия оставалась важным торговым партнером городов Фландрии. Сдерживающим фактором была и неудачная попытка создать серьезный второй фронт против Англии с шотландской помощью. В свете всех этих обстоятельств идея вторжения в Англию выглядит, на наш взгляд, мало реальной.

Чем же тогда объяснить шумные приготовления Франции? Вероятно, именно из-за непрочности своих позиций французский король должен был хотя бы внешне пойти навстречу жаждавшим добычи феодалам. Под флагом подготовки вторжения Карлу VI удалось сравнительно безболезненно ввести дополнительное налогообложение,

⁶² Данные о ее численности противоречивы и явно преувеличены — до 100 тыс. человек (см.: *Walsingham*, v. II, p. 147, 151; *Capgrave*, p. 243; *Chr. St. Denys*, v. I, p. 450).

коснувшееся даже духовенства и строптивых жителей Аквитании.

Одной из причин демонстративной подготовки французского вторжения в Англию было также обострение ситуации на Пиренейском полуострове. В новой вспышке конфликта между Кастилией и Португалией (1384) Англия, естественно, поддержала своего союзника Португалию ради ослабления союзной Франции Кастилии. В августе 1385 г. в сражении кастильских и португальских войск при Альжубарроте вновь участвовали англичане и французы. Поражение Кастилии было серьезным ударом по французскому союзнику. Пользуясь военной неудачей кастильского войска, герцог Джон Ланкастерский с большой армией вторгся в 1386 г. на Пиренейский полуостров под предлогом борьбы за свои династические права в Кастилии. Франция рисковала лишиться в будущем действенной военной помощи своего пиренейского союзника.

В этих обстоятельствах широко разрекламированное предполагаемое вторжение в Англию должно было сыграть роль фактора, сдерживающего английскую активность на Пиренейском полуострове. Источники свидетельствуют, что дипломатическая и потенциальная военная поддержка Франции помогли Кастилии избежать поражения и заключить компромиссный договор с Джоном Ланкастерским (его условия предусматривали укрепление династических связей между Кастилией и Ланкастерским домом)⁶³.

К концу 80-х годов военная активность Англии и Франции явно истощилась. Ни экономические ресурсы, ни внутривнутриполитическое положение в обеих странах не давали возможности продолжать интенсивные военные действия. Стороны были вынуждены вновь перейти к мирным переговорам. Прочный мир был по-прежнему невозможен, так как ни одна спорная проблема не была решена.

В переговорах, начатых при помощи нейтральных посредников в 1386 г., Франция требовала отказа от притязаний Англии на французскую корону. Английская сторона запросила в ответ традиционную непомерную цену — передачу Англии на правах суверенитета Аквитании и Нормандии. На фоне в целом удачного для Франции второго периода войны это было неприемлемо. По всей видимости, такая заведомо нереалистичная позиция

⁶³ См.: *Chr. St. Denys*, v. I, p. 444—449; *Pfoissart*, transl. Berners, v. II, p. 200; *Foedera*, v. III, pars IV, p. 31.

Англии на первом этапе переговоров была продиктована желанием части английских феодалов из непосредственного придворного окружения Ричарда II продолжить войну. В основе их позиции лежала та же, что и у французских феодалов, жажда новых доходов. У англичан она подогревалась воспоминаниями о «счастливых временах» Эдуарда III.

Новые попытки договоренности были предприняты в 1387 г. Показательно, что на этот раз Ричард II попробовал действовать тайно от английских баронов и части своего придворного окружения. В Англии распространились слухи, что король намерен вернуть Франции важнейшие английские владения на северном побережье — графство Гин и Кале. Это обострило, недовольство правлением Ричарда II. Помимо причин внутреннего характера оно было вызвано, в частности, и военными неудачами. Общественное мнение Англии связывало с Ричардом — сыном Черного Принца — надежды на возвращение былых успехов в войне против Франции. Реальный ход событий опроверг эти ожидания. Стремление Ричарда II к переговорам воспринималось как национальное предательство и в значительной степени усиливало непопулярность английского короля в собственной стране.

Наметившаяся тенденция к заключению объективно неизбежного в сложившейся ситуации перемирия едва не была разрушена внезапной военной активизацией Шотландии. Исходя, по-видимому, из непрочности положения Ричарда II и его глубоких противоречий с северо-английской знатью, шотландцы попытались нанести Англии удар с севера. Возможно, шотландский король Роберт II Стюарт намеревался обеспечить таким путем равноправное и достойное участие Шотландии в предстоящем англо-французском мире. В 1388 г. большое шотландское войско вторглось в Северную Англию и после опустошительного рейда по пограничным районам одержало победу над английской армией при Оттерберне.

Это вызвало во Франции оживление Планов вторжения в Англию. Однако известие о дипломатическом успехе английского короля, заключившего союз с герцогом Бретани и королем Наварры, снизило значение шотландской победы. К тому же эти союзы в очередной раз демонстрировали ненадежность позиций французской знати. В сочетании с экономическими трудностями это привело к сохранению тенденции к договоренности.

На переговорах 1389 г., как и следовало ожидать, видное место занял вопрос о Шотландии. Попытка англичан

в очередной раз добиться ее вассальной зависимости от Англии и не включать в качестве французского союзника в договор о перемирии разбилась о единство позиций Франции и Шотландии. Английскому королю пришлось отказаться от надежды развязать себе руки во Франции для разгрома Шотландии. Наравне с другими союзниками Франции она была включена в условия договора о перемирии, подписанного в июне 1389 г. в Лелиенгене близ Кале⁶⁴.

Перемирие знаменовало начало длительного перерыва в военных действиях между Англией и Францией. После его продления на три года стороны попытались начать переговоры об условиях окончательного мира. Конференция в Амьене 1391—1392 гг., как и все прежние попытки подобного рода, обнажила нерешенность основных спорных вопросов. Вновь рассматривалась проблема Аквитании, которую французский король, казалось, готов был уступить Англии. Однако встречное требование возвращения Кале отвергалось англичанами, открыто говорившими, что, пока этот город в их руках, «ключи от Франции находятся под английской охраной»⁶⁵. Значительная часть английского правящего класса во главе с герцогом Глостерским откровенно противилась поискам мирной договоренности. Их позиция имела поддержку в Англии, так как довольно широкие социальные слои стремились вновь обогатиться за счет войны во Франции. Тем не менее в середине 90-х годов возобладала мирная тенденция. Причина этого заключалась во внутреннем положении обеих стран.

В Англии и без того непрочное положение Ричарда II еще больше ухудшилось после того, как он отказался от опеки королевского Совета во главе с Джоном Ланкастерским и попробовал править самостоятельно. Финансовые трудности, недовольство горожан, восстания в Ирландии, бесконечные интриги при дворе и заговоры феодалов, широкое распространение еретического учения лоллардов как формы проявления социального недовольства — все это говорило о глубокой нестабильности внутриполитической ситуации и делало продолжение войны с Францией опасным и мало реальным.

Во Франции сходные трудности королевской власти усугубились с 1392 г. тяжелым психическим заболеванием Карла VI. В течение нескольких предшествующих

⁶⁴ См.: Foedera, v. III, pars IV, p. 39—42.

⁶⁵ Froissart, transl. Berners, v. II, p. 556—557.

лет он пытался взять бразды правления в собственные руки, отстранив от власти своих дядей — герцога Бургундского и герцога Беррийского. Болезнь короля немедленно вызвала борьбу придворных группировок за власть, ослабление центрального правления, вспышки феодального сепаратизма, междоусобные войны.

Все это вынуждало Англию и Францию постоянно продлевать перемирие при полной невозможности договориться по основным проблемам. Более того, в 90-х годах возникла и начала укрепляться, казалось бы, неожиданная после стольких лет англо-французского конфликта тенденция к установлению личных контактов между двумя королями. Источники единодушно сообщают о растущем дружелюбии между Ричардом II и Карлом VI, в болезни которого периодически наступало улучшение. Все чаще возникали слухи о готовящейся личной встрече монархов, об их взаимной симпатии, планах совместной борьбы против «неверных» и т. п. С 1394 г. к этому добавилась идея династического брака между английским и французским королевскими домами: овдовевший Ричард II просил руки малолетней дочери Карла VI Изабеллы. Зарубежная историография объясняет эту поразившую современников тенденцию личными качествами королей, их неспособностью к войне, характерной для Ричарда II склонностью к миру, заинтересованностью влиятельного герцога Бургундского в развитии фландрской торговли и т. п. Вполне серьезным фактором считается то, что молодые короли «воспылали» идеей борьбы за единство христианской церкви и ее победу над «неверными»⁶⁶.

Нам представляется, что при объяснении неожиданного сближения монархов следует в первую очередь учитывать крайне сложное положение каждого из них. Опасение за свой трон (для свергнутого в 1399 г. Ричарда II оно оказалось не напрасным) могло стать достаточно мощным стимулом к беспрецедентной личной «дружбе» между королями государств, враждовавших в течение нескольких веков и около полувека находившихся в состоянии войны. Теряя почву под ногами в собственных странах, Ричард II и Карл VI попытались заручиться поддержкой друг друга, заключив нечто вроде личной унии, оформленной как перемирие 1396 г. между Англией и

⁶⁶ См.: *Goodman A. England from Edward III to James I. L., 1977, p. 241; Seward D. Op. cit., p. 138; Perroy E. Franco-English relations 1350—1400. — History, 1936, v. XXI, N 82, p. 153; Mirepoix, L. Op. cit., p. 107.*

Францией на 28 лет⁶⁷. Договор был скреплен не только подписями королей, но и бракосочетанием Ричарда II и Изабеллы Валуа, состоявшимся в Кале после личной встречи монархов.

Договор 1396 г. не решил ни одного спорного вопроса. Брак Ричарда II и Изабеллы не рассматривался как форма объединения корон. Было специально оговорено, что их дети не будут иметь прав на французский престол. Цель соглашения и прошедшей с огромной помпой встречи королей была иной — укрепить личные контакты и заручиться взаимной поддержкой. Об этом красноречиво свидетельствует клятва Карла VI при необходимости помогать «своему возлюбленному сыну» Ричарду II. Еще десять лет назад английский король поразил своих подданных заявлением, что в случае их возмущения он может обратиться за помощью к своему родственнику королю Франции. Эта казавшаяся абсурдной и невозможной идея теперь обрела основу. Вся обстановка встречи монархов в Кале была пронизана демонстративным, искусственно подчеркиваемым дружелюбием. Чего стоила хотя бы церемония их совместного обеда, во время которого герцоги Ланкастерский и Глостерский прислуживали французскому королю, а герцоги Бургундский и Беррийский — английскому! Был произведен обмен драгоценными подарками, принесены совместные обеты и т. п.

Несмотря на наличие причин для обоюдного стремления королей к мирной передышке, заинтересованность Ричарда II была большей, и отнюдь не в силу его личных свойств (между прочим, не любивший воевать французский король Карл V посвятил практически всю свою сознательную жизнь борьбе за изгнание англичан из Франции). К этому, при прочих равных обстоятельствах, вела вся логика в целом проигранного Англией второго этапа Столетней войны. Блеск военных и дипломатических успехов Франции времени правления Карла V еще не угас, несмотря на изменение ситуации в 80—90-х годах XIV в. Поэтому сразу же после соглашения в Кале Ричард II начал расплачиваться за унию с французским королем и долгое перемирие. Он возвратил Брест герцогу Бретани, а Шербур — королю Наваррскому. Оба они в тот момент находились в дружественных отношениях с французским королем, и это служило укреплению позиций Франции. Перемирие, и без того непопулярное в Англии, стало вызывать возмущение. Вновь поползли слухи о каких-то

⁶⁷ См.: GT, p. 71—99.

тайных подарках Ричарда французскому королю, о том, что он намерен вернуть все завоеванное Эдуардом III, включая Кале. Феодалы — сторонники войны во главе с герцогом Глостерским раздували широкое недовольство политикой короля.

Таким образом, завершившее второй этап Столетней войны перемирие 1396 г. базировалось на зыбкой почве внутренней нестабильности положения в обоих государствах и поисков монархами личной опоры за пределами своих стран. Однако нельзя сказать, что решение спорных проблем совсем не сдвинулось с места. С объективно прогрессивных исторических позиций наметилось решение вопроса о Фландрии. Проблемы французского юго-запада, Кале и прилегающей к нему территории оставались по-прежнему острыми.

В самом развитии англо-французского конфликта на втором этапе наметились некоторые новые черты. Значительно выросло международное значение войны, роль союзников воюющих стран. Война способствовала усилению элементов национального самосознания во Франции и Англии, что вполне согласовывалось с объективной задачей территориального размежевания и разрыва вассально-ленных связей эпохи раннего феодализма.

Сложную эволюцию претерпел характер войны. После мира в Бретиньи, в 60—70-х годах, он определялся освободительными задачами Франции, вынужденной бороться против угрозы своей независимости. В этой связи резко возросла роль широких масс трудящегося населения страны и их участие в военных действиях. В 80-х годах, когда освободительная задача была в основном решена, характер войны начал вновь определяться агрессивными устремлениями феодалов обеих стран, видевших в ней источник наживы.

§ 3. Второе вторжение английских войск и утрата независимости Франции

Третьим периодом в истории Столетней войны традиционно считаются события 1415—1420 гг., когда во Франции в очередной раз высадилась большая английская армия и вновь повела борьбу за «восстановление законных прав» английского короля. Этому предшествовал почти двадцатилетний период официального перемирия (договор 1396 г. должен был сохранять силу до 1424 г.). Эти годы нельзя исключать из истории англо-французской войны, так как военные действия неоднократно воз-

обновлялись. Как правило, они велись в испытанной форме вмешательства во внутренние проблемы противника или в дела «третьих стран».

Отправной точкой нового обострения англо-французских противоречий стал государственный переворот 1399 г. в Англии. Широкое недовольство правлением Ричарда II привело к тому, что он был свергнут с престола своим двоюродным братом, сыном герцога Джона Ланкастерского Генрихом. 10 октября 1399 г. последний был коронован как Генрих IV из новой Ланкастерской династии. Хотя предыдущие два года Генрих провел во Франции, куда бежал от гнева Ричарда II, его успех был воспринят при французском дворе сначала прохладно и настороженно, а затем резко отрицательно. Особенно большой резонанс получила наступившая через несколько месяцев после переворота загадочная смерть Ричарда II (ходили слухи, что он умер в заточении от голода). Французский придворный хронист называет англичан по этому поводу «вероломными иностранцами», действовавшими «по наущению дьявола»⁶⁸.

Растущая враждебность в отношении англичан была связана во Франции с отчетливым пониманием неизбежности скорого возобновления войны. Переворот означал отказ от политики Ричарда II, в которой видное место занимала тенденция к укреплению контактов с Францией, «личной дружбы» с Карлом VI. Кроме того, свержение короля разрывало династическую связь английского правящего дома с Францией. Малолетняя вдова Ричарда II Изабелла Валуа не могла более рассматриваться как потенциально важная политическая фигура. Для укрепления своих позиций при дворе и в общественном мнении Англии Генрих IV должен был отказаться от крайне непопулярного перемирия и иллюзии «дружбы» с французским правящим домом.

Во Франции большая часть феодалов из придворных кругов усиленно раздувала недовольство переворотом в Лондоне и растущие антианглийские настроения. При дворе шумно возмущались «узурпацией» Генриха, жалели Ричарда II, сетовали по поводу неясной судьбы Изабеллы. Давно стремившиеся к продолжению войны политические силы обрели прекрасное обоснование своей агрессивности. Поскольку идея войны имела давнюю довольно широкую поддержку в Англии, новое военное столкновение было неизбежно. И даже первые внешне

⁶⁸ CBr. St. Denys, v. II, p. 704, 716,

миролюбивые шаги Генриха IV, как будто бы поддержанные во Франции, таили угрозу взрыва.

Спустя примерно месяц после коронации новый английский король направил во Францию послов для подтверждения перемирия. Для едва захватившего престол Генриха IV немедленная война с Францией была опасна. Гарантией отсрочки военного конфликта при общем враждебном настроении Франции была Изабелла Валуа. Генрих IV использовал ее, по существу, как заложницу. Подтверждение перемирия было объявлено условием ее возвращения на родину. Французскому королю пришлось согласиться на переговоры. Однако об общей враждебной позиции Франции выразительно свидетельствовало то, что Карл VI запретил своим представителям именовать Генриха в договоре королем Англии.

В начале 1400 г. Карл VI и Генрих IV подписали письма, в которых за каждой строкой, говорившей о мире, проступала неизбежность войны. Достаточно отметить, что ни один не назвал другого королем. Карл VI давал понять, что не признает законности прав Генриха Ланкастерского на английскую корону, а Генрих, назвав его в ответ «французским кузеном», подчеркивал сохранение притязаний на французский престол⁶⁹.

Не удивительно, что такое подтверждение перемирия сопровождалось в обеих странах военными приготовлениями. Во Франции они велись более шумно и откровенно. Французские феодалы, как дружно отмечают историки, «хотят войны против Англии» и собирают войско⁷⁰. В Аквитании, где после французских военных успехов 70—80-х годов XIV в. трудно было определить границы английских владений, начались вооруженные столкновения. Один из влиятельнейших политических деятелей Франции брат короля Людовик Орлеанский направил Генриху IV вызов на поединок. Это было неслыханной дерзостью, поскольку по феодальному кодексу чести поединок возможен только между равными. Следовательно, брат французского короля не признавал Генриха Ланкастерского государем. К тому же письмо было составлено в вызывающем тоне. На северной границе Англии активизировались шотландцы, действовавшие, по-видимому, по согласованию с Францией.

⁶⁹ См.: Foedera, v. III, pars IV, p. 176, 183.

⁷⁰ Froissart, v. II, p. 761—762; Chroniques de Monstrelet (France, Angleterre, Bourgogne) 1400—1444 / Ed. J. Buchon. P., 1875 (далее — *Monstrelet*), p. 12; Foedera, v. III, pars IV, p. 199.

Прекрасно понимая, что англо-французский мир висит на волоске, Генрих IV в первые же месяцы пребывания у власти также начал готовиться к войне. Однако начинать военные действия английский король не торопился — слишком непрочным было его положение в стране. Уже в 1400 г. был раскрыт заговор знати против короля. Затем они последовали бесконечной вереницей, сопровождаясь зловещими слухами, что «чудом спасшийся» Ричард II жив и скрывается на севере Англии или в Шотландии.

В этой обстановке Генрих IV был вынужден посвятить первые годы своего правления разрешению противоречивой задачи: бороться за продление перемирия, одновременно усиленно готовясь к войне с Францией. Были приняты меры по укреплению международного положения Англии. В поисках потенциального союза против Франции английский король приложил немало усилий для заключения династического брака между своей дочерью и сыном германского императора Руперта Пфальцского. Сам Генрих IV вступил в брак с вдовой герцога Бретани, что невозможно не связать с усилением военно-стратегических позиций Англии в предстоящей войне.

Большое внимание в английской политике уделялось традиционным объектам англо-французских столкновений — странам Пиренейского полуострова и Шотландии. В начале второго года правления Генрих IV вступил в переговоры с Португалией, рассчитывая удержать ее от союза с Кастилией — давней сторонницей Франции. Надежды на разрыв или хотя бы ослабление франко-кастильского союза подкреплялись созданными еще Джоном Ланкастерским династическими связями Англии с Пиренейскими странами. Большого успеха действия английской дипломатии не имели. Португалия заключила в 1403 г. союз с Кастилией, а старый франко-кастильский союз дал небольшие трещины, но устоял⁷¹.

Несколько более значительных результатов, хотя и с большим трудом добился Генрих IV в Шотландии. В первый же год своего правления он попытался навязать шотландцам договор о постоянном мире при условии признания английского сюзеренитета⁷². Решительный отказ шотландского короля не остановил Генриха IV, и в 1401 г. он вновь прислал своих представителей для пере-

⁷¹ См.: Foedera, v. III, pars IV, p. 197; Royal and Historical Letters during the Reign of Henry the Fourth / Ed. F. C. Hingeston. L., 1860 (далее — *Letters of H. IV*), v. I, p. 191—194; Chr. St. Denis, v. III, p. 158—161.

⁷² См.: Foedera, v. III, pars IV, p. 186, 188—189.

говоров. Англичане выдвинули сформулированные сто лет назад «аргументы» мифологического характера в пользу законности требования оммага от шотландского короля. Кроме того, англичане потребовали передачи спорных пограничных крепостей Роксбург, Йедбург и Бервик. Шотландцы, по словам одного из английских представителей, «полностью отвергли эти предложения с добавлением некоторых очень недипломатичных выражений». Англии удалось, таким образом, спровоцировать Шотландию на нарушение перемирия и выступление до начала военных действий во Франции. В 1402 г. шотландские войска вторглись в северные области Англии и были разбиты.

Пока в каждой из воюющих стран шли приготовления к официальному возобновлению англо-французской войны, военные действия фактически уже начались. В течение первого десятилетия XV в. систематически случались ожесточенные столкновения на море у берегов Бретани и Фландрии; постоянно действующим фактором стало пиратство, мешавшее нормальному развитию английской, французской, фландрской торговли. Французские отряды на кораблях периодически совершали набеги на южноанглийские порты и острова. Пострадали Плимут, Саутгемптон, Портленд, Уайт и др. Начиная с 1404 г. англичане также время от времени опустошали берега Северной Франции в Нормандии, Пикардии, Бретани.

Все это происходило в условиях официального перемирия и рассматривалось как действия отдельных лиц, а не государства. Однако по масштабам и ожесточенности эти столкновения подчас не отличались от подлинной войны. Так, по данным французского хрониста (возможно, преувеличенным, но тем не менее показательным), 6 тыс. англичан участвовали в отражении французского нападения 1405 г. на Южноанглийское побережье. Во время рейдов по берегам Нормандии и Пикардии в 1404 г. англичане не только грабили, «забирая все, что можно», но и убивали мирное население. Некоторых, как в дни войны, брали в плен и угоняли в Кале для получения выкупа.

Систематические нападения англичан на побережье Бретани привели к возрождению народного сопротивления. В 1405 г. жители Бретани обратились к королю с просьбой «разрешить им взяться за оружие, чтобы защитить свои дома и изгнать англичан». Когда в том же году в районе Бреста высадился английский отряд, крестьяне «доведенные до крайности, вооружились палками, арба-

летами и луками, чтобы отразить силу силой, пока не подойдет их защитники» (т. е. французские войска)⁷³, При отражении английского рейда 1406 г. в Нормандии были убиты 500 и взяты в плен 700 англичан.

Наиболее активно неофициальная война шла в Аквитании. Здесь англо-французские противоречия, как обычно, проступали особенно ярко. В начале XV в. они обострились в связи с неопределенностью положения этой области. Полвека назад, по миру в Бретиньи, она вся юридически отошла под власть Англии. После успехов 70—80-х годов французы фактически освободили из-под английской власти большую часть юго-западных земель. Однако это не получило никакого юридического оформления. Договор 1396 г. обходил все спорные вопросы. В результате к началу XV в. в Аквитании не было определенных границ между английскими и французскими владениями. В действие должно было вступить «право сильного». Пользуясь сложностью внутривосточного положения в Англии, французские феодалы взяли инициативу в свои руки и попытались в очередной раз вытеснить англичан с юго-запада.

Французские отряды предприняли серию атак на занятые англичанами города и крепости. Их действия выглядели преимущественно как инициатива отдельных крупных феодалов, но время от времени король открыто давал распоряжения о нападении на английские гарнизоны. Оправданием очевидных нарушений перемирия было для французов растущее недовольство части местного населения английской властью. Англичане имели на юго-западе давнюю опору в лице местных горожан и феодалов. Однако в первые годы XV в. торговые интересы городов и сепаратизм местной знати стали отступать под давлением грабительской политики англичан. Традиционные проанглийские позиции феодалов Аквитании серьезно пошатнулись при Генрихе IV. С первых месяцев своего правления он начал решительно распоряжаться богатствами этой области и в отличие от большинства своих предшественников раздавать земельные пожалования на юго-западе. Многочисленные поборы и разбой английских солдат привели к тому, что крестьянство в большинстве своем решительно поддерживало французских солдат. Все это способствовало успеху Франции на юго-западе.

⁷³ Chr St. Denys, v. III, p. 70, 196.

Яркой формой обострения англо-французских противоречий в начале XV в. стало вмешательство Франции в события в Уэльсе. Покоренный английской монархией еще в конце XIII в., Уэльс попытался вернуть себе независимость. В 1400 г. здесь вспыхнуло крупное антианглийское восстание под руководством Оуэна Глендоуэра. Это движение и по масштабам, и по длительности (1400—1410) представляло большую опасность для английской короны. Предводитель восстания обратился за помощью к французскому королю. Франция получила прекрасную возможность развернуть фактически продолжавшуюся войну с Англией на ее территории.

В 1402—1403 гг. французские корабли периодически поддерживали Глендоуэра с моря. При французском дворе неоднократно поднимался вопрос о подготовке армии для совместных действий с восставшими. Наконец, в 1405 г. французское войско высадилось в Уэльсе под флагом помощи Глендоуэру в борьбе против «узурпации Генриха»⁷⁴. Этот шаг можно было рассматривать как объявление войны английскому королю. Вероятно, он и был задуман как начало открытой борьбы с Англией под благовидным предлогом выступления против «узурпатора» в трудный для него момент восстания. Владевшая инициативой в течение всех лет неофициально продолжавшейся войны, Франция, казалось, готова была к нанесению серьезного удара. Однако экспедиция в Уэльс протекала вяло, военные действия разворачивались медленно, а подкрепления из Франции не прибывали. Среди французских феодалов и солдат возникло недовольство, разговоры о «скудости» Уэльса и т. п. Меньше чем через год не добившееся сколько-нибудь реального успеха войско вернулось во Францию.

Причиной утраты инициативы в такой благоприятный для Франции момент было ее внутреннее положение. В начале 1405 г. вокруг вновь тяжело заболевшего Карла VI развернулась острейшая борьба за власть. В последнее время наибольшим политическим весом при французском дворе обладал брат короля герцог Людовик Орлеанский. Он столкнулся с растущим влиянием молодого герцога Бургундского Жана Бесстрашного — родственника короля. Эти политические деятели занимали противоположные позиции по всем государственным во-

⁷⁴ Chr. St. Denys, v. III, p. 164. Франция все эти годы не признавала законности власти Генриха IV. В 1403 г. она активно поддерживала слухи о «спасении» Ричарда II (см.: *Walsingham*, v. II, p. 260—261).

просам, в том числе и по вопросу войны с Англией. Герцог Бургундский, владевший Фландрией, предпочитал ради ее торговых интересов сохранение формального англо-французского перемирия. Людовик Орлеанский был горячим сторонником возобновления войны. В 1405 г., когда это стало реальностью, Жан Бесстрашный открыто выступил против политики Людовика Орлеанского.

Франция оказалась на грани гражданской войны. Оба герцога собрали войска, готовые начать междоусобную борьбу. К осени 1405 г. с большим трудом было достигнуто примирение, носившее явно непрочный компромиссный характер. Одним из условий, очевидно, было развертывание военных действий против Англии. Герцоги начали готовить одновременную атаку Кале и Бордо — основных форпостов английской власти во Франции. Однако выполнению этого очередного плана активизации войны последовательно мешал герцог Бургундский. В то время как на юго-западе развернулись довольно активные военные действия, осада Кале готовилась под руководством герцога Бургундского крайне медленно. Жан Бесстрашный явно не желал активно действовать против англичан. В итоге одновременная атака не состоялась, оба предприятия оказались неудачными.

Под влиянием разногласий при дворе Франция заняла в вопросе о войне противоречивую позицию. Говоря о подготовке осады Кале, герцог Бургундский одновременно вел переговоры о подтверждении перемирия с Англией. Мирные предложения прибывшего в Париж английского посольства были сорваны герцогом Орлеанским⁷⁵. В 1406 г. возникла благоприятная возможность для нового французского вмешательства во внутренние дела Англии: к Карлу VI прибыли представители оппозиционной Генриху IV североанглийской знати с просьбой военной помощи для борьбы против «узурпатора». Однако ситуация была использована лишь частично. Военную помощь сепаратистски настроенным баронам не предоставили, но они получили письмо французского короля, в котором он открыто призывал англичан бороться за права законного короля Ричарда⁷⁶. Таким образом, правящие круги Франции безнадежно упустили возможность овладеть инициативой в войне и развернуть ее в неблагоприятной для Англии обстановке.

⁷⁵ См.: *Monstrelet*, p. 42.

⁷⁶ См. *ibid.*, p. 43-44; Chr. St. Denys, v. III, p. 430-433.

Ситуация не изменилась и после организованного герцогом Бургундским убийства его политического соперника Людовика Орлеанского (23 ноября 1407 г.). Хотя Жан Бесстрашный после недолгой опалы был прощен и стал самым влиятельным человеком при дворе, ему противостояли сторонники и родственники убитого, образовавшие со временем так называемую партию арманьяков (по имени возглавившего ее графа Арманьякского). Он продолжали занимать во всем, в том числе и в вопрос о войне, позиции, противоположные «бургундской партии». В результате в атмосфере назревающей гражданской войны французский двор продолжал принимать противоречивые решения в отношении Англии. В 1409 г. королевский совет под влиянием Арманьяков объявил законной войну против «так называемого короля Генриха Ланкастерского», которому спустя десять лет припомнили убийство Ричарда II. Тем не менее в том же году Франция приняла английское предложение о мирных переговорах, а в 1410 г. было официально подтверждено англо-французское перемирие⁷⁷.

Летом 1411 г. во Франции разразилась гражданская война между группировками феодалов, боровшихся за власть при неспособном к управлению страной Карле VI и в конечном счете — за независимость от центральной власти. Состояние феодальной анархии, в которое ввергла страну борьба так называемых бургиньонов и арманьяков, должно было сделать ее легкой добычей давнего противника. Английским феодалам не пришлось искать предлог для нападения на ослабленную Францию. Представители враждующих группировок сами обратились к ним за помощью в междоусобной борьбе.

Первыми совершили очередной акт предательства интересов Франции представители «бургундской партии». В разгар борьбы с арманьяками герцог Бургундский направил в Англию посольство, предложившее «в уплату» за военную помощь невиданные уступки. Помимо денег и династических браков английский король должен был получить четыре города во Фландрии и Нормандию. Герцог Бургундский обещал также принести оммаж за Фландрию английскому королю⁷⁸. Таким образом, у Генриха IV, много лет опасавшегося возобновления войны, появилась возможность недорогой ценой добиться того,

⁷⁷ См.: *Monstrelet*, p. 164—165, 179; *Chr. St. Denys*, v. IV, p. 252—253.

⁷⁸ См.: *Walsingham*, v. II, p. 285—286; *Chr. St. Denys*, v. IV, p. 523.

что не удалось самому Эдуарду III, — получить большую часть французской территории и восстановить английские позиции во Фландрии.

Осенью 1411 г. англо-французская война, фактически не прекращавшаяся с начала XV в., приобрела новую, трагическую для Франции форму. Английские войска выступили из Кале, соединились с армией герцога Бургундского, подошли к французской столице и после кровопролитного боя с войсками арманьяков вступили в Париж. Их поспешное возвращение в Англию сразу после такого успеха можно объяснить только получением известия о намерении арманьяков предложить еще более высокую цену за переход англичан на их сторону. Уже в феврале 1412 г. представители орлеанского дома прибыли в Англию и после переговоров заключили официальный договор с Генрихом IV.

Условия, на которых эта феодальная группировка получила английскую помощь, были для Франции еще более тяжелыми. Арманьяки обещали передать английскому королю на основе сюзеренитета герцогство Аквитанское в полном размере; они согласились также принести ему оммаж за ряд других французских областей (Понтье, Перигор, Ангулем). Эти основные условия подкреплялись денежными обязательствами и династическими планами⁷⁹. Содержание этого позорного договора было близко условиям мира в Бретиньи 1360 г., навязанного тогда Франции после двадцати лет тяжелейшей войны. Арманьяки перечеркивали с трудом доставшиеся Франции завоевания 70—80-х годов XIV в. Вновь, как и на первом этапе войны, французские феодалы принесли интересы страны в жертву сепаратизму и жажде власти.

Англичане выступили на стороне арманьяков более решительно и масштабно, чем в помощь герцогу Бургундскому. Причиной, конечно, была возможность получить Аквитанию — традиционный основной объект английских притязаний⁸⁰.

Английское войско под командованием принца Томаса, герцога Кларенсского, высадилось в Нормандии. В ожидании подхода армии арманьяков англичане, по словам Капгрейва, «жгли города, захватывали крепости и причинили большой ущерб». Спустя несколько месяцев

⁷⁹ См.: *Foedera*, v. IV, pars 2, p. 12—14; *Monstrelet*, p. 253—254.

⁸⁰ Желая сохранить контакт с фландрскими городами, Генрих IV объяснил им свой разрыв с бургундским домом именно возможностью получить юго-запад Франции (см.: *Monstrelet*, p. 237).

выяснилось, что арманьяки, не успев использовать английскую помощь, потерпели поражение и вступили в переговоры с бургундцами. Обе враждующие партии склонялись к отказу от дальнейшего участия англичан в их делах. В ответ герцог Кларенский прошел опустошительным рейдом по областям Мен, Вермандуа, Берри и прибыл в Бордо. Начался новый позорный торг между ним и французскими феодалами. Теперь обсуждалась плата за то, чтобы англичане согласились покинуть Францию, так как враждующие группировки, по-видимому, запоздало поняли смертельную опасность английской «помощи». Кларенс получил дорогие подарки и обещание огромной денежной суммы за прекращение вмешательства в междоусобную борьбу⁸¹. Английское войско осталось зимовать в Бордо, и неизвестно, что принесла бы весна, если бы не сообщение о кончине Генриха IV. В марте 1413 г. Кларенс спешно отбыл со своей армией в Англию.

Это была отсрочка войны. Начиная примерно с 1408 г., королевской власти в Англии постепенно удалось добиться относительной стабилизации своего внутреннего положения и укрепления международных позиций. Был умиротворен Уэльс, ослаблена шотландская опасность (юный шотландский король Джеймс I с 1405 г. находился в английском плену), подавлено внутреннее социальное недовольство (разгром в 1414 г. выступления лоллардов под руководством Олдкастла). Произошло это именно ко времени крайнего внутреннего ослабления Франции. Опыт участия в борьбе французских придворных группировок убедил английских феодалов, что ситуация во Франции предельно благоприятна для них.

Примирение бургундцев и арманьяков в 1412 г. носило явно временный характер. Безраздельное влияние герцога Бургундского при дворе вновь подогревало орлеанистов. Феодалная анархия последних лет возродила бесчинства бригадиров и привела к резкому обострению социальных противоречий. Банды мародеров, прикрываясь именем то одной, то другой враждующей группировки, грабили крестьян. Не выдержав ужаса политической неразберихи и налогового произвола, крестьяне периодически брались за оружие под лозунгом борьбы против всех «партий» за короля⁸². Глубокое недовольство горожан налоговой политикой и феодалными раздорами выли-

⁸¹ См.: *Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot* / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859 (далее — *Cousinot. Geste* и *Cousinot. Chron. de Pucelle*), p. 143—144; *Monstrelet*, p. 248, 250—251

⁸² См.: *Chr. St. Denys*, v. IV, p. 454—457.

лось весной 1413 г. в восстание под руководством Кабоша в Париже⁸³. Попытки бургундской партии использовать это движение в своих интересах привели после его подавления арманьяками к новой вспышке феодальной усобицы.

В ходе вновь разгоревшейся гражданской войны обе феодальные группировки вели тайные переговоры с Англией, приближая тем самым будущее английское вторжение и поражение Франции. Очередной мир между соперниками (договор в Аррасе 4 сентября 1414 г.) запрещал заключать союз с англичанами⁸⁴. Однако в стране не было политической силы, способной сделать этот запрет действенным. Феодальные группировки продолжали поиски соглашения с злейшим врагом Франции. В ходе переговоров намечался будущий союз Англии с герцогом Бургундским, готовым отдать англичанам все владения лидеров орлеанской партии. Английское вторжение делалось неотвратимым, а ситуация такова, что войну можно было заранее считать проигранной.

Карл VI и его окружение из числа арманьяков лишь в 1415 г. по-настоящему оценили серьезность создавшегося положения. В то время как новый английский король Генрих V, отвечая желанием английской знати, активно готовил вторжение во Францию, арманьяки предприняли судорожные попытки добиться договоренности. Их предложение о династическом браке Генриха V и дочери Карла VI было сделано в атмосфере сознательно раздуваемых в Англии антифранцузских настроений. Уже давно распространялись слухи о якобы готовящемся французами «предательском» нападении на Кале, о намерении «извести» его жителей с помощью страшных болезней. При дворе говорили о некоей «измене» французов и необходимости их наказать.

В ответ на французские мирные предложения Генрих V потребовал в качестве своих «законных» владений Аквитанию, Нормандию, Анжу, Турень, Пуату, Мен, Понтье — примерно половину Франции. Более пятидесяти лет назад, в 1358 г., такие же непомерные притязания выдвигал Эдуард III. Однако тогда Франция была обескровлена и опустошена войной, лишилась армии и короля. Возрождение этих требований Генрихом V фактически означало объявление войны⁸⁵.

⁸³ См. подробнее: *Себенцова М. М.* Восстание кабошьенов — Труды МГИАИ. М., 1958, т. 12.

⁸⁴ См.: *Monstrelet*, p. 345—346.

⁸⁵ Даже те зарубежные историки, которые беспредельно восхи-

В августе 1415 г. герольд английского короля вручил Карлу VI письмо, начинавшееся так: «Благородному принцу Карлу, нашему кузену и противнику во Франции — Генрих, божьей милостью король Англии и Франции»⁸⁶. Возвратив себе титул французского короля, Генрих V писал, что он «обязан во имя справедливости» вернуть законные права своих предшественников. Это означало, что он подготовился к войне и считает ее дальнейшую отсрочку под видом переговоров ненужной. Благоприятная ситуация в раздираемой внутренними противоречиями Франции, наметившийся союз с герцогом Бургундским, широкая поддержка предстоящей войны в широких слоях английского общества, возможность устранить с ее помощью оппозицию части феодалов и горожан в Англии — все эти факторы обусловили английское вторжение 1415 г.

Генрих V, оказавшийся неплохим политиком, не мог не сознавать, что со времени Ричарда II непопулярный мир с Францией был одним из истоков оппозиции. Дальнейшее оттягивание войны могло возродить едва приглушенное недовольство знати и ввергнуть Англию в состояние такой же феодальной анархии, которая царила в королевстве Карла VI. Перед самым выступлением армии во Францию при английском дворе был раскрыт очередной заговор против короля, составленный под предлогом незаконности власти Ланкастеров. Заговорщики, покушавшиеся на жизнь Генриха V, в очередной раз доказали, что феодальная оппозиция жива и представляет серьезную опасность для королевской власти. Английский хронист Бенет связал заговор с подготовкой войны во Франции: автор утверждал, что заговорщики получили от французов деньги за убийство Генриха V, чтобы предотвратить таким путем высадку в Нормандии⁸⁷. Неразрывная связь событий Столетней войны с внутренней историей соперничавших стран в начале XV в. проявлялась особенно наглядно.

щаются личностью Генриха V и стремятся преподнести его вторжение во Францию в самом благоприятном свете, называют требования 1415 г. «фантастическими», «экстравагантными» и т. п. См.: *Jacob E. F. The Fifteenth Century 1399—1485. Oxford, 1961, p. 140; Labarge M. W. Henry V. The Cautious Conqueror. N. Y 1976 p 53, Stiibbert Ch. Agincourt. L., 1978, p. 22.*

⁸⁶ *Monstrelet*, p. 365.

⁸⁷ См.: John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. G. L. Harris etc. — *Camden Miscellany. L., 1972, v. XXIV (далее — Benet)*, p. 177,

11 августа 1415 г. от берегов Англии отплыла армада, переправлявшая во Францию самую многочисленную и тщательно снаряженную армию за всю историю англо-французской борьбы. Войско Генриха V, по-видимому, насчитывало не менее 30 тыс. человек и имело значительную для того времени артиллерию. Английская высадка произошла не в Кале, как ожидалось, а в одном из важнейших портов Нормандии Гарфлере. Несмотря на огромные силы англичан и отсутствие помощи королевской армии, гарнизон и жители города оказали отчаянное сопротивление. Гарфлер был взят лишь после полуторамесячной осады и почти полного разрушения английской артиллерией. Армия Генриха V понесла большие потери. К жертвам осады и штурма Гарфлера прибавилась смертность от болезней.

Первые шаги экспедиции Генриха V оказались, таким образом, не столь легкими и победоносными, как ожидалось. Вновь английская завоевательная политика столкнулась с сопротивлением, идущим не от королевского двора, занятого интригами и борьбой за власть, а от населения и гарнизона, действовавших по собственному разумению.

Генрих V безжалостно расправился с жителями Гарфлера. Оставшиеся в живых были выслены из города, превращенного вслед за Кале в английский форпост на побережье. Англичане вновь создавали во Франции почву для ненависти к завоевателям. Делая по-прежнему ставку на устрашение, Генрих V принял решение пройти грандиозным опустошительным рейдом через Нормандию, Пикардию и Фландрию до Кале.

В то время как английская армия, демонстрируя полную безнаказанность и свободу действий во Франции, двинулась вдоль побережья на восток, французский король пытался собрать войско. По всей стране были разосланы письма, призывавшие феодалов Франции под королевское знамя. Интересной особенностью этих посланий было обращение короля не только к рыцарям, но и к «добрым горожанам», которым предлагалось привести в боевую готовность укрепления городов и городские ополчения⁸⁸. Опыт освободительной борьбы времени Карла V не был забыт.

Мобилизация армии столкнулась с противодействием герцога Бургундского. Ради ослабления своих придворных соперников он, по существу, уже в 1415 г. начал по-

⁸⁸ См.: *Monstrelet*, p. 370.

могать англичанам. Жан Бесстрашный заявил действовавшему от имени короля дофину Людовику, что не будет ни служить ему, ни защищать его. Более того, герцог Бургундский препятствовал присоединению феодалов к королевскому войску. Его собственный многочисленный отряд, посланный с большим опозданием, естественно, «не успел» присоединиться к армии до решающего сражения с англичанами.

24 октября 1415 г. продвижение английской армии было остановлено французским войском, преградившим ей путь примерно в 60 км от Кале, около деревни Азенкур. На следующий день — 25 октября — здесь произошла крупнейшая битва третьего этапа Столетней войны. Прошло более полувека со времени последнего столь же масштабного столкновения двух армий на французской земле при Пуатье. Уроки грандиозных поражений Франции середины XIV в., учтенные в свое время Карлом V и Дюгекленом, были к 1415 г. забыты. В ходе феодальных усобиц погибли созданные в те времена элементы постоянной армии, знакомой с единоначалием, дисциплиной, продуманной тактикой. В битве при Азенкуре английской армии вновь противостояло наспех собранное феодальное ополчение из отрядов отдельных феодалов и городов Франции.

Хронист Базен специально подчеркивает, что французское войско было многочисленнее, чем английское, но отличалось крайне слабой дисциплиной и более низкой военной подготовкой⁸⁹. Командование осуществляли одновременно два военачальника — маршал Бусико и коннетабль Карл д'Альбре. На деле же каждый крупный феодал по-прежнему считал себя совершенно самостоятельным. В тактическом отношении это войско попыталось слепо повторить прием, принесший когда-то успех англичанам. Несмотря на то, что французы были инициаторами сражения, они решили вести оборонительный бой. Не атакуя противника, французская армия в тоже время не позволяла ему продвигаться в сторону Кале.

Генрих V принял вызов и приказал своим войскам атаковать французских рыцарей⁹⁰. Он обратился к сво-

⁸⁹ *Cu.: Basin Thomas. Histoire de Charles VII / Ed. et trad. Ch. Samaran. V. I—II. P., 1944 (далее — Basin), v. I, p. 38—39.*

⁹⁰ Битва при Азенкуре широко отражена в источниках и литературе. Однако сведения об этом сражении во многом противоречивы. Например, не вполне ясно численное соотношение войск. Английские авторы утверждают, что французы были в абсолютном большинстве, превосходя английскую армию в 10 раз. Дельбрюк

ему войску с воодушевляющей речью: «О мои добрые товарищи по оружию! Настал момент, когда вам придется сражаться не ради славы, а ради самой жизни.» Основными причинами очередной английской победы были грубые тактические промахи французской армии, отсутствие в ней единого руководства и дисциплины. Позиция французского войска была выбрана неудачно — в тесном пространстве между двумя небольшими лесочками. При атаке плотных рядов французского войска английские лучники вместе со спешившимися рыцарями применили новый прием: отходя, они вбили в землю заостренные колья, на которые должна была напороться французская конница. Это серьезно помешало успеху конной атаки.

Французская армия в противоположность английской действовала непродуманно, не проявляя свойственного ее противнику творческого тактического начала. Понес большой урон в результате первых атак английских лучников, французские рыцари перешли в контратаку. Большая их часть спешила. Заимствованный из английского опыта прием спешивания рыцарей был применен неудачно — тяжеловооруженные французские рыцари двигались по размокшей после сильного дождя земле. С английской стороны им противостояли в основном легковооруженные воины, которые передвигались гораздо более свободно. Контратака захлебнулась, англичане перешли в наступление и начали теснить противника. В сражении наступил перелом: английская армия решительно брала верх, поле боя усеяли тела французских рыцарей.

В этот решающий момент произошел интереснейший эпизод, важный для понимания дальнейших событий войны во Франции. В разгар боя Генрих V получил известие, что на английский обоз совершено нападение. Английские хронисты единодушно утверждают, что это были грабители, которых прельстила богатая добыча. Однако они же сообщают подробности, заставляющие усомниться в таком объяснении происшедшего. Вместо того чтобы бежать с добычей, пользуясь суматохой сражения, «грабители» начали бить в колокола, кричать, что английский король убит, и громко распевать молитву «Тебя, господи,

пишет, что численное превосходство было на стороне англичан. В хрониках этот вопрос либо обходится, либо освещается на основе явно нереальных данных. Лишь хронист Базен приводит относительно умеренную цифру. Французская армия, по его мнению, была в 4 раза больше английской (см.: *Basin, v. I, p. 38—39, 40—47*).

хвалим!»⁹¹. С таким поведением гораздо более согласуется сообщение французского хрониста Монстреле. По его версии, на английский обоз напали 600 французских крестьян из окрестных деревень во главе с местными рыцарями. Они захватили не только имущество, но и «многих англичан»⁹². Следовательно, нападение на обоз было настоящим ударом в тыл, нанесенным в решающий момент боя.

Эта партизанская вылазка должна была поддержать дух сражающихся, отвлечь англичан и самое главное — попытаться заставить многочисленных пленных французских рыцарей забыть о рыцарских законах и снова броситься в бой. Во всяком случае Генрих V понял происшедшее именно так и приказал немедленно перебить пленных французов. Он навлек этим на себя страшное осуждение современников, но предотвратил возможность перелома в сражении. Готовность народных масс Франции принять активное участие в борьбе пока еще не встретила должного понимания феодалов и короля, но она уже превращалась в постоянный фактор войны против Англии.

Битва при Азенкуре была проиграна так же сокрушительно и бесповоротно, как когда-то сражения при Слейсе, Креси и Пуатье. Французская армия понесла огромные потери, а Генрих V проследовал в Кале и затем с великим торжеством и огромной добычей вернулся в Англию. Победа была пышно отмечена по всей стране: одно за другим следовали торжественные богослужения, праздничные процессии и т. п. Однако Генрих не мог не понимать, что достигнутый военный успех еще не означал победы в войне. Несмотря на гибель нескольких тысяч французских рыцарей при Азенкуре, во Франции еще оставалась армия, многочисленные гарнизоны в крепостях и городах, был жив дух сопротивления завоеванию.

Новое военное поражение Франции было воспринято, по словам автора «Нормандской хроники» Кошона, как «очень большой позор для французского королевства». Монстреле сообщает, что народные массы Парижа справедливо связали это событие с «противоречиями и раздорами сеньоров королевской крови» и решительно потребовали, чтобы правящий от имени короля дофин Людовик положил конец междоусобицам⁹³. Но положение

оставалось прежним: в Париже еще сохранялся траур по погибшим в битве при Азенкуре, а герцог Бургундский уже повел свои войска на столицу, чтобы вырвать власть у арманьяков. Силы и внимание правящей феодальной группировки были по-прежнему сосредоточены на борьбе за власть, а не на отражении внешней опасности.

Королевская власть, таким образом, оказалась на данном этапе неспособной выполнить прогрессивную функцию защиты государственных интересов Франции, как, например, во времена Карла V. Сопротивление завоеванию все больше становилось ненаправляемым из центра делом отдельных лиц, городов, отрядов. Большинство мелких и средних феодалов на местах не признавало английской власти. Как писал хронист Кузино, даже после победы Генриха V при Азенкуре «мало нашлось знатных, которые покорились ему, кроме гасконцев и других людей из их земли»⁹⁴. В конце 1415 — начале 1416 г. неоднократно происходили англо-французские столкновения у берегов Нормандии и вблизи занятого англичанами Гарфлера. Они неизменно оканчивались поражением разрозненных, не имеющих поддержки короля сил Франции.

Английский король тем временем готовил новое крупное вторжение во Францию. Как показали последующие события, на этот раз ставилась задача реального покорения всей ее территории. Важным моментом подготовки решающего удара, как обычно, стала проблема союзников. Опираясь на реальные достижения в войне и теоретические «законные права» во Франции, Генрих V принял дипломатические шаги с целью обеспечения международной поддержки. Весной 1416 г. в Лондоне активно велись переговоры с германским императором Сигизмундом и графом Голландии, Зеландии и Геннегау Вильгельмом. Заключение официального союза с императором было успехом, который мог в будущем обеспечить Англии поддержку на континенте. Кроме того, с помощью графа Вильгельма и императора английский король создавал некоторое время в глазах общественно-го мнения Европы видимость готовности к заключению мира с Францией.

Под флагом мирных переговоров Генрих V прибыл осенью 1416 г. вместе с императором Сигизмундом в Кале и встретился там с герцогом Бургундским. Однако вместо

⁹¹ Capgrave, p. 312; Walsingham, v. II, p. 313.

⁹² Monstrelet, p. 376.

⁹³ Cochon P. La Chronique de Normandie. — In: Chronique de

la Pucelle ou chronique de Cousinot / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859 (далее — Cochon), p. 429; Monstrelet, p. 382—383

⁹⁴ Cousinot. Geste, p. 158.

англо-французского мира эта встреча привела к созданию англо-бургундского союза⁹⁵. Договор, в котором герцог признал законными права Генриха V на французский трон и обещал ему военную помощь, был крупным достижением английской политики. Патриотически настроенные элементы во Франции восприняли действия герцога как предательство. Так, автор «Нормандской хроники» заметил по этому поводу, что герцог Бургундский «стал скорее англичанином, чем французом»⁹⁶. Союз с Бургундией наметился несколько лет назад, в ходе гражданской войны во Франции. Подтверждением реальности его создания стал отказ герцога Бургундского от участия в борьбе против английского вторжения в 1415 г. В 1416 г. союз английского короля и герцога Бургундского был официально оформлен. Это подрывало позиции и без того ослабленной Франции и делало ее шансы на победу в войне крайне малыми.

Летом 1417 г. новая большая английская армия (около 10 тыс. человек) во главе с самим Генрихом V высадилась в Нормандии. Хорошо экипированное, снабженное осадными орудиями и артиллерией войско приступило к последовательному покорению Франции. Именно в это время герцог Бургундский вновь подвел свои войска к Парижу. Теперь это был не просто очередной акт междоусобной борьбы с арманьяками, а убедительная реализация англо-бургундского союза. Коннетабль Франции граф Арманьяк не мог вывести армию из окруженного бургундцами Парижа. Английские войска быстро продвигались по Нормандии, где почти не осталось французских войска, так как все силы были брошены на борьбу с бургундцами.

Единственным серьезным препятствием на пути завоевателей были крупные города, жители которых, как правило, держались до последнего. Их сопротивление приводило Генриха V в бешенство. Ему казалось, что до победы над Францией остался один шаг. В гневе он забыл о позе «законного и доброго» государя французского королевства, к которой он стремился еще с 1415 г. После взятия штурмом долго не сдававшегося Кана английский король приказал перебить всех его защитников, не щадя мирных жителей. Сильнейшая военно-морская крепость Нормандии — город Шербур пал лишь после десяти месяцев осады, и то с помощью подкупа. И все же французские города один за другим были вынуждены сдаваться

⁹⁵ См.: Foedera, v. IV, pars 2, p. 177—178; Walsingham, v. II, p. 317; Monstrelet, p. 394.

⁹⁶ Cochin, p. 431; см. также: Basin, v. I, p. 50—51.

англичанам: пали Понтуаэ, Мант, Фалез. Английские войска приближались к крупнейшему городу Нормандии Руану. В это самое время в Пикардии шли бои между войсками арманьяков и бургундцев и герцог Бургундский направил новые силы на захват столицы Франции.

В мае 1418 г. Париж был взят сторонниками бургундской партии, которые повели себя как настоящие захватчики. На улицах города происходили ожесточенные бои между приверженцами двух феодальных группировок; были перебиты, казнены или заточены явные и тайные сторонники арманьяков.

Не удивительно, что англичане не встречали организованного отпора. Тем не менее в отдельных городах и крепостях Нормандии им приходилось преодолевать растущее сопротивление населения (по словам хрониста Монстреле, «всех людей Нормандии») ⁹⁷. В июне был осажден Руан, жители и гарнизон которого не желали капитулировать и надеялись на помощь короля. Начав править Францией от имени окончательно потерявшего рассудок Карла VI, герцог Бургундский объявил, что он готовит войска для поддержки Руана⁹⁸. Причиной его внешней переориентации было опасение полностью утратить популярность во Франции. В атмосфере растущего массового сопротивления завоевателям стало рискованно открыто помогать англичанам. Однако события очень скоро показали, что, по существу, герцог Бургундский остался английским союзником.

В течение семи месяцев осажденные жители Руана героически выдерживали постоянный обстрел и жесточайший голод. Они ждали помощи герцога Бургундского, но он не торопился выполнить свое обещание, продолжая тем самым помогать англичанам.

В последние недели осады Руана произошло событие, которое ярко продемонстрировало вновь наметившийся перелом в характере войны и глубокое расхождение между позициями правящей верхушки и массы населения Франции. Видя преступное бездействие герцога Бургундского, два нормандских рыцаря собрали отряд численностью около двух тысяч человек и предприняли дерзкую попытку прорвать осаду Руана. Их замысел не удался, и в декабре 1418 г. город был вынужден сдаться. В сознании жителей Франции закрепилось понимание неспособности правящей верхушки защитить страну. Даже при-

⁹⁷ Monstrelet, p. 438.

⁹⁸ См. ibid., p. 446—447.

ближенный бургундского дома хронист Монстреле пишет, что поступок Жана Бесстрашного «изумил всех добрых людей».

Расправившись с гарнизоном Руана и жестоко ограбив его жителей, Генрих V продолжал завоевание Нормандии. Трудности борьбы заставили английского короля в начале 1419 г. вступить в переговоры с действовавшими от имени Карла VI королевой Изабеллой и герцогом Бургундским. Генрих V выдвинул, по словам Монстреле, «непомерные требования»⁹⁹. Самый факт переговоров свидетельствовал о серьезном отступлении английского короля от первоначальной программы абсолютной законности его власти над всей Францией. Договоренность не была достигнута. Причиной этого помимо «непомерных требований» Генриха V было, на наш взгляд, наличие во Франции в тот момент еще одной политической фигуры, с которой следовало считаться.

Пятнадцатилетний дофин Карл — младший и единственный после смерти двух старших братьев сын короля Карла VI — бежал из захваченного бургундцами Парижа. В конце 1418 г., опираясь на уцелевших арманьяков, он объявил себя регентом Франции и создал свои парламенты в Пуатье и Потуазе и счетную палату в Бурже. Таким образом, в стране возникло правительство, противостоящее бургундскому. При всей шаткости его юридического статуса оно опиралось на многочисленных приверженцев арманьяков и сумело сохранить военную поддержку Шотландии и получить обещание помощи от Кастилии. Главная же сила этого правительства заключалась в том, что оно поставило целью борьбу против английского завоевания. Как пишет Базен, «за него (дофина Карла.— *Н. Б.*) и его именем французы сражались одновременно и против бургундцев, и против англичан»¹⁰⁰. Эта единственная по-настоящему популярная в тот момент во Франции задача могла обеспечить правительству дофина поддержку в стране. И именно на этой платформе летом 1419 г. произошло сближение дофина Карла и переориентировавшегося в очередной раз герцога Бургундского. В договоре о дружбе и союзе они сообщали, что объединяются «для того, чтобы оказать сопротивление англичанам, нашим давним врагам»¹⁰¹.

⁹⁹ *Monstrelet*, p. 445, 454.

¹⁰⁰ *Basin*, v. I, p. 56—57. О том же пишет и Монстреле: *Monstrelet*, p. 452.

¹⁰¹ *Monstrelet*, p. 455.

Примирение дофина и герцога, конечно, не было прочным. Между ними неизбежно должна была вновь вспыхнуть борьба за власть. Общая атмосфера в стране, угроза независимости Франции, наметившаяся активизация и сплочение всех патриотических сил и сторонников централизации заставили феодальную верхушку временно пойти на компромисс. Ф. Энгельс писал о подобной характерной для феодализма ситуации: «Но повсюду, как в городах, так и в деревне, увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг»¹⁰².

Герцог Бургундский, под контролем которого находилась добрая половина Франции и королевская казна, не стремился активизировать войну против Англии. Английская армия продолжала продвижение к Парижу, была захвачена почти вся Нормандия и герцогство Понтье. Сопротивление завоевателям не ослабевало, но силы были неравны: организованной и хорошо подготовленной английской армии по-прежнему противостояли разобщенные гарнизоны и отряды. Французская феодальная верхушка в этой опасной для страны ситуации вновь, как уже неоднократно случалось в истории Столетней войны, вместо укрепления наметившегося сплочения пошла на углубление противоречий. В сентябре 1419 г. во время личной встречи дофина Карла с герцогом Бургундским последний был убит приближенным дофина. Показательно, что для оправдания этого преступления в глазах общественного мнения Франции дофин использовал широко известные проанглийские позиции герцога. В письмах к городам по поводу происшедшего Карл постарался исключить мысль о борьбе за власть и представить убийство как справедливую кару за то, что герцог «обещал, но не вел войну против англичан»¹⁰³.

Для Франции, стоявшей на пороге военного поражения, очередной акт борьбы феодальных группировок имел тяжелые последствия. В декабре 1419 г. наследник Жана Бесстрашного Филипп подтвердил союз с английским королем. С этого времени Бургундия надолго (до 1435 г.) стала важнейшей опорой Англии в Столетней

¹⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 409.

¹⁰³ *Monstrelet*, p. 465—466.

войне. Уже в начале следующего, 1420 года бургундские войска приняли участие в военных действиях против последних защитников Нормандии.

Англо-бургундский блок стал основой договора в Труа (21 мая 1420 г.)¹⁰⁴, который знаменовал завершение тяжелейшего для Франции третьего этапа Столетней войны. По форме это был мирный договор, подводивший итоги войны между Англией и Францией. Он был подписан Генрихом V и безумным Карлом VI. По существу же этот документ знаменовал сговор между английским королем и «бургундской партией» о дальнейшей совместной борьбе против сторонников дофина. Таким образом, договор, с одной стороны, отражал продолжавшуюся борьбу феодальных группировок во Франции, а с другой — был направлен против сил сопротивления английскому завоеванию. В условиях войны против внешнего врага междуусобная борьба французских феодалов приобрела новый оттенок: после многих лет колебаний и переориентаций произошло размежевание программ феодальных «партий» по вопросу о войне с Англией. Бургундцы полностью солидаризировались с завоевателями, а «дофинисты» (среди них было немало бывших арманьяков) теперь могли добиваться власти только на основе борьбы против англичан и их бургундских союзников.

По условиям договора в Труа английский король Генрих V объявлялся регентом Франции и «возлюбленным сыном и наследником» Карла VI. Дофин Карл лишался права на престол (его объявили незаконнорожденным и приговорили к изгнанию из Франции). «В целях обеспечения мира и покоя» короны Англии и Франции «навсегда» объединялись под эгидой английской власти. Генрих V получал в жены дочь французского короля Екатерину, и их дети должны были стать правителями объединенного королевства. За это английский король и отныне наследник французского престола обещал Карлу VI, королеве Изабелле и Филиппу Бургундскому помощь в борьбе против сторонников дофина.

В статьях договора в Труа равнодушие феодалов к судьбе Франции получило свое наиболее полное воплощение. Бургундцы решили добиться победы над давними противниками любой ценой (даже ценой потери Францией возможности самостоятельного развития). Король, а вернее королева (так как Карл VI едва ли сознавал, что он подписывает) поступила по принципу: «После нас

¹⁰⁴ См.: GT.p. 103-115.

хоть потоп». До конца своей жизни Карл VI и Изабелла Баварская сохраняли титулы короля и королевы Франции. С их кончиной самое понятие французского королевства как самостоятельной политической единицы отменялось.

Договор 1420 г. не означал реального завершения англо-французской войны и окончательного поражения Франции. Однако юридически он лишал ее независимости и создавал серьезную и реальную угрозу включения Франции в «объединенное» англо-французское королевство. Причиной этого в первую очередь была междуусобная война французских феодалов. Борьба феодальных группировок во Франции в начале XV в. привела к крайнему ослаблению центральной власти и лишила страну объективно прогрессивной роли короля, вокруг которого при наличии внешней опасности концентрировались патриотические центростремительные силы. Более того, соперничество бургундцев и арманьяков сделало английское вмешательство опаснейшим для независимости Франции фактором феодальной междуусобицы.

Все это обусловило глубокое изменение характера англо-французской войны, на заключительном этапе которой решающую роль предстояло сыграть народным массам Франции.

§ 4. Освободительная борьба французского народа под руководством Жанны д'Арк. Завершение Столетней войны

Договор 1420 г. в Труа создал очередную в истории Столетней войны юридическую иллюзию ее завершения. Конкретная ситуация во Франции была далека от соответствия букве этого документа. «Регенту и наследнику французского королевства», которым был провозглашен Генрих V, предстояло добиваться реального подчинения страны. События, последовавшие за подписанием мира в Труа, показали, насколько нелегка эта задача. С одной стороны, английскому королю противостояла «партия дофина», патриотическая программа которой делала ее реальной силой, с другой — растущее массовое сопротивление широких слоев населения Франции.

Со времени развернутого систематического завоевания территории Северной Франции (т. е. с лета 1417 г.) Генрих V был вынужден преодолевать все более серьезные трудности. Договор 1420 г. не мог положить конец массовому сопротивлению. Выросшие за долгие десяти-

летия войны элементы национального самосознания оказались сильнее извечной традиции подчинения «законному государю». Провозглашение английского короля регентом и наследником короны Франции ни в малейшей степени не способствовало укреплению его позиций. Напротив, унижение Франции, опасность ее растворения в объединенном англо-французском королевстве сделали борьбу против завоевателей еще более ожесточенной.

Сразу же после подписания договора в Труа Генрих V и герцог Филипп Бургундский продолжили завоевание Северной Франции. Их войска двинулись к Парижу, встречая на своем пути отчаянное сопротивление в каждом городе и крепости. Ощувив близость победы над, казалось бы, поверженной Францией, Генрих V пришел в ярость от неповиновения своих новых подданных. В результате он прибегал к традиционной тактике устрашения, превосходя в ее масштабах и последовательности своих предшественников. Города, оказывавшие сопротивление, были объявлены «восставшими против регента и наследника французской короны», т. е. мятежными. Поэтому их, как пишут хронисты, зачастую «превращали в руины» или «дотла сжигали»¹⁰⁵.

У стен небольшого города Мелена на реке Сене к югу от Парижа Генрих V попробовал действовать увещанием. Английская армия застряла здесь больше чем на месяц. Досадуя на недопустимую проволочку, Генрих V привез в свой лагерь Карла VI и потребовал, чтобы жители Мелена подчинились «их подлинному государю». Они ответили, что не сдаются именно потому, что верны своему королю, ибо «английский король — давний смертельный враг Франции»¹⁰⁶. Голодая, питаясь кониной, кошками и пр., горожане и гарнизон во главе с рыцарем Гийомом Барбазаном продолжали удерживать город. Сдаться их вынудил только голод. «Эта осада,— писал Уолсингем,— была самой тяжелой и опасной из всех, какие были у англичан раньше»¹⁰⁷. В военном отношении оценка была явно преувеличенной: англичане помнили более масштабные осады Кале, Руана и других городов. Однако Мелен поразил их воображение ожесточенностью сопротивления (маленький городок против армии) и категорическим непризнанием прав Генриха V.

Взяв Мелен после восемнадцати недель осады, английский король жестоко расправился с гарнизоном. Мно-

гие участники обороны были повешены, Барбазан посажен в железную клетку. Пошатнувшиеся еще в прошлом столетии рыцарские принципы ведения войны были окончательно отброшены. Борьба достигла невиданного прежде ожесточения.

Сохранявший титул французского короля Карл VI в глазах основной массы населения страны перестал быть олицетворением ее суверенитета. Поэтому подписанные им призывы соблюдать мир с «возлюбленным сыном королем Генрихом английским, регентом и наследником Франции» не имели никакого действия. В то же время отвергнутый официальной Францией дофин Карл встречал восторженный прием на юге страны, а его имя становилось знаменем сопротивления власти Генриха V. Дофин объявил договор в Труа незаконным, так как Карл VI действовал «не по своей воле, а по воле англичан». Как пишет Базен, те, кто сохраняли верность дофину, «отдавали все силы и энергию, чтобы не только защитить то, чем они владеют, но и изгнать англичан из королевства»¹⁰⁸. И этому не могли помешать попытки Генриха V представить дофина в глазах общественного мнения злодеем и убийцей.

Английскому королю, по-видимому, стало ясно, что он, как и его предшественники, в этой войне далек от реальной победы. Предстояло активизировать и разворачивать юридически завершённую войну. Она требовала новых средств и войск. Для получения их Генрих вместе со своей «французской женой» Екатериной Валуа отбыл в конце 1420 г. в Англию. Кроме того, он намеревался заключить мир с Шотландией, чтобы избавиться в предстоящей тяжелой борьбе от угрозы войны на два фронта. Опаснейший для Англии франко-шотландский союз начиная с 1418 г. стал важной опорой дофина Карла. Шотландские войска составляли значительную часть его армии и принимали участие в военных операциях против англичан.

Прежде чем Генрих V завершил подготовку к расширению войны против Франции, прежде чем успел добиться необходимого мира с Шотландией, с континента пришли тревожные вести. Продолжая завоевание территории Франции, брат и наследник английского короля герцог Кларенский потерпел серьезное поражение у города Боже и был убит. Это сражение стало первым заметным успехом французской армии, продолжавшей борьбу во-

¹⁰⁵ *Walsingham*, v. II, p. 335; *Monstrelet*, p. 473; *Cochon*, p. 437.

¹⁰⁶ *Monstrelet*, p. 487—488.

¹⁰⁷ *Walsingham*, v. II, p. 335.

¹⁰⁸ *Basin*, v. I, p. 70-71.

преки условиям договора в Труа. Несколько тысяч англичан погибли (хронисты называют цифры от 1,5 до 3 тыс.), сотни были захвачены в плен. И хотя причины поражения отчасти объяснялись ошибками английского военачальника, это была очень важная для Франции победа. Она опровергла тщательно создававшийся Генрихом V еще с 1415 г. миф о неуязвимости английской армии, воюющей за его справедливые права «по воле бога». Понимая значение успеха при Боже, дофин организовал по этому поводу большие торжества.

Победа французского войска придала уверенности всем антианглийским силам во Франции. Чтобы предотвратить продвижение армии дофина (она насчитывала около 10 тыс. человек, имела артиллерию), англичанам пришлось собрать силы по всем гарнизонам Нормандии. Обстановка в Северной Франции от границ Бретани до подвластной герцогу Бургундскому Фландрии стала опасной.

Генрих V срочно возвратился во Францию с целью «отпущения» за убитого брата¹⁰⁹. Новая большая армия Генриха V (по данным Монстреле — около 30 тыс. человек) была брошена на подавление сопротивления в Нормандии и Пикардии и освобождение района Парижа от войск дофина. Объединившись с отрядами герцога Бургундского, английский король карающим мечом обрушился на северные французские земли. Были разгромлены владения феодалов — лидеров сопротивления, повешены и обезглавлены многие защитники захваченных крепостей. И все же как только английские войска покидали очередной «устрашенный» район, там возрождались антианглийская оппозиция. По словам Монстреле, она «усиливалась с каждым днем».

Этот хронист состоял на службе у герцога Бургундского и потому не испытывал симпатии к сторонникам дофина. Однако именно Монстреле верно подметил источник успеха участников сопротивления. Он пишет: «По правде говоря, людей у герцога Бургундского было гораздо больше и платили им лучше, но дофинисты (для Монстреле это только сторонники дофина, объективно — защитники независимости Франции.— Н. Б.) отчаянно сражались за каждую крепость»¹¹⁰.

¹⁰⁹ См.: A Short English Chronicle. — In: Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. N. Y., 1965 (далее — Short Engl. Chron.), p. 57.

¹¹⁰ Monstrelet, p. 507.

Очередной непреодолимой преградой на пути английского короля стал городок Мо на Марне. Благодаря удачному географическому положению под естественной защитой реки город невозможно было взять штурмом, а сдаваться его жители и гарнизон не намеревались. В октябре 1421 г. началась очередная осада. В условиях наступившей зимы осаждавшие чувствовали себя немногим лучше, чем осажденные. Среди английских солдат начались болезни, зрело недовольство. Не лучше обстояли дела и в других районах Франции. Бургундцы действовали на северо-востоке без всякого успеха, в Юго-Западной Франции армия дофина несколько потеснила англичан.

Все же в целом перевес сил был пока на английской стороне. Победы в основном доставались англичанам, но цена успеха была непомерно высока как в материальном, так и в морально-психологическом отношении. Генрих V, поверивший после блестящего рейда 1415 г. и Азенкура в свою непобедимость и неуязвимость во Франции, был вынужден восемь месяцев стоять под стенами какого-то городка на Марне. Мо капитулировал лишь весной 1422 г. Тяжело заболевший во время осады и горько разочарованный всей ситуацией во Франции, английский король едва ли ощутил радость победы. Накопившаяся досада и озлобленность вылились в жестокую расправу с городом и гарнизоном. В течение лета Генрих V одержал ряд побед, но по-прежнему ни одна из них не досталась легко.

В августе 1422 г. Генрих V внезапно скончался. Смерть молодого английского короля (ему едва исполнилось 36 лет) нанесла неожиданный удар по политической программе, заложенной в договоре 1420 г. Провозглашение Генриха V «регентом и наследником Франции» основывалось на незыблемой уверенности, что он переживет немолодого, выжившего из ума Карла VI и будет коронован французской короной. Возможность безвременной кончины Генриха не предусматривалась статьями договора в Труа. Наследником английской короны был десятилетний сын покойного короля. Регентом Франции Генрих V перед смертью назначил своего брата герцога Бедфорда. Создалась великолепная юридическая лазейка для всех противников объединения корон, и в первую очередь для дофина Карла.

Прежде чем он успел ею воспользоваться, у него появился еще более реальный шанс в борьбе за восстановление права наследования. Через шесть недель после кончины Генриха V умер Карл VI. Дофин Карл объявил

условия договора 1420 г. незаконными и был коронован как Карл VII. Франция распалась на три части. Герцогу Бургундскому подчинялись Бургундия и Шампань; север и ряд территорий в центре и на юго-западе находились под английской властью во главе с герцогом Бедфордом; в областях к югу от Луары (исключая Гиень) преобладали сторонники дофина. Английский наместник Бедфорд и бургундский герцог Филипп были союзниками в борьбе против дофина, вокруг которого группировались центристские и патриотические силы Франции. Его королевское звание не признавалось подлинным. Противники Карла дали ему презрительное прозвище «буржский король», так как его кочующий двор часто располагался в небольшом городке Бурже.

Изменение политической ситуации после смерти Генриха V осложнило позиции англичан во Франции и потребовало новых усилий в борьбе за реальное подчинение страны. Английский правящий класс по-прежнему стремился к продолжению войны и расширению французских владений. Во Францию были направлены письма от имени малолетнего Генриха VI, в которых английский король требовал признания его власти¹¹¹. Англичане готовили войска и собирали средства на войну не только в своей стране, но и в оккупированных французских областях. Был возобновлен и укреплен англо-бургундский союз. По договору 1423 г. в Амьене подтверждалась «вечная дружба» между Англией и Бургундией. В знак ее прочности был заключен династический брак между герцогом Бедфордом и сестрой герцога Бургундского¹¹². Важным дипломатическим достижением Англии стало присоединение к союзу герцога Бретани, занимавшего до этого колеблющуюся позицию. Английский двор предпринял попытку ослабить традиционную шотландскую угрозу. Шотландский король Джеймс I, который провел почти двадцать лет в английском плену, в 1424 г. был освобожден за выкуп и при условии династического брака с дочерью английского политического деятеля графа Сомерсета. И наконец, возможно, не без английского участия было подготовлено покушение на жизнь Карла VII. В октябре 1422 г. в его резиденции в Ла Рошели под ним провалился пол. Многие приближенные Карла погибли, но сам он получил лишь легкое ранение.

¹¹¹ См.: Letters of H. VI, p. 395—396.

¹¹² См.: Short Engl. Chron., p. 58; *Monstretet*, p. 542—544.

Несмотря на сомнительный юридический статус, «буржский король» располагал политическими и военными силами. Со временем Карл проявил себя хорошим дипломатом и тонким политиком. Он умело использовал широкое патриотическое движение во Франции, привлекая его наиболее видных деятелей к себе на службу. Области Южной Франции, поддерживавшие Карла VII, были достаточно богаты и меньше, чем северные, пострадали от войны. Это обеспечивало ему серьезную материальную базу. Традиционные сепаратистские настроения южнофранцузских феодалов были ослаблены военными и политическими успехами Генриха V. После договора в Труа многие из них заняли колеблющуюся позицию.

Начиная с 1424 г. Карл VII ведет борьбу за союзников. Он ищет сближения с герцогом Бретани — наиболее слабым звеном «тройственного союза» в Амьене. Серьезной опорой Карла VII была Шотландия. Помогая Франции в войне, шотландцы рассчитывали на ослабление давнего противника и решение в свою пользу вопроса о важных для безопасности страны пограничных крепостях Бервик, Роксбург и Йедбург. Поэтому дипломатические усилия Англии не привели к переориентации Шотландии и распаду традиционного франко-шотландского союза. Более того, в 1424 г. Карл VII сумел добиться прямой военной помощи шотландского короля. Во Францию из Шотландии были присланы войска численностью 5—6 тыс. человек для борьбы против англичан. Кроме того, в армию Карла входили наемные отряды из Арагона и Ломбардии. Объективно опорой дофина было неослабевающее массовое сопротивление населения Франции завоевателям. Все это превращало не так давно униженное и отвергнутое двором Карла в серьезную политическую фигуру и опаснейшего противника Англии.

В военном отношении ситуация начала 20-х годов также не была легкой для англичан. Их довольно многочисленные войска¹¹³ были разбросаны по обширной территории, что приводило к распылению сил и слабой координации действий. В течение 1422—1424 гг. английские и бургундские отряды продолжали медленно теснить французов на севере и востоке: постепенно сдавались крепости и города в Нормандии, Пикардии, Понтье, Шампани. Однако каждый успех доставался с огромным трудом.

¹¹³ По подсчетам специалиста по военной истории А. Берна — около 15 тыс. человек (см.: *Burne A. The Agincourt War. A Military History of the Later part of the Hundred Years War from 1369 to 1453. L., 1956, p. 184).*

Знакомое англичанам в прошлом ощущение легких блестящих побед не возвращалось. Напротив, английские войска подчас терпели поражения или были вынуждены довольствоваться переменным успехом. Особенно чувствительный урон наносили им отряды местных рыцарей и горожан в Нормандии, Пикардии и Мене.

Англичане предпочитали этим стычкам и изнуряющим осадам крупные сражения, неизменно приносившие им успех в прошлом. Во времена Карла V Дюгеклен решительно отказался от прямого противостояния английской армии. В 70—80-х годах XIV в. французы добились успеха именно на основе тактики мелких неожиданных нападений, внезапного захвата крепостей и т. п. Ситуация 20-х годов XV в. была в основе сходной с теми условиями, которые породили эту, по существу, партизанскую тактику. Во Франции вновь разгоралась освободительная война, вновь приходили в движение народные массы. Однако Карл VII еще не сумел до конца правильно понять и оценить обстановку. Не отрешиваясь от патриотического движения, он все же пока делал основную ставку на постоянную (в основном наемную) армию и традиционную тактику крупных сражений. Столкновения большого масштаба произошли при Краванте в 1423 г. и при Вернейле в 1424 г.

Кравант — небольшой город на границе Бургундии. У его стен объединенные силы англичан под командованием графа Солсбери и бургундцев нанесли поражение войску Карла VII. Хронисты отмечают, что в его армии преобладали шотландцы и другие наемники. Битва была проиграна сторонниками Карла VII, потерявшими несколько тысяч человек (по данным Кузино — 2—3 тыс. убитых и взятых в плен). К лету 1424 г. обе воюющие стороны получили подкрепления. В Кале высадилось английское войско (около 2000 человек), в Ла Рошели — шотландцы, прибывшие на помощь Карлу VII (около 5000 человек). 17 августа 1424 г. армия Бедфорда и наемное войско французского короля сошлись около города Вернейля на юго-западной границе Нормандии.

Это сражение было самым крупным со времени Азенкура. На стороне французов в битве участвовало около 15 тыс. человек, на стороне англичан — около 9 тыс.¹¹⁴ Характерно, что на военном совете перед битвой мнения военачальников Карла VII разделились. Многие считали, что французской армии не следует вступать в открытый

бой, сохраняя преимущества тактики мелких внезапных нападений. Однако победили сторонники традиционного крупного сражения. И вновь французская армия, несмотря на численное превосходство, была разбита. Сражение, протекавшее сначала с переменным успехом, завершилось паническим бегством войск Карла VII. Надеясь укрыться за стенами города, многие пытались переплыть ров и в большинстве утонули.

Англичане ликовали по поводу очередной крупной победы, как обычно казавшейся «решающей». В Англии распространилась молва о сильно преувеличенных потерях французов (якобы более 10 тыс. человек), говорили, что победа была послана англичанам самим богом. Авторитет герцога Бедфорда сильно вырос, что позволило ему решительно потребовать у парламента новых средств на войну. Карл VII, по сообщению Монстреле, «впал в глубокую грусть» по поводу поражения. Казалось, вновь появилась возможность для перелома в войне и ее победоносного завершения. Однако именно в этот момент к постоянному фактору непреодоленного сопротивления английской власти во Франции добавились трудности внутривластных и международного характера.

Фактическое отсутствие короля создало почву для обострения обстановки при английском дворе. Малолетний Генрих VI должен был стать объектом соперничества наиболее влиятельных лиц. Этому способствовало уже само завещание Генриха V, назначившего своего старшего брата Бедфорда «защитником» младенца-короля и регентом Франции, а второго брата — герцога Хэмфри Глостерского — регентом Англии. Рано или поздно между ними не могла не вспыхнуть борьба за власть. Первые ее симптомы проявились уже через год после смерти Генриха V — в 1423 г. Спустя еще год, вскоре после сражения при Вернейле, Бедфорду во Франции стало известно, что герцог Глостерский вступил в конфликт с главным английским союзником Филиппом Бургундским. Глостер предъявил династические права на ряд бургундских владений в Нидерландах. Этот шаг таил смертельную опасность для английской власти во Франции и для судьбы войны. Для него же это был удар, направленный против Бедфорда, положение которого после Вернейля определенно упрочилось. Бедфорд принял сторону герцога Бургундского. В ответ регент Англии Глостер начал в 1425 г. готовить гражданскую войну.

Бедфорду пришлось спешно отправиться в Англию и провести там почти полтора года (декабрь 1425 г. — март

¹¹⁴ См.: A Brief Latin Chron., p. 164—165,

1427 г.), улаживая распри при дворе и пытаясь отвести угрозу, нависшую над англо-бургундским союзом. И если в первом он хотя бы на время преуспел, то о проблеме отношений с Бургундией этого сказать было нельзя. Герцог Глостерский вступил в открытую борьбу с бургундским домом за владения в Геннегау. Это сделало распад англо-бургундского союза вопросом времени. Стремясь ослабить брата-соперника, Глостер наносил удар по английским позициям во Франции в целом. Как и представители французской правящей верхушки, крупнейшие феодалы Англии в своих политических распрах забывали об интересах королевства.

Благоприятной ситуацией не преминул воспользоваться Карл VII. В 1426 г. он добился большого (правда, как вскоре выяснилось, пока временного) успеха. Герцог Бретани принес ему оммаж и обещал воевать против англичан. В 1426—1427 гг. его войска приняли участие в военных действиях на стороне Карла VII. Однако к концу 1427 г. Бедфорду удалось, затратив большие дипломатические усилия и немалые средства, восстановить развалившийся союз Англии с Бургундией и Бретанью¹¹⁵.

Английские войска продолжили задуманное еще после, Вернейля продвижение на юг, с тем чтобы, перейдя Луару, вступить в пределы основных независимых французских земель. На повестке дня стояло завоевание Мена и Анжу. В отсутствие Бедфорда эту задачу пытался решить видный английский военачальник граф Солсбери. Он столкнулся с отчаянным сопротивлением гарнизонов крепостей и отрядов самообороны и не сумел добиться существенных результатов. Теперь, получив очередное подкрепление из Англии, Бедфорд намеревался предпринять, решительный бросок на территорию Мена. Однако его план полностью провалился. Англичан почти одновременно постигли две неудачи. Около города Монтаржи (недалеко от Орлеана) французские войска нанесли им внезапное ошутимое поражение. А в Мене, куда вступила основная английская армия во главе с Бедфордом, и талантливым полководцем лордом Тальботом, началось такое широкое и ожесточенное движение против завоевателей, какого еще не знала богатая событиями и героическими страницами история этой войны. Англичане беспощадно расправлялись с жителями городов и крепостей, не подчинявшимися их власти, но продвигались к Луаре очень медленно.

К весне 1428 г. им удалось подавить основные очаги сопротивления в Мене, но силы английской армии, несмотря на полученные подкрепления, были истощены. К тому же в английском тылу в Нормандии ширилось сопротивление английской оккупации. Освободительная война во Франции вступила в новую, высшую фазу. Об этом говорило многое, и прежде всего обострение патристических чувств и растущее участие широких масс населения в антианглийской борьбе.

В народных массах Франции зрело ощущение, что решается судьба самого существования страны. Это была идеологическая основа, на которой выросла и достигла огромного накала народно-освободительная война во Франции в 20-х годах XV в. Этому способствовали серьезные традиции массового сопротивления захватчикам (достаточно вспомнить 60—70-е годы XIV в.), выросшие за годы войны элементы национального самосознания и английская политика во Франции.

Именно на последнем, четвертом этапе Столетней войны англичане начали осуществлять на завоеванных территориях политику террора и беспощадного подавления сопротивления английской власти. В действиях английской армии и администрации во Франции начиная с 20-х годов XV в. проявились заметные отличия от традиционных «опустошений» Эдуарда III или Черного Принца. В процессе завоевания стала постоянной практика жестокого наказания именно тех, кто не признавал законности власти английского короля. Создаваемый на захваченной территории административный аппарат (в отличие, например, от традиционной английской администрации на юго-западе Франции) постепенно приобретал все более явные карательные функции.

Основной причиной этого был изменившийся характер войны. В конце XIV в. основные цели сторон были еще достаточно тесно связаны с проблемой размежевания древних феодальных владений, с борьбой за земли, доходы и пр. Лишь в отдельные моменты наибольшего ожесточения борьба приобретала освободительный оттенок. В 20-х годах XV в., когда англичане попытались добиться подлинного систематического покорения Франции, основным содержанием войны стала борьба широких слоев населения страны за сохранение ее независимости, против превращения в часть объединенного англо-французского королевства. Правящая феодальная верхушка к этому времени глубоко скомпрометировала себя многочисленными компромиссами с захватчиками. К тому же

¹¹⁵ См.: *Monstrelet*, p. 590.

пробудившееся и окрепшее во время долгой войны чувство патриотизма было чуждо французским рыцарям. Его основными носителями были горожане и крестьянство. Все это выдвинуло на первый план роль народных масс Франции.

Главным центром народно-освободительной войны была Нормандия. В процессе ее завоевания именно простые люди, больше всех страдавшие от войны, оказали массовое сопротивление завоевателям. Ненависть к захватчикам усиливало поведение англичан в Нормандии, которую Генрих V объявил извечно принадлежавшей Англии. По сообщению хрониста Монстреле, завоеватели в своей жажде добычи обыскивали все, вплоть до колыбелей младенцев, и оставляли бедняков совсем нищими. Народное сопротивление в Нормандии не прекратилось и после ее подчинения английской власти. Там разгорелась настоящая партизанская война. Укрывшиеся в лесах отряды нарушали передвижение английских войск по дорогам, убивали представителей новой администрации и их сторонников¹¹⁶.

Попытки англичан подавить это движение отнимали огромные средства и силы. Жестокость английской администрации приводила к новому подъему борьбы. Начав систематическое покорение Нормандии в 1417 г., англичане через десять лет так и не решили эту задачу до конца. В 1427 г. в Руане был раскрыт антианглийский заговор. Многие его участники были арестованы и казнены. В 1428 г. в Нормандию для борьбы с сопротивлением прибыли из Англии специальные силы во главе с графом Уориком. По сообщению английского хрониста, этот «ответственный и предприимчивый муж обнаружил в нормандских городах и крепостях, обезглавил и повесил многих предателей и заговорщиков, восставших против англичан»¹¹⁷.

По мере продвижения английских войск и их союзников-бургундцев на восток и юг Франции ширилось и крепло массовое сопротивление в Пикардии, Шампани, Мене и Анжу. В этом движении гораздо более отчетливо, чем на первых этапах войны, проступали элементы на-

¹¹⁶ Партизанская война в Нормандии и борьба англичан против нее хорошо исследованы французскими историками. См.: *Lefevre-Pontalis G.* La guerre -de partisans dans la Haute-Normandie (1424—1429). — *Bibliothèque de l'École des Chartes*, 54—57, 1893—1896; t. 97, 1936; *Jouet R.* La résistance a l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418—1450). Caen, 1969; *Bourassin E.* Op. cit.

¹¹⁷ Auct. ignot., p. 28.

ционального самосознания. Так, в 1424 г. жители города Седана заявили, что они «не желают сделаться англичанами. и предпочитают умереть, чем подчиниться им»¹¹⁸. После падения Седана почти все его защитники были убиты, а город сожжен. Но карательные меры только обостряли антианглийские настроения и чувства, вызывая ответное ожесточение. Базен рассказывает о том, что англичан во Франции в эту эпоху многие вообще не считали людьми, говорили, что «они — дикие звери, жадные и жестокие, которые пожирают людей»¹¹⁹. После взятия ряда крепостей в Шампани, Мене и Анжу в 1426—1427 гг. французы казнили всех сторонников англичан и бургундцев. Хронист Кузино подчеркивает, что французы могли согласиться отпустить за выкуп пленных англичан, но вешали своих соотечественников, перешедших на сторону врага.

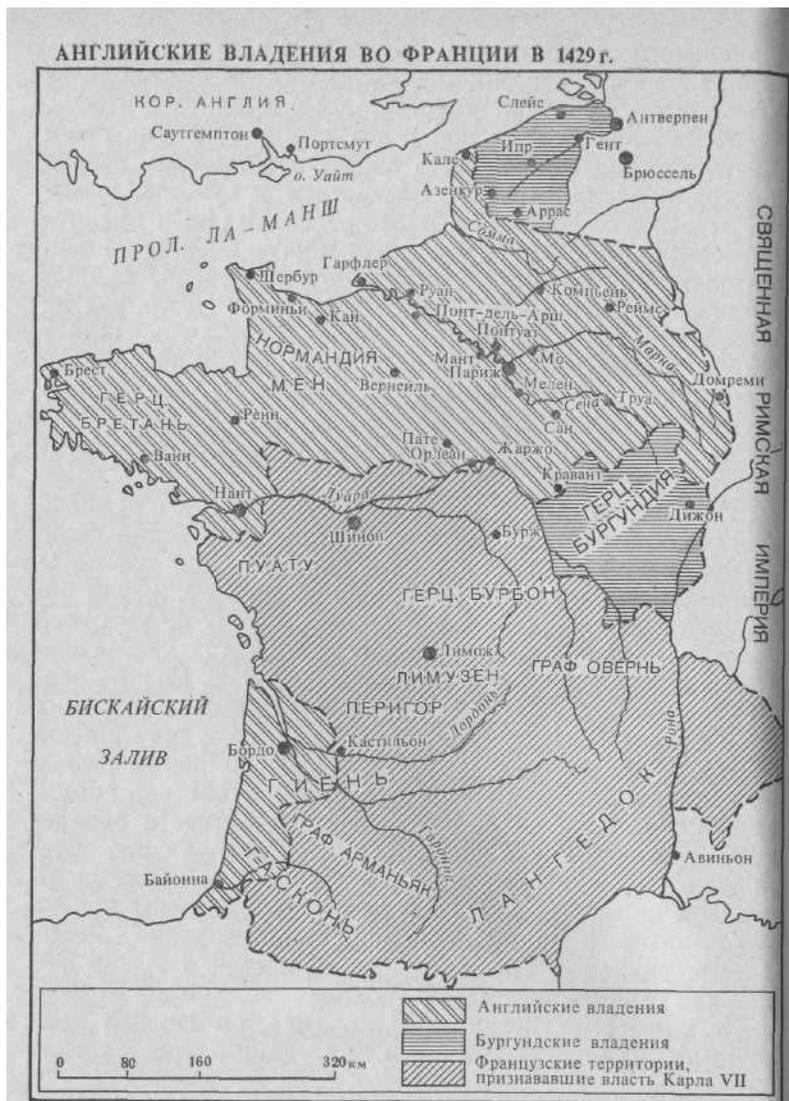
Такого накала патриотических чувств, такого размаха участия в антианглийской борьбе народных масс не было на более ранних этапах войны. Этот высокий массовый патриотический подъем во Франции вызвал к жизни появление народной героини Жанны д'Арк. О ее короткой жизни и яркой судьбе написано немало научных исследований и художественных произведений¹²⁰. Разные эпохи связывали с историей Жанны д'Арк волновавшие их проблемы и творили свои легенды о ее удивительной жизни. И все же феномен Девы возможно понять только в неразрывной связи со всей историей Столетней войны, сложной эволюцией ее характера, в контексте определенной исторической эпохи. Два основных фактора обусловили появление крестьянской девушки во главе французской армии: высокий накал народной войны против захватчиков и трансцендентное мировоззрение эпохи, рассматривавшее вмешательство божества в жизнь людей как естественное и реальное.

Как известно, Жанна д'Арк родилась в деревне Домреми на границе Шампани и Бургундии в крестьянской

¹¹⁸ *Cousinot.* Geste, p. 196.

¹¹⁹ *Basin*, v. I, p. 52—53.

¹²⁰ См.: *Райцес В. И.* Жанна д'Арк. Л., 1982; *Розенталь Н. Н.* Жанна д'Арк — народная героиня Франции. М., 1958; *Сказкин С. Д.* Жанна д'Арк — героиня французского народа. Книга для чтения по истории средних веков. М., 1951, ч. II; *Левандовский А. П.* Жанна д'Арк (1412—1431). М., 1982. Зарубежная литература о Жанне д'Арк огромна. Отметим лишь несколько специальных современных работ: *Thomas E.* Jeanne d'Arc. P., 1947, *Pernoud R.* Jeanne d'Arc, P. 1959; *Jeanne d'Arc.* Une époque, un rayonnement. P., 1&82.

семье. Хронист Кузино, лично встречавшийся с Жанной, пишет, что ее отец Жак и мать Изабо — «простые сельские жители, которые пасли скот»¹²¹. Проявив незаурядную смелость и настойчивость, Жанна заставила капитана близлежащего замка Вокулер отправить ее в сопровождении нескольких человек к Карлу VII. При дворе

¹²¹ Cousinot. Chron. de Pucelle, p. 271.

Карла она сумела убедить окружающих, что бог избрал ее для выполнения великой миссии освобождения Франции от завоевателей. После долгих колебаний и «проворок» подлинности утверждения Жанны Карл VII направил ее с подкреплениями к стенам осажденного англичанами Орлеана.

Внутренняя логика этого начального этапа поразительной судьбы Жанны определялась предшествующей историей войны. Бесконечные поражения Франции в прошлом, затмившие недолгий период успехов 70—80-х годов XIV в.; медленное, но упорное продвижение англичан в глубь ее территории в 1417—1428 гг.; крайнее опустошение страны — все это создавало ощущение, что бог покинул французов. Английская пропаганда еще со времени Эдуарда III активно насаждала и поддерживала эту мысль, очень важную для средневекового человека. Особенно преуспел в утверждении справедливости английских притязаний во Франции на последнем этапе войны Генрих V. Его вызывающе дерзкий рейд из Гарфлера на Кале проводился под лозунгом защиты богом его миссии, его правоты. Блестящая победа при Азенкуре трактовалась как свидетельство божьего благоволения к Англии. Широко распространялись слухи, что во время сражения англичанам явился образ святого Георгия, возвещавший даруемую им богом победу. В отношении французов утверждалось обратное — якобы имевшие место признаки предренности их поражений. Так, в битве при Креси, по сообщению английского хрониста Бертона, божья воля проявилась в посланном французам дурном предзнаменовании: в разгар сражения на них налетела огромная стая ворон и обрушился дождь. Сразу после этого англичане начали теснить ряды французских рыцарей.

Общественное мнение Франции пыталось в ответ выработать свою версию отношения бога к англо-французской войне. Показательно, что первая такая попытка была предпринята в тяжелейший для страны момент после поражения при Пуатье. Уже тогда она была связана с возвышением роли простого человека, которому якобы бог попытался вручить судьбу Франции. Автор «Хроники первых четырех Валуа» пересказывает легенду о том, что некоему крестьянину из отдаленного уголка Шампани явился ангел и сообщил, что король Иоанн будет разбит, если вступит в сражение вблизи Пуатье. Избранный богом крестьянин прошел пол-Франции, чтобы рассказать королю об этом видении. Однако Иоанн не послушался

предостережения, принял бой, был разбит и пленен¹²². Таким образом, за семьдесят с лишним лет до Жанны д'Арк родилась идея избрания богом для спасения Франции человека из народа.

В сложной обстановке начала XV в. эта мысль буквально носилась в воздухе. После предательского договора в Труа народ возложил большую долю вины за унижение Франции на жену безумного Карла VI — королеву Изабеллу Баварскую. Именно ее воля водила рукой потерявшего рассудок короля при подписании договора. Изабелла в союзе с герцогом Бургундским добилась отречения дофина Карла от наследственных прав и объявила его незаконнорожденным. В народе говорили, что Францию погубила женщина. Со временем эту версию органично дополнила мысль, что спасет страну девушка — некая Дева.

Обращение Жанны д'Арк, считавшей себя призванной исполнить миссию страстно ожидаемой Девы, именно к Карлу VII было естественно. Он привлекал к себе симпатии в первую очередь тем, что занял позицию защиты интересов Франции, а не просто борьбы за власть. Кроме того, он не мог не вызывать сочувствия простых людей и как человек, от которого отвернулись мать и отец, которого оболгали и унизили ради интересов ненавистного английского короля. Называя Карла с первой встречи «милым дофином», Жанна д'Арк чутко передала и это сострадательное отношение к нему, и веру в законность его происхождения. Она хотела вдохнуть уверенность в человека, которому, по-видимому, недоставало в тот момент именно этого качества.

Жанна в первую очередь стремилась доказать, что бог на стороне Франции. Она утверждала, что он желает, чтобы англичане покинули страну. В глазах средневекового человека это было вполне возможно и реально. Но требовалось чем-то подтвердить ее миссию. В качестве такого доказательства Жанна предложила с малым числом людей снять осаду Орлеана.

Орлеан — стратегически важная крепость на реке Луаре — был осажден англичанами в конце 1428 г. после подавления мощной волны сопротивления в Мене и Анжу. Его захват должен был открыть путь за Луару, к Буржу, Пуатье — основным опорным пунктам Карла VII. Постепенно в течение октября — декабря 1428 г. к городу были стянуты лучшие силы обеих сторон. Англичане со-

¹²² См.: QPV, p. 46—48.

средоточили у его стен осадные орудия, значительную артиллерию. Вокруг Орлеана происходили ожесточенные стычки, кровопролитные бои за отдельные небольшие крепости-бастиды, за каждое укрепление. Все население города принимало активное участие в обороне. Здесь, таким образом, подводился определенный итог изнурительной англо-французской борьбы 20-х годов XV в., в течение которой англичанам удалось достичь перевеса, но никак не решительного успеха. В очередной раз они рассчитывали на окончательный поворот в войне именно здесь. Это прекрасно понимало правительство Карла VII. К Орлеану были направлены большие силы во главе с завоевавшим в последние годы популярность графом Дюнуа — побочным сыном герцога Орлеанского. Очень известны были и такие военачальники, как отважный Ла Гир, маршал Буссак и др.

Обстоятельства складывались для англичан не слишком благоприятно. В самом начале осады был убит английский главнокомандующий граф Солсбери. Сменивший его граф Саффолк пользовался гораздо меньшим авторитетом как военачальник. Ранней весной 1429 г. жители Орлеана предприняли дипломатический шаг, нанеся еще один удар пошатнувшемуся англо-бургундскому союзу. Они предложили сдать город герцогу Бургундскому (но не англичанам!). Бедфорд отказался принять такое условие, и разгневанный Филипп Бургундский увел свои войска из-под стен города, ослабив позиции осаждающих. Англичане увязли в затяжной осаде, срок которой перевалил за полгода.

Сюда и направилась для совершения своей миссии Жанна д'Арк с отрядом под руководством одного из полководцев Карла VII — герцога Алансонского. Народная молва опережала ее: «Многие говорили, что она послана богом, чтобы помочь Карлу, дофину, сыну покойного французского короля Карла, отвоевать его королевство, которое было захвачено Генрихом, английским королем»¹²³. Жанна вооружила разгоревшуюся во Франции народно-освободительную войну религиозным лозунгом, верой в благоприятную божественную волю. В средневековом обществе это было могучее оружие. Толпы людей стекались к ней по дороге и вступали в ее отряд. Жанна поддерживала в них веру в свое божественное предназначение. Об этом она написала по пути к Орлеану и англичанам, направив герольда со своим письмом к са-

¹²³ Cochon, p. 454—455.

мому регенту Бедфорду. Текст и тон этого документа поражали непреклонной верой в победу Франции: Жанна требовала ключи от всех захваченных французских городов, так как англичане все равно неминуемо будут по «божьей воле» изгнаны с французской земли.

В происходивших по пути стычках неизменно побеждали французы, даже если противник вдвое превосходил их численно. На глазах сотен людей начинало вершиться чудо, в которое они страстно верили и которое, по существу, началось давно. Разве не была неузнанным и не связанным с именем бога чудом вся история борьбы расчлененной и преданной феодальной верхушкой Франции после подписания договора в Труа? Жанна д'Арк присоединила волю бога к тому, что люди совершали по своей собственной. И это придавало им невиданные силы.

29 апреля 1429 г. войско Девы прибыло к Орлеану. Мысль о чуде и надежда на благоприятную для французов волю бога владела защитниками города еще до появления Жанны. После неожиданной и нелепой гибели Солсбери, убитого не в сражении, а во время вялой перестрелки случайным ядром, возник слух, что бог такими образом указал англичанам на необходимость уйти из-под стен города. Вся накопившаяся вера в чудо обратилась на Жанну д'Арк. Ее постоянно растущее и невиданно воодушевленное войско освобождало одну за другой бастиды и укрепления вокруг Орлеана, вызывая все большую растерянность англичан. 8 мая 1429 г. английская армия, терпевшая одно поражение за другим, сняла осаду Орлеана и отступила, понеся большие потери.

Вступление Жанны д'Арк во главе 6—7-тысячного войска в освобожденный Орлеан стало высшим триумфом Франции за все десятилетия войны. Оно вызвало невиданный подъем и огромное ликование самых широких слоев населения. Это было торжество освободительной борьбы, возглавленной на данном этапе самим народом и облаченной в соответствии с духом эпохи в религиозную оболочку.

Единственно возможным в тех условиях способом укрепления идеи возрождения Франции было усиление позиций Карла VII в противовес притязаниям английской короны. Жанна д'Арк, обладавшая удивительным политическим чутьем, понимала это. Сразу после освобождения Орлеана она начала горячо убеждать Карла отправиться в Реймс — традиционное место коронации многих поколений французских королей. Карл VII и его

приближенные колебались — ведь предстояло идти через занятые англичанами территории.

Однако они оценили значение воздействия Жанны на перелом в событиях войны. Карл призывал всех своих подданных «присоединиться к принцу Алансонскому и Жанне Деве»¹²⁴. Несколько побед, одержанных французской армией под руководством Жанны в мае — июне при Жаржо, Божанси, Менге, и особенно значительный успех у Пате заставили Карла VII решиться принять план коронации в Реймсе. Этому способствовал растущий энтузиазм масс. Они свято верили словам Девы о том, что предстоящая коронация — воля бога, поручившего ей помочь законному королю Франции утвердиться в своих правах. В сознании населения страны Жанна д'Арк по-прежнему соединяла патриотическую и религиозную идеи. Этот идеологический и эмоциональный сплав становился мощным фактором в развитии военных действий.

Появились признаки деморализации английских солдат, уверовавших в неуязвимость Жанны. Это мешало им оказывать реальное сопротивление ее армии. Энтузиазм, с которым население французских городов относилось к Деве, приводил к тому, что города Шампани один за другим добровольно подчинялись Карлу VII. Лежавшие на пути к Реймсу Труа и Шалон, презрев права герцога Бургундского, раскрыли ворота перед французской армией. Ряд других городов прислал депутации с изъявлением покорности Карлу. Возникла реальная угроза полной потери англичанами Шампани.

17 июля 1429 г. состоялась коронация Карла VII в Реймском соборе. Стоявшая рядом с королем Жанна как бы воплощала провиденциальный характер происходящего, подчеркнув его после окончания церемонии следующими словами: «Милый король, вы исполнили волю божью тем, что пришли в Реймс и короновались, показав, что вы — подлинный король, которому должно принадлежать королевство!»¹²⁵

Дальнейшая история войны стала, по существу, историей постепенной утраты англичанами французских владений и изгнания их из Франции. Правда, предстояла еще долгая и нелегкая борьба, но дело, за которое английская монархия боролась в течение нескольких десятилетий, было обречено. Окончательное превращение войны

¹²⁴ Cousinot. Chron. de Pucelle, p. 302.

¹²⁵ Ibid., p. 322—323.

в освободительную предопределяло решение долгого англо-французского конфликта в пользу Франции.

После коронации Карла VII Жанна д'Арк еще почти год возглавляла освободительную борьбу и принимала активное участие в военных действиях. В течение осени 1429 г.— весны 1430 г. французские войска продолжали одерживать победы. Благодаря невиданной популярности Девы они подчас были бескровными. Эта популярность и растущий размах народной войны не могли не беспокоить короля и его окружение. Жанну определенно пытались отодвинуть от руководства событиями. Начали распространяться разговоры о том, что она больше не является носительницей воли бога, так как ее миссия состояла только в снятии осады Орлеана и коронации Карла VII. Ослаблению позиций Жанны д'Арк при дворе способствовала неудача предпринятого под ее руководством осенью 1429 г. штурма Парижа. Захватить столицу одним ударом не удалось, Жанна была ранена, французские войска отступили¹²⁶.

Эта серьезная неудача не означала, однако, поворота событий в пользу англичан. Народная война ширилась в Пикардии, Нормандии, Мене. Крестьяне все более активно приходили на помощь защитникам городов. Народ в первую очередь беспощадно карал предателей — тех, кто перешел на сторону англичан. Пример в этом отношении подавала сама Жанна, не проявлявшая милосердия к сторонникам «бургундской партии».

Поняв, что после поражения под Парижем ее фактически отстранили от участия в войне, Жанна без разрешения короля отправилась в Иль-де-Франс, где продолжались военные действия. 23 мая 1430 г. Жанна д'Арк была захвачена в плен бургундцами во время вылазки из осажденного города Компьеня. Пленение этой подлинно народной героини вызвало огромную радость у противников Франции. Как отмечает бургундский хронист Монстреле, англичане «ни одного капитана или полководца не боялись так, как эту Деву»¹²⁷.

Широко известный церковный суд над Жанной д'Арк, организованный англичанами в Руане, ее осуждение и

¹²⁶ Английский хронист, умолчавший об успехах Жанны д'Арк, не преминул отметить ее неудачу так: «Коварная женщина из Франции, называемая Девой, ранена копьем в голень при штурме Парижа» [Chronicon Rerum Gestarum in Monasterio Sancti Albani, Regnante Henrico Sexto, a quodam Auctore Ignoto Compilatum. L., 1870 (далее — Auct. ignot.), p. 42].

¹²⁷ Monstrelet, p. 625.

казнь не оказали влияния на развитие событий войны во Франции. Расчет англичан на подрыв освободительного движения путем дискредитации Девы не оправдался. Явление, имевшее глубокие исторические корни, не могло изменить своей природы даже от потери такого яркого и популярного лидера, каким была Жанна.

Вероятно, это допускал и английский регент Бедфорд. В 1429—1430 гг. он предпринял ряд шагов, направленных на преодоление наметившегося успеха Франции. Прежде всего он попытался поднять авторитет английской власти, противопоставив Карлу VII «законного» короля Генриха VI. После коронации Карла в Реймсе Бедфорд публично опроверг его права. Он писал, что «Карл Валуа, который называл себя дофином Вьенским, теперь без причины назвался королем»¹²⁸. В Англии было принято решение о немедленной коронации в Париже девятилетнего сына Генриха V — Генриха VI. Проведенная в 1431 г. в столице Франции торжественная процедура возведения на французский трон малолетнего Генриха была воспринята как серьезное политическое событие только англичанами и не имела заметного резонанса во Франции. Для французов фигура Генриха VI, несмотря на его родство с домом Валуа (внук Карла VI по матери), была воплощением английской власти, в то время как Карл VII (особенно благодаря Жанне д'Арк) символизировал независимую Францию.

Значительные усилия Бедфорда были также направлены на укрепление международных позиций Англии. Между ним и Карлом VII развернулась дипломатическая борьба вокруг англо-бургундского и франко-шотландского союзов. Стремясь ликвидировать трещину в союзе с герцогом Бургундским, Бедфорд сразу после неудачи англичан под Орлеаном пошел на большую уступку. Он назначил Филиппа Бургундского регентом Франции, сохранив за собой только управление Нормандией. Это привело к формальному восстановлению англо-бургундского союза. Однако Карл VII, ощутив наметившуюся еще в середине 20-х годов слабость этого блока, продолжал предпринимать шаги, направленные на его разрушение. Он объявил, что «прощает» всех сторонников бургундской партии и предлагает заключить мир с герцогом¹²⁹. Карл активно демонстрировал свою крайнюю

¹²⁸ Monstrelet, p. 609.

¹²⁹ См.: Cousinot. Chron. de Pucelle, p. 309—310.

заинтересованность в этом соглашении: он публично отрекался от причастности к убийству отца Филиппа Жана Бесстрашного в 1419 г. Презрев собственное самолюбие, писал о своей тогдашней молодости и неопытности.

Поскольку у французов идея примирения короля с первым человеком государства встречала решительную поддержку, Филипп Бургундский не решился ответить определенным отказом. К тому же сказывались накопившиеся противоречия с англичанами. В полном соответствии с традициями своих предшественников, искавших в англо-французской войне лишь укрепления своей власти и независимости, герцог занял к 1430 г. неопределенную позицию. Это давало Карлу VII основания надеяться на скорый распад жизненно важного для Англии англо-бургундского союза.

Серьезнейшей угрозой для Англии в условиях изменившейся к худшему военной ситуации был традиционный франко-шотландский союз. Этот военно-политический блок, возникший на основе общей для Франции и Шотландии английской опасности, обнаружил удивительную прочность. За истекшие десятилетия англо-французской войны многое изменилось в расстановке политических сил на международной арене. Серьезная переориентация произошла в позициях Фландрии, многократно менялась политика независимой Бретани, резко снизилась международная активность государств Пиренейского полуострова и т. п. Союз Франции и Шотландии оставался при этом достаточно стабильным. Он постоянно создавал для Англии угрозу (периодически реализовывавшуюся) войны на два фронта.

Перемена военного счастья во Франции заставила английскую корону в очередной раз попытаться избавиться от этой теперь особенно страшной опасности. О ее реальности говорил факт очередного юридического возобновления франко-шотландского союза в роковом для Англии 1428 году¹³⁰. Правительство Бедфорда в ответ попыталось немедленно добиться соглашения и прочного мира с Шотландией. В течение нескольких лет (1429—1435) англичане вели переговоры с шотландскими представителями и самим королем, стремясь расторгнуть предпологавшийся династический брак шотландской принцессы и дофина Франции. Однако нерешенность англо-шотландских пограничных вопросов сделала дип-

ломатические усилия Англии бесполезными, и в 1436 г. шотландцы в очередной раз в трудный для англичан момент англо-французской войны нанесли удар на севере. Значительная шотландская армия во главе с самим королем осадила Роксбург.

Дипломатические неудачи Англии в 30-е годы XV в. переплетались с военными. Достигшая высокого накала под руководством Жанны д'Арк освободительная война не ослабевала, в нее более широко вовлекались народные массы. По-прежнему активно участвовали в антианглийской борьбе горожане: городские отряды из освобожденных районов присоединялись к войскам Карла VII; жители находившихся под английской властью городов помогали французской армии захватывать их; в ряде крупнейших центров Франции (Париж, Руан) были созданы антианглийские заговоры.

Возросла роль французского крестьянства в войне. Когда в 1430 г. из Англии прибыли подкрепления (1000 человек) и двинулись к Компьеню, на их пути встали крестьяне, захватившие собор в одном из близлежащих городков и попытавшиеся удержать его как крепость. Центром народной войны по-прежнему была Нормандия. В 1434—1436 гг. здесь разгорелась настоящая крестьянская война против завоевателей. Хронисты отмечают, что главной причиной восстания крестьян было опустошение Нормандии англичанами, произвол чиновников новой администрации, мародерство солдат. По сведениям Базена, в районах наибольшего размаха движения армия восставших насчитывала около 50 тыс. человек. Очевидец событий Базен подчеркивает, что по призыву набата поднялись крестьяне каждой деревни. Военное руководство в ряде районов взяли на себя присоединившиеся к восстанию рыцари¹³¹.

Англичане подавили это движение с крайней жестокостью. В сражениях с восставшими английские рыцари не признавали плена, стремясь изрубить как можно больше людей. С помощью массовых казней, тюремного заключения, изгнания из Нормандии завоеватели стремились добиться покорности населения. В итоге к 1436 г. цветущий край был, как пишет Базен, превращен в пустыню.

Репрессии увеличивали и без того накопившуюся ненависть к завоевателям. Англичане все менее уверенно

¹³⁰ См.: *Macrae C.* The English Council and Scotland in 1430.— The English Historical review, 1939, v. LIV, N 215, p. 415—426.

¹³¹ См.: *Basin*, v. I, p. 196—227; *Monsrelet*, p. 686—687, 689—690.

чувствовали себя во Франции. Так, перед прибытием в Париж короля Генриха VI пришлось, по сообщению английского хрониста, прибегнуть к увещаниям и запугиванию «французов, которые были настроены против прибытия короля»¹³².

Все более ненадежным становился союз с герцогом Бургундским, ощутившим перелом в развитии событий в пользу Франции. В 1433 г. Бедфорд предпринял последнюю попытку примириться с ним, предложив провести переговоры по поводу разногласий и возникшей «взаимной ненависти»¹³³. Но герцог в ответ повел себя вызывающе: прибыв для переговоров в Сен-Омер, он отказался прийти к Бедфорду, желая принудить английского регента униженно просить аудиенции. Переговоры сорвались. Крах англо-бургундского союза стал неизбежным.

В 1435 г. по инициативе папы в Аррасе состоялась международная конференция, в которой участвовали представители многих европейских дворов. Под флагом христианского миролюбия они пытались способствовать заключению мира между Англией и Францией. На этот раз Англия потерпела полное дипломатическое поражение. Причина его заключалась в стремлении англичан сохранить фундамент заложённого Эдуардом III и Генрихом V объединённого англо-французского королевства. Они отвергли предложения об отказе от прав на французский престол, не соглашались на освобождение Нормандии и принесение традиционного оммажа за французские юго-западные земли. В условиях начавшегося перелома в войне и укрепления централизации во Франции такая позиция была обречена на провал.

Английская делегация демонстративно покинула Аррас, прикрывая этим жестом крупную дипломатическую неудачу. Главный удар был нанесен англичанам после отбытия их представителей. Герцог Филипп Бургундский подписал с Карлом VII договор, по которому признал его королем и перешел в войне на сторону Франции¹³⁴. Это давно назревавшее событие было ускорено серией поражений англичан в Понтье и Иль-де-Франсе, растущим недовольством политикой герцога среди населения самой Бургундии, наконец, смертью герцога Бедфорда (1435). Как отмечал Базен, теперь французы могли воевать только против англичан, и это серьезно увеличивало их силы.

¹³² Auct. ignot., p. 46.

¹³³ Monstrelet, p. 670—671.

¹³⁴ GT, p. 119—151.

Договор 1435 г. знаменовал важную победу сил централизации над сепаратизмом высшей знати — одним из решающих факторов военно-политического неудач Франции. Этот достигнутый с огромным трудом успех был необходимым условием теперь уже вполне реальной победы в бесконечной войне.

Это сознавали и англичане. Когда специальные послы герцога Бургундского изложили английскому королю в самой мягкой и изысканной форме суть происшедшего в Аррасе, Генрих VI «расплакался из-за измены герцога», в Лондоне вспыхнули резкие антибургундские настроения¹³⁵. Горожане распевали оскорбительные песенки о герцоге, затевали ссоры с его подданными. При дворе раздавались воинственные призывы к немедленной войне против Филиппа Бургундского.

Однако возможности Англии для ведения победоносной войны во Франции становились все менее реальными. Прежние военные успехи требовали затрат, но приносили большие доходы. Неудачи последних лет делали войну все более разорительной. Парламент постоянно рассматривал вопрос о новом налогообложении, включая даже духовенство. И все же ценой большого напряжения сил англичане предприняли в 1436—1439 гг. еще одну отчаянную попытку добиться перелома в войне.

Пока шел сбор средств и подготовка войска для отправки во Францию, английский двор попытался, опираясь на давние проанглийские позиции городов Фландрии, восстановить их против герцога Бургундского. Генрих VI обратился к ним с письмами, в которых клеймил «измену» герцога условиям договора 1420 г. и призывал к выступлению на стороне Англии¹³⁶. Ответная индифферентность горожан доказала, насколько далеко зашла их экономическая и политическая переориентация. Была также сделана неудачная попытка заключить союз с германским императором.

Тем временем из Франции приходили страшные известия: по всей занятой англичанами территории вспыхивают антианглийские восстания, английские гарнизоны сдают города на Северо-Западном побережье. Французские войска, опираясь на поддержку горожан, захватили столицу Франции Париж. Войско Филиппа Бургундского при активном участии фландрских горожан осадило английскую твердыню на севере Франции Кале.

¹³⁵ Monstrelet, p. 717—718.

¹³⁶ См. *ibid.*, p. 723—724.

В этой почти катастрофической ситуации англичане прибегли к традиционной для начальных этапов войны тактике опустошений. Высадившиеся в 1436 г. в Кале английские войска во главе с герцогом Ричардом Йоркским совершили грабительский устрашающий рейд по Фландрии. Как пишет английский хронист Бенет, они «сожгли многие города и получили большую добычу». Автор «Краткой английской хроники» выразился еще более определенно: англичане «опустошили всю Западную Фландрию»¹³⁷. Это военное предприятие увенчалось определенным успехом. Герцог Бургундский был вынужден снять осаду Кале и бросить силы на защиту Фландрии.

За этим последовал ряд успехов английских войск: они отбили у французов несколько городов в Нормандии и Мене, захватили Понтуаз, закрепили свои позиции Иль-де-Франсе, что позволило совершать рейды до самых стен Парижа. Благодаря активности и решительности английского полководца Гальбота был предотвращен захват французской армией, опиравшейся на заговор горожан, столицы Нормандии Руана¹³⁸. К концу 1431 началу 1437 г. англичане развернули войну во Франции с невиданным после 1420 г. размахом: их войска действовали одновременно во Фландрии и Гиени. В 1436—1438 гг. во Францию из Англии ежегодно направлялись подкрепления.

И все же в целом военные действия шли с переменным успехом; удачам английских войск противостояли успешные операции французов (захват Суассона, укрепление позиций на северо-востоке Франции). К началу 1439 г. стало ясно, что огромные затраты средств и сил не принесли Англии решающего перелома в войне.

Затяжной характер, который приобрели военные действия, никак не устраивал англичан. Сложившаяся ситуация угрожала им истощением финансов, ростом недовольства в Англии, полной потерей популярности войны и ее сторонников при дворе и в парламенте. В разграбленной Франции стало невозможно прокормить английское войско. Все это говорило о грядущем неминуемом поражении.

Однако за долгие десятилетия англо-французского военно-политического конфликта война во Франции стала постоянным фактором внутренней и внешней политики Англии. Отказ от ее продолжения был крайне слож-

ным шагом. Английским феодалам (а отчасти и горожанам) предстояло отказаться от больших реальных и прогнозируемых доходов, а королю — от давней мечты о создании объединенного англо-французского королевства.

Последней надеждой английского двора стали переговоры. Начиная с 1439 г. английская дипломатия на протяжении десятилетий почти непрерывно пыталась добиться за столом переговоров хотя бы части того, что было утрачено на полях сражений. Карл VII пошел на поиски соглашения под воздействием комплекса обстоятельств, не позволявших еще в тот момент добиться полного изгнания англичан из страны. Франция была истощена войной, в ряде районов свирепствовали голод и эпидемии, бесчинствовали бриганды, росло недовольство налогообложением. К этим факторам, ставшим уже привычными за десятилетия войны, присоединилась в конце 30-х годов новая вспышка феодального сепаратизма. На этот раз выступление против растущей власти короля возглавил его сын семнадцатилетний дофин Людовик (будущий Людовик XI). Вместе с большой группой представителей высшей знати он начал выражать несогласие с политикой Карла VII, требовать замены отдельных должностных лиц, военачальников, права набирать войска без ведома короля и т. д. Над Францией вновь нависла угроза гражданской войны.

Характерной особенностью нового феодально-сепаратистского движения при французском дворе было то, что на этот раз главным лозунгом противников короля стало требование немедленного подписания англо-французского мира. По инициативе крупнейших феодалов Франции в январе 1439 г. в Кале начались переговоры, растянувшиеся на целых пять лет¹³⁹. Военные действия в это время продолжались, и Карл VII принимал в них все более активное личное участие, подчеркивая свое по крайней мере сдержанное отношение к идее соглашения с Англией. Причиной расхождения позиций короля и части высшей знати, очевидно, был серьезно возросший авторитет Карла VII. Стало понятно, что дальнейшие военные успехи и уже вполне реальная полная победа в войне с Англией сделают бывшего «буржского короля» сильным правителем, опирающимся на преданную ему армию

¹³⁹ См.: Documents relating to the Anglo-French Negotiations of 1439 / Ed. C. T. Allmand. — Camden Miscellany. L., 1972, v. XXIV, p. 79—151; *Monstrelet*, p. 773—774, 801, 814, *Benet*; p. 186—187, 190; *Short Engl. Chron.*, p. 62.

¹³⁷ *Benet*, p. 185; *Short Engl. Chron.*, p. 62.

¹³⁸ См.: *Monstrelet*, p. 749.

и военачальников, имеющим широкую популярность населения страны. За долгие годы правления безумного Карла VI крупнейшие феодалы Франции привыкли к идеальному в их глазах безвластному государю. Поэтому теперь они предпочитали не довести до конца дел освобождения страны от англичан, чтобы не позволить Карлу VII укрепить с помощью полной победы позиции центральной власти.

С первых шагов переговоров за их кулисами угадывалась фигура герцога Бургундского, чье примирение с королем не могло быть прочным. Сначала он предпочитал держаться в тени и направлять дело с помощью своей жены герцогини Бургундской. Результатом ее деятельности стало выгодное для Бургундии и фландрских городов торговое соглашение между Англией и Фландрией (1439)¹⁴⁰.

Желание придворных кругов Франции добиться англо-французского мира разбивалось о непомерные английские требования (Нормандия и Аквитания на правах суверенитета, оммаж английскому королю за Бретань и Фландрию, Кале и пр.). Тогда вынужденный проявить свою заинтересованность в успехе переговоров герцог Бургундский принял активное участие в освобождении, из английского плена за выкуп ближайшего родственника французского королевского дома герцога Карла Орлеанского. Англичане связывали с этим надежду на заключение мирного договора при посредничестве столь влиятельной особы. Как писал английский хронист, знатного пленника освободили «на том условии, чтобы он попытался добиться согласия между английским и французским королевствами»¹⁴¹. Однако участие герцога Орлеанского (1440) ничего не изменило в ходе переговоров — английские требования не стали более умеренными, а позиция Карла VII не поколебалась.

В этих условиях герцог Бургундский и его приверженцы из числа крупнейших феодалов были вынуждены сбросить маску абстрактного миротворчества. Собравшись на специальное совещание, они потребовали от Карла VII заключения мира с Англией. Ответ французского короля показывает, насколько отчетливо он понимал, что речь идет не только и не столько об условиях мира,

¹⁴⁰ См.: Documents relating., p. 98—99; *Benet*, p. 186.

¹⁴¹ *Benet*, p. 187. Карл Орлеанский пробыл в почетном плену в Англии 25 лет, со времени битвы при Азенкуре. Сам английский король писал о его освобождении как о «средстве к примирению французского и английского королевств» (*Foedera*, v. V, pars II, p. 82).

сколько о победе или поражении принципа суверенитета королевской власти. Карл писал, что он «не допустит, чтобы англичане не приносили ему оммаж за владения во Франции и не находились бы в состоянии вассалитета, как другие его вассалы и подданные»¹⁴². Итак, позиции короля и сепаратистски настроенной высшей знати окончательно размежевались. Интересы феодальной верхушки, как и прежде, были на руку противникам Франции и противоречили прогрессивному процессу централизации государства.

Позиции короля к 40-м годам XV в. стали значительно более прочными, чем во время печально знаменитых столкновений бургундцев и арманьяков, и англичанам не удалось навязать Франции тяжелые условия мира даже при поддержке придворной группировки. К тому же несколько ощутимых военных поражений в 1441—1443 гг. сделали английских представителей более сговорчивыми. В результате 28 мая 1444 г. в Туре было подписано англо-французское перемирие на два года¹⁴³.

Договор 1444 г. означал временное прекращение военных действий, никак не решая территориальных вопросов и проблемы английских прав на корону Франции. Эти условия больше всего устраивали Карла VII, получившего передышку для дальнейшего укрепления своих позиций и подготовки такой армии, которая смогла бы, наконец, добиться полного изгнания англичан из страны.

Начиная с середины 30-х годов Карл VII перестраивал и совершенствовал организацию военного дела во Франции. Его преобразования были частью широкой перестройки системы государственного управления, направленной на укрепление позиций центральной власти. Следуя примеру своего деда Карла V, Карл VII выдвигал на руководящие посты в армии талантливых военачальников, насаждал строгую дисциплину, безоговорочно требуя ее от тех отрядов, которые действовали от его имени. Учитывая печальный опыт военных неудач Франции, Карл VII увеличил численность лучников, поощрял развитие артиллерии. Именно в этой новой области Франция достигла к концу Столетней войны существенного превосходства, способствовавшего ее победам в последних сражениях за Нормандию и Гиень.

В 1439 г. Карл VII утвердил монопольное право короля объявлять набор войск и направлять их на военные

¹⁴² *Monstrelet*, p. 826.

¹⁴³ См.: GT, p. 152—171.

действия. Это ярко демонстрировало органическое единство совершенствования военного дела и укрепления позиций центральной власти во Франции. Не случайно именно этот ордонанс послужил непосредственным поводом к упоминавшемуся сепаратистскому выступлению феодалов во главе с дофином Людовиком.

После заключения перемирия в 1444 г. Карл VII, вопреки обычной практике европейских монархов, не распустил армию. Более десяти тысяч ополченцев должны были располагаться по гарнизонам городов. По существу, была создана постоянная армия. Этот важный шаг закреплялся в специальном ордонансе 1445 г.

Франция была готова к тому, чтобы нанести англичанам последний удар и изгнать их со своей территории. Однако заключенное в Туре перемирие неоднократно продлевалось, оставаясь в силе до 1449 г. Два фактора обусловили эту неоправданную для интересов Франции затяжку: продолжающееся противодействие французской высшей знати победоносному завершению войны с Англией и дипломатические усилия английской короны, направленные на мирное и приемлемое для Англии урегулирование спорных территориальных вопросов.

Придворные группировки французских феодалов в конце 30-х годов XV в. отрешились от своей непримиримой вражды. Представители бургундского и орлеанского домов объединились в оппозиции к королю. Их первое выступление под видом защиты интересов дофина Людовика в 1439—1440 гг. окончилось неудачей. Условия договора в Туре также не могли способствовать ослаблению центральной власти. Поэтому в середине 40-х годов феодальная оппозиция предприняла новые шаги, чтобы помешать Карлу VII добиться окончательной победы в войне. Под сильным давлением придворного окружения французский король вмешался в борьбу между итальянскими государствами. Он оказал помощь Милану, против Венеции, с тем чтобы Милан помог орлеанскому дому захватить власть в Генуе на основе династических прав (1446—1447). Итальянская политика Франции шла вразрез с государственными интересами, отражая только личную заинтересованность знати. Она отвлекала силы от решения основной жизненно важной задачи завершения бесконечно долгой войны с Англией и освобождения французской территории. В военном отношении генуэзская экспедиция закончилась полным провалом.

Англия активно стремилась использовать мирную передышку, чтобы попытаться избежать военного разгрома и выйти из войны с честью. Основной ее ставкой теперь были переговоры, династические браки, интриги при французском дворе. Условиями перемирия в Туре была предусмотрена женитьба английского короля Генриха VI на племяннице Карла VII Маргарите Анжуйской. Англичане серьезно рассчитывали, что ее влияние на французского короля поможет сохранению мира на длительный срок. Письма королевы Маргариты Карлу VII действительно говорят о ее попытках способствовать продлению перемирия и завершению войны за столом переговоров¹⁴⁴.

Однако королева-француженка не приобрела популярности в Англии. В атмосфере обостренного войной растущего национального чувства ее посредническая роль воспринималась общественным мнением как предательство, хотя на деле ее действия соответствовали английским интересам¹⁴⁵.

В 1445 г. в Англию прибыло французское посольство для переговоров об «окончательном мире». Опубликованный в собрании писем и бумаг Генриха VI дневник переговоров показывает дипломатические и психологические ухищрения, к которым прибегали англичане с целью добиться приемлемых условий мирного договора. Генрих VI заявил, что он любит французского короля больше всех в мире, не считая своей жены (но она — племянница Карла VII). Ближайший советник английского короля граф Саффолк произнес восторженную речь о Карле VII и сказал, что, если бы не обязательства перед своим государем, он мечтал бы служить только французскому королю. Английские представители говорили о стремлении прекратить кровопролитие, о том, что «войны никогда не были такими долгими» и поэтому необходимо заключить мир и т. п.

Весь этот словесный фейерверк прикрывал стремление английской короны сохранить за собой во Франции права на Нормандию и Гиень — основные территории, еще находившиеся под английской властью. Французские послы проводили политическую линию Карла VII, сформулированную им еще в конце 30-х годов как невозможность существования во Франции каких-либо владений, не находящихся под сюзеренитетом короля. Переговоры за-

¹⁴⁴ См.: Letters of H. VI, v. I, p. 164—167, 183—186

¹⁴⁵ См. *ibid.*, p. 87—152.

шли в тупик. Их единственным результатом стало продление перемирия.

Столь же безрезультатными были и последующие многочисленные встречи английских и французских представителей в 1446—1448 гг. К концу 1448 г. стало ясно, что для Карла VII переговоры были способом выиграть время перед решающими сражениями. Между тем английские войска во Франции не получали средств и подкреплений и находились под угрозой возобновления французами военных действий. Поэтому они были вынуждены постепенно сокращать размеры оккупированных территорий. В 1448 г. англичане оставили Мен. Под английской властью реально оставались Нормандия и юго-западные земли. Приближался последний акт драматической истории англо-французской войны.

В июле 1449 г. Карл VII воспользовался пограничными конфликтами в Нормандии и Бретани и, нарушив перемирие, направил войска на освобождение многострадальной Северной Франции. Кампания была тщательно подготовлена. Французы имели на этот раз полное военное преимущество. Их тридцатитысячная армия была, наконец, армией в подлинном смысле слова: дисциплинированная, хорошо экипированная, обеспеченная сильной артиллерией, строго подчиненная единому командованию короля.

Карл VII обеспечил себе традиционную поддержку Шотландии. Начиная с 1447 г. он вел активную переписку с королем Джеймсом II, постоянно подчеркивая мысль о неизбежности франко-шотландского союза. В этом контексте не случайным выглядит очередное нападение шотландцев на северную английскую границу в конце 1448 г., т. е. в преддверии возобновления войны во Франции. Англии в тяжелейший для нее момент был нанесен чувствительный удар, вынудивший англичан, как и прежде, отвлечь большие силы (по данным хроники 30 тыс. человек).

Дипломатия Карла VII накануне возобновления войны добилась важного успеха. Герцог Бретани, традиционно занимавший неопределенную позицию в англофранцузском конфликте, признал себя вассалом французского короля и принес ему клятву верности. Карл VII заручился поддержкой всегда опасного герцога Бургундского, получив от него письменное одобрение своей кампании в Нормандии.

Наконец Карл VII позаботился о подготовке общественного мнения. Возобновление Францией войны в усло-

виях неистекшего перемирия преподносилось как акт высшей справедливости, вызванный коварством англичан. Весной 1449 г. английскому наместнику в Нормандии графу Сомерсету был направлен подписанный французским королем документ о многочисленных фактах нарушения англичанами условий перемирия. В нем говорилось об убийствах, поджогах, разбое английских солдат на французской территории. При вручении письма Сомерсету представители Карла VII в патетических выражениях противопоставили поведение французского короля, признающего неизбежность законов и строго соблюдающего перемирие, поведению короля Англии, не придерживающегося этих благородных принципов¹⁴⁶.

Ответом на целенаправленное усиление и без того острых антианглийских настроений во Франции стала яркая вспышка патриотических чувств и новый подъем массового освободительного движения. Под этим знаком прошли последние годы Столетней войны, которая завершилась как бесспорно освободительная со стороны Франции. Высокий патриотический подъем 1449—1450 гг. ярко отразили французские хроники и мемуары современников освобождения Нормандии – Блонделля и Берри (последний — участник событий). Хронист Базен писал, что англичане — самые древние и страшные враги французского королевства» и все население Нормандии решительно настроено против них¹⁴⁷. Блонделль, еще в 1420 г. призывавший Карла VII изгнать англичан из Северной Франции, патетически восклицал в воспоминаниях о событиях 1449—1450 гг.: «О, неистовый англичанин! Зачем ты сеешь безумие?» В его мировоззрении слились воедино неприязнь к завоевателям и патриотизм с глубокой преданностью французскому королю — законному правителю страны по воле бога и рождению. Эта естественная для той эпохи форма зарождающегося национального самосознания проявляется у Блонделля в страстном одобрении возобновленной Карлом VII войны: «Существует ли деяние, более достойное величия короля, чем справедливая война?»¹⁴⁸.

Нормандская кампания Карла VII была проведена для той эпохи стремительно: север Франции, исключая Кале, был освобожден за один год и шесть дней. Основой

¹⁴⁶ См.: Robertus Blondelli de reductione Normanniae. In: Narratives of the Expulsion of English from Normandy / Ed. Y. Stevenson. L. 1863 (далее — *Blondell*), p. 10.

¹⁴⁷ *Basin*, v. II, p. 34—35, 54—55.

¹⁴⁸ *Blondell*, p. 2.

этого успеха было соединение действий армии с партизанской войной. Освободительное движение в Нормандии практически не прекращалось со времени оккупации в начале XV в. В 1449—1450 гг. оно впервые получило возможность опереться на наступательные действия армии и оказать ей неоценимую помощь.

По мере продвижения войск Карла VII по Нормандии к ним присоединялись отряды и отдельные лица, горевшие желанием участвовать в освобождении Франции. Давно миновали времена, когда французские короли отвергали помощь городского ополчения и рассчитывали на рыцарские победы в запланированных и напоминающих турниры сражениях. В нормандской кампании 1449—1450 гг. французская армия активно использовала помощь партизанских отрядов и отдельных патриотов, выступавших в роли разведчиков и лазутчиков в английском тылу.

Как только в Нормандии весной 1449 г. распространились слухи о готовящемся французском наступлении, жители области начали партизанские действия, направленные на то, чтобы помочь Карлу VII овладеть столицей Нормандии Руаном. До подхода королевской армии были захвачены стратегически важные пункты — крепость Понт-дель-Арш и город Вернейль. В обоих случаях использовались чисто партизанские методы войны. В Понт-дель-Арше повозка некоего торговца сыграла роль троянского коня. Благодаря этой древней, как мир, хитрости, французский отряд захватил на рассвете мост и ворвался в крепость. В Вернейле ловкий и предприимчивый мельник по договоренности с французским отрядом ухитрился уговорить нескольких английских часовых покинуть свой пост, помог французам забросить на стену лестницы и проникнуть в город. В разгар развернувшегося штурма Вернейля он сумел спустить часть воды из рвов и оказать тем самым неоценимую помощь штурмующим.

Таким образом, еще до появления армии Карла VII в Нормандии англичанам был нанесен чувствительный и в военном и в моральном отношении удар. Захвативший Вернейль отряд присоединился к французскому войску, двигавшемуся на Руан. После нескольких военных успехов французской армии английские гарнизоны стали сдаваться без боя. В течение августа пали Лизьё, Мант, Вернон и другие города, население которых с восторгом встречало Карла VII. Основные силы англичан во главе с Тальботом были вынуждены отступить до самого Руана.

В сентябре 1449 г. положение английских войск в Нормандии осложнилось вступлением в ее юго-западные районы отрядов герцога Бретани, решившегося наконец, принять участие в войне. Опираясь на жителей города, французы захватили Алансон. В конце октября 1449 г. армия французского короля подошла к Руану. Здесь особенно ярко проявился высокий накал освободительного движения в Северной Франции, активная роль народных масс в завершении Столетней войны.

В городе существовал антианглийский заговор, участники которого должны были обеспечить французской армии условия для сравнительно легкого захвата сильно укрепленной столицы Нормандии. Однако Тальботу удалось раскрыть организацию заговорщиков и начать репрессии. В ответ в городе вспыхнуло антианглийское восстание. По призыву набата горожане вооружились и построили баррикады. Город фактически оказался в их руках, и англичане, как пишет Базен, «поняли, что им остается только погибнуть». Английский гарнизон капитулировал. Сам главнокомандующий английскими войсками во Франции Тальбот был вынужден в качестве заложника наблюдать из окна башни триумфальное вступление в город французской армии во главе с Карлом VII. В ответ на просьбу английских военачальников разрешить им уйти из города французский король заявил, что их капитуляция не была добровольной, так как горожане вынудили их сдать Руан. Карл подчеркнул, что город взят благодаря помощи его жителей. Большая роль массового освободительного движения в Нормандии получила официальное признание.

События в Руане продемонстрировали невозможность сохранения английской власти во Франции. Каждый следующий шаг французских войск отмечался успехом; в Нижней Нормандии все активнее действовал герцог Бургундский; даже на юго-западе Франции поднялись сторонники Карла VII во главе с графом Фуа и стали наносить англичанам чувствительные удары в районе Байонны.

В обстановке полного военного и политического краха английские феодалы не могли отказаться от земель и доходов во Франции. По распоряжению Генриха VI в Англии судорожно собирали средства на войну. Полное истощение казны вынудило короля прибегнуть к займам у частных лиц и «помощи» феодалов. Богатым купцам предписывалось снаряжать корабли для отправки во Францию на собственные деньги с условием возмещения

расходов в неопределенном будущем. С великим трудом набирались средства для усиления охраны, обновления укреплений и перевооружения гарнизонов в Шербуре, Кане и других оставшихся под английской властью городах¹⁴⁹.

Ценой огромного напряжения сил была сформирована очередная армия для отправки во Францию. Весной 1450 г. около трех тысяч наспех набранных английских солдат высадились в Шербуре. Соединившись с остатками английских войск, они составили армию численностью 5—7 тыс. человек. 10 апреля 1450 г. это войско, не успев дойти до Кана, было вынуждено принять бой на побережье Шербурского полуострова — последнего обломка английских владений в Северной Франции. Сражение произошло около деревни Форминьи вблизи города Бьё. Здесь англичане потерпели первое сокрушительное поражение за всю историю Столетней войны.

Битва при Форминьи окончательно доказала решительную перемену в соотношении сил и уровня подготовки английской и французской армий. Англичане были наголову разбиты, несмотря на численное превосходство и использование своей традиционной оборонительной тактики. У французской армии к середине XV в. было все то, чего ей так трагически не хватало в начале войны: четкая организация, дисциплина, единое командование, прекрасное снаряжение.

По данным хроник (вероятно, как обычно, несколько преувеличенным), при Форминьи была фактически уничтожена английская армия. Те, кто уцелел, оказались в плену. Защищать Нормандию, по существу, было некому. В короткий срок пали Бьё, Кан, Фалез. Наконец, 12 августа капитулировал Шербур. Нормандия после сорокалетнего господства англичан была возвращена Франции.

Сознавая огромное значение этого события, Карл VII приказал ежегодно отмечать 12 августа торжествами и благодарственными молебнами. В стране царил дух высокого патриотического подъема, уверенности в неизменно благоприятной для Франции воле бога. После битвы при Форминьи общественное мнение окончательно утвердилось в том, что бог желает изгнания англичан. Полное освобождение Нормандии подтверждало это. Берри писал: «Очевидно, что божья милость была на стороне французского короля, так как никогда еще такая большая

¹⁴⁹ См.: Benet, p. 196; Letters of H. VI, v. I, p. 508-518/

страна не была завоевана за столь короткое время, с такой малой потерей людей»¹⁵⁰.

На гребне этой волны и уверенности в победе Карл VII незамедлительно направил свою армию на юго-запад. Здесь французам предстояло решить более сложную задачу. Сохранившаяся часть некогда огромного герцогства Аквитанского находилась под английской властью почти триста лет. Сепаратистский настрой местных феодалов и горожан, а также продуманная политика английской короны обеспечили Англии в этой области довольно прочную поддержку. Поэтому здесь французской армии не приходилось рассчитывать на помощь массового освободительного движения. Однако и в юго-западных областях имели место антианглийские настроения, в основном среди крестьянства и части феодалов во главе с графом Фуа. Кроме того, французская армия безусловно превосходила в военном отношении разбросанные по гарнизонам городов и крепостей силы англичан. Все это предопределило победу Франции и в Аквитании — традиционном оплоте английской власти.

Французские войска во главе с опытными полководцами Дюнуа и Клермоном осенью 1450 — весной 1451 г. постепенно вытеснили англичан из всех городов и крепостей. 30 июня 1451 г. был сдан Бордо, к августу освобожден весь юго-запад. Фактически Столетняя война была завершена, но этого не признавали современники. Даже историческая традиция считает датой окончания войны 19 октября 1453 г. Причина этого — сохранение английской власти в Кале и абсолютное неприятие Англией факта своего поражения.

Английский двор продолжал рассматривать военные неудачи во Франции как временное явление, вызванное субъективными причинами. В истощенной войной Англии ширилось недовольство политикой двора. Поползли слухи о предательстве интересов государства приближенными короля. Феодалная верхушка воспользовалась этим для борьбы за власть. В январе 1450 г. при загадочных обстоятельствах был убит епископ Чичестерский Адам Моллинз. Перед смертью он «признался», что вместе с королевским фаворитом графом Саффолком «продал» Нормандию французам. Это позволило претендовавшему на власть герцогу Ричарду Йоркскому — давнему сопернику Ланкастеров — добиться смещения Саффолка, суда над ним и казни.

¹⁵⁰ Berry, p. 368.

Военные неудачи Англии и ослабление позиций центральной власти приближали, таким образом, давно назревшую и отсроченную войной вспышку феодальных междоусобиц.

Летом 1450 г., в то время когда англичане сдавали свои последние крепости в Северной Франции, Англию потряс широкий взрыв социальных противоречий — восстание под руководством Джека Кэда. Это крайне опасное для правящего класса движение также было в некоторой степени связано с англо-французской войной, прежде всего с растущим налогообложением. После подавления восстания придворная феодальная оппозиция стала еще энергичнее использовать поражения во Франции как повод для борьбы против ближайшего окружения безвольного Генриха VI. Отозванный из Франции английский наместник герцог Сомерсет был обвинен в потере Нормандии и подготовке заговора против короля. Заточение Сомерсета в Тауэр окончательно выдвинуло на первые роли Ричарда Йоркского.

Таким образом, новая придворная группировка пришла к власти в Англии под лозунгом необходимости перелома в англо-французской войне. Эта идея все еще пользовалась популярностью среди феодалов, потерявших во Франции земли и доходы. Следовательно, оказавшаяся у власти бывшая оппозиция должна была продолжить политическую линию «партии войны» и попытаться вернуть французские владения. Такая попытка могла быть наиболее реальной на юго-западе Франции, тем более что сложившаяся там обстановка благоприятствовала Англии.

Ровно через год после возвращения бывшей Аквитании под власть французского короля, в августе 1452 г., в Лондон прибыла депутация из Бордо с предложением поддержать Англию в случае возобновления войны во французских юго-западных землях. Причиной вспышки сепаратизма и антифранцузских настроений в Гиени было введение Карлом VII налогообложения, от которого он в период борьбы с англичанами обещал полностью освободить эту область. Английская придворная «партия войны», не желавшая признать, что война уже проиграна, увидела в предложении бордосской депутации шанс восстановить позиции во Франции.

В Англии в очередной раз был проведен экстренный сбор средств на снаряжение армии. 17 октября английские войска во главе с Тальботом высадились вблизи Бордо. Англичане предприняли немедленный штурм города, поддержанный антифранцузскими силами внутри

Бордо. Административный и экономический центр французского юго-запада возвратился под английскую власть. Затем англичане захватили еще ряд городов и крепостей в Гиени. Однако реальный перелом в англо-французской войне был невозможен. Временное восстановление английской власти на юго-западе Франции было в тот момент связано лишь с внутренней историей Англии — с борьбой Йорков за власть. В случае успеха они приобрели политический капитал как активные поборники продолжения войны. Поражение могло быть использовано для новых обвинений в адрес окружения короля.

Весной следующего 1453 года Карл VII лично возглавил армию, направленную на освобождение Гиени. 16 июля у города Шатильона английские войска под руководством Тальбота были наголову разбиты. Особенно заметную роль в этой битве сыграла первоклассная для своего времени французская артиллерия. Сам Тальбот погиб в сражении. Остатки английских войск укрылись в Бордо и продержались до осени. 19 октября 1453 г. город сдался на милость победителя. Эта дата традиционно считается временем окончания Столетней войны.

Завершение беспрецедентно длительного англо-французского конфликта не было оформлено юридически. Английская монархия не желала признать свое полное поражение, а большой опыт переговоров в прошлом убедительно доказал невозможность компромиссного соглашения. В обстановке завершения централизации и создания предпосылок национального государства во Франции речь могла идти только о полном освобождении оккупированных французских земель. События заключительного этапа Столетней войны неоспоримо доказали это.

Ценой больших усилий Англии удалось еще на целое столетие удержать последний опорный пункт на континенте — порт Кале (присоединен к Франции в 1558 г.). Тем не менее исторически сложившийся комплекс англо-французских противоречий периода развитого феодализма был разрешен в 50-х годах XV в.

Глава III

Проблемы Столетней войны в историографии

§ 1. Столетняя война в современной зарубежной историографии

Столетняя война — объект давнего и пристального внимания в английской и французской историографии. Некоторые связанные с ней сюжеты затрагиваются в работах американских авторов.

В течение последних десятилетий в зарубежной историографии наблюдается постоянный растущий интерес к истории Столетней войны. Это безусловно связано не только с исследовательским вниманием к одной из ярких страниц средневековой истории, но и с актуальными современными политическими проблемами. Ретроспективный взгляд на развитие международных отношений в Западной Европе, эволюцию англо-французских противоречий призван способствовать решению многих вопросов сегодняшней политической жизни. Взаимоотношения Англии и Франции прошли сложный путь развития — от серьезных противоречий эпохи феодализма и нового времени до существенного сближения этих стран в новейший период. Современные проблемы отношений между капиталистическими странами Запаदा обостряют интерес к политической истории прошлого. Кроме того, изучение войны как социального явления также сохраняет злободневность в сегодняшнем мире.

К настоящему времени в обширной научной литературе по истории Столетней войны выявились основные дискуссионные вопросы, традиционные и новаторские решения. В центре внимания исследователей с давнего времени находятся такие вопросы, как истоки войны, ее характер и последствия. В последние годы усилился интерес к проблеме связи войны и внутреннего развития воюющих стран. Огромная литература посвящена Жанне д'Арк.

О современной зарубежной историографии Столетней войны можно, на наш взгляд, говорить начиная с 50-х годов. В этот период в исследовании и решении основных проблем истории англо-французского военно-политического конфликта XIV—XV вв. наметился заметный отход

от традиционных концепций, выработанных в трудах английских и французских историков прошлого.

Для того чтобы представить эволюцию буржуазной историографии по данному вопросу и направление ее развития в последние десятилетия, следует вспомнить наиболее значительных предшественников современных исследователей Столетней войны. В довольно значительной ретроспективе — с начала столетия до 50-х годов — во Франции это М. Дебрэ, А. Ковилль, П. Камбьер и Э. Перруа, в Англии — Т. Таут, Д. Маккиннон, М. Поган, А. Стил. Следует также отметить имеющие существенное значение для исследования Столетней войны работы бельгийского историка А. Пиренна.

Названные авторы в основном опирались на позитивистскую методологию и рассматривали историю Столетней войны в духе традиционных либеральных историко-правового и историко-экономического направлений. В их работах выявились наиболее важные проблемы, связанные с изучением англо-французских противоречий и военных столкновений XIV—XV вв. Основное внимание уделялось происхождению войны — ее историческим корням и конкретным причинам. В определенной мере был поставлен вопрос о характере Столетней войны, ее непосредственных и отдаленных исторических последствиях. Для представителей историко-правового направления особенно привлекательным был вопрос о причинах войны. Он требовал изучения действительно интересных и сложных, перипетий дипломатических и юридических столкновений между Англией и Францией до начала военных действий и позволял рассмотреть ряд специфических особенностей феодального права в Западной Европе XIV в.

Наиболее фундаментальным, даже классическим трудом по этому вопросу признавалась в довоенной зарубежной историографии книга М. Дебрэ «Прелиминарии Столетней войны», вышедшая в свет в 1902 г. Работа французского историка основывалась на обширном фактическом материале, вводила в научный оборот множество документов, преимущественно юридического характера. Основное внимание автора было сосредоточено на дипломатической борьбе накануне и в начальный период войны. Значительное место отводилось изучению роли таких политических фигур, как французский король Филипп VI, английский король Эдуард III и папа Иоанн XXII. Дебрэ рельефно показал большое международное значение Столетней войны, ее межгосударственный характер. Эти казавшиеся бесспорными положения

со временем, как будет показано ниже, подверглись серьезной ревизии.

Исследование Депрэ отличалось ярко выраженным юридическим подходом к причинам войны. Концепция автора наложила заметный отпечаток на позиции последующих исследователей. С точки зрения Депрэ, основной причиной войны была гасконская проблема, т. е. наличие под английской властью части французского юго-запада. Англо-французские противоречия, связанные с сохранением этого «обломка» владений Плантагенетов, рассматривались автором исключительно в юридическом плане. Титул «герцога Аквитанского» и связанные с ним вассальные обязательства поставили Эдуарда III в «безнадежное положение»¹. Вопрос о Фландрии, где англо-французские противоречия носили достаточно ярко выраженный экономический характер, автор совсем не включал в число причин войны. Династические притязания английского короля Депрэ рассматривал как предлог для начала военных действий.

С очень близких позиций рассматривались основные проблемы истории Столетней войны в многотомной «Истории Франции» под редакцией Э. Лависса. Авторы соответствующих разделов — А. Ковилль и Ш. Пти-Дютайи — в силу специфики самого издания не подходили к этому событию исследовательски. История войны в их освещении дана подробно, но несколько описательно. И что особенно важно, авторские оценки, как это вообще свойственно подобному рода изданиям, не столько претендовали на самостоятельность, сколько на передачу общепринятых взглядов.

Как обычно, наиболее детально были рассмотрены причины войны. А. Ковилль подошел к этой проблеме значительно шире, чем М. Депрэ. Он попытался представить многочисленные и разнохарактерные явления, вызвавшие в XIV в. обострение англо-французских противоречий. Ковилль ни в коей мере не абсолютизировал юридический фактор, стремясь поставить его в связь с общеисторической ситуацией. Так, говоря о наиболее сложной в правовом плане гасконской проблеме, он писал: «То, что английский король владел фьефами во Франции, было основано на феодальном праве, но противоречило природе, которая сильнее любых прав»². Для сравнения

¹ Deprez M. Les preliminaries de la guerre de Cent Ans La Papaute, la France et l'Angleterre, 1328—1342. P., 1902, p. 54

² Les premieres Valois et la guerre de Cent'Ans (1328—1422) / Ed. E. Lavissee. P., 1902, v. 4, pars I de «Histoire de France». n. 39.

с некоторыми тенденциями новейшей историографии следует отметить умеренный интерес Ковилля к роли отдельных личностей в развязывании войны. Династической проблеме вообще не уделялось специального внимания. В английских исследованиях того же времени не было принципиальных расхождений с этой известной концепцией. Она была лишь несколько дополнена, в трактовку причин войны были внесены некоторые уточнения, носившие характер не научных разногласий, а изменения акцентов. Наибольший интерес представляют труды Т. Таута — одного из видных английских историков первой половины XX в.

Будучи последовательным позитивистом, Таут выделил несколько факторов, вызвавших военное столкновение между Англией и Францией. На первое место он поставил противоречия по поводу герцогства Аквитанского. По мнению Таута, именно «Гасконь была истоком противоречий между двумя государствами»³. Сами же противоречия автор рассматривал преимущественно в юридическом и политическом аспектах. Роль экономического фактора среди причин войны была, по его мнению, ничтожно мала. Тем не менее Таут отметил значение англо-французской «коммерческой конкуренции» во Фландрии.

Характерно, что на второе место среди причин войны Таут поставил династический вопрос, совсем не выделенный среди причин войны Ковиллем и рассматривавшийся в работе Депрэ в качестве предлога для начала военных действий⁴.

Работы Таута по истории взаимоотношений Англии и Франции предвосхитили свойственное современной зарубежной историографии стремление связать проблемы англо-французских взаимоотношений в период средних веков с современностью. «Причина, по которой я избрал эту тему, — писал он в 1922 г., — желание подчеркнуть как можно сильнее общность цивилизации и прочные связи этих двух стран даже в те времена, когда они были крайне враждебны друг другу, и показать на этой основе почву для продолжения союза, укрепившегося во время последней войны, и, возможно, для его развития во что-то более сильное и прочное»⁵.

³ Tout T. The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1914, p. 213.

⁴ См.: Tout T. France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester, 1922, p. 116—117, 115.

⁵ Ibid., p. V.

В 20—30-х годах в английской и французской историографии наметилась тенденция к углублению понимания причин войны (в том числе и экономических) и ее исторической роли. Так, на основе свойственного позитивистской историографии плюрализма в трудах А. Пиренна, Дж. Вильямсона, М. Поста́на утверждалось значение экономического фактора, в частности роль торговых интересов во Фландрии.

Особо следует отметить важное для оценки позиций современных историков признание большой значимости Столетней войны в историческом развитии Англии и Франции. Так, известный английский исследователь М. Поста́н подчеркивал, что Столетняя война, по мнению многих историков, была «поворотным пунктом», «водоразделом» в истории Англии и Франции, что она имела большое значение для формирования национальных государств и т. п.⁶

В 40-е годы обострилось внимание французской историографии к проблеме последствий Столетней войны, что, конечно, нельзя не связать с судьбой Франции во второй мировой войне. Изучение проблем Столетней войны отразило и возросший в этот период интерес французских историков к экономической истории. Особенно показательна в этом отношении работа П. Камбьера «Экономическая жизнь во Франции в конце Столетней войны». На основе всестороннего рассмотрения состояния французской экономики в первой половине XV в. автор пришел к выводу, что Столетняя война в экономическом отношении надолго — по крайней мере на полстолетия — отбросила страну назад. По мнению Камбьера, средневековые войны в отличие от современных не вызвали резкой мобилизации всех экономических ресурсов государства. На преодоление их пагубных последствий уходили долгие годы.

Выводам Камбьера близки основные положения монографии Р. Бутрюша о социально-экономическом развитии Юго-Западной Франции в период Столетней войны. Автор нарисовал убедительную картину страшного разорения цветущего края, оказавшегося театром военных действий. Он показал, что не сама война, а ее прекращение, устранение ее пагубного влияния на экономику края

⁶ См.: *Postan M.* Some Social Consequences of the Hundred Years War. — EHR, 1942, v. XII, N 1, p. 56.

⁷ См.: *Cambier P.* La vie économique en France à la fin de la guerre de Cent Ans. P., 1942, p. 167—169.

вызвали огромный сдвиг в развитии французского юго-запада⁸.

Эти суждения Камбьера и Бутрюша о влиянии Столетней войны на внутреннее развитие Франции довольно резко расходятся с некоторыми новейшими английскими работами.

В 30—40-е годы усилилось внимание исследователей к проблеме характера Столетней войны. Наиболее интересна точка зрения видного французского историка Э. Перруа. Отметив, что он согласен с Депрэ в оценке гасконского вопроса как главного среди причин войны, Перруа утверждал, что это обусловило чисто «феодалный характер» англо-французской борьбы в XIV в.: «Война велась для того, чтобы освободить гасконский фьеф от вмешательства Франции». Однако в XV в. характер войны, с точки зрения Перруа, изменился, поскольку «Генрих V был захватчиком в современном смысле слова, и национальная оборона должна была стать ответом Франции на это»⁹.

Монография Перруа «Столетняя война» (1945)¹⁰ ознаменовала завершение определенного этапа в изучении истории Столетней войны. Для него была характерна постановка основных проблем, преимущественное внимание к исследованию причин войны, которые рассматривались на основе характерного для позитивистской методологии плюрализма. Интерес к истории англо-французского конфликта преобладал во французской историографии. Лишь французские историки сделали в эти годы Столетнюю войну и отдельные связанные с ней проблемы предметом специального исследования. Между французскими и английскими историками первой половины столетия не было заметных разногласий в трактовке данного сюжета. Постепенно оформился относительно традиционный взгляд по всем основным вопросам, нашедший наиболее полное отражение в работах Э. Перруа.

Столетняя война расценивалась как серьезный межгосударственный конфликт. Юридический подход к пониманию феодализма определил при анализе причин войны преимущественный интерес к гасконской проблеме, которая рассматривалась как чисто правовая. Большое внимание уделялось личным качествам королей и психологи-

⁸ См.: *Bouttruche R.* La crise d'une société. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la guerre de Cent Ans. P., 1947, p. 317, 437 etc.

⁹ *Perroy E.* Franco-English Relations 1350—1400. — History, 1936, vol. XXI, N 82, p. 154.

¹⁰ См.: *Perroy E.* La guerre de Cent Ans. P., 1945.

ческим мотивам их поведения. Для отдельных английских историков была характерна определенная идеализация английских королей как выдающихся политических деятелей и полководцев (например, Эдуард III в трактовке Таута). Фландрии среди прочих причин войны, как правило, отводилось второстепенное место. Династический вопрос трактовался в основном как повод к войне.

Проблема изменения характера войны была поставлена серьезно и интересно только в работах Перруа. В основном же война рассматривалась как довольно статичный крупный международный конфликт с преимущественно юридической подоплекой. Был принят взгляд о серьезных последствиях Столетней войны для обоих государств, особенно тяжелых для Франции.

В 50-е годы Столетняя война мало фигурировала в историографии. Историки, казалось, утратили интерес к этому сюжету, где имелись прочно утвердившиеся традиционные взгляды по основным проблемам. Однако в нескольких статьях наметились новые тенденции в оценке Столетней войны. В работе французского историка П. Шеплэ, в целом выдержанной в рамках принятой концепции, присутствовала одна достаточно новая тенденция: доказать непричастность французской короны к развязыванию войны¹¹.

Практически одновременно была опубликована статья английского автора Д. Темплемэна «Эдуард III и истоки войны». Ее автор предложил принципиально новый взгляд на причины и характер Столетней войны. Темплемэн пришел к выводу о том, что Депрэ, Перруа и некоторые историки XIX в. вольно или невольно исказили личную роль английского короля Эдуарда III в развязывании войны. Темплемэн стремился «реабилитировать» Эдуарда и представить его в роли жертвы происков Франции в Гаскони. Деятельность английского короля, по мысли автора, была направлена на то, чтобы оградить Англию от французского вмешательства в Шотландии и бывшей Аквитании¹². Война в таком освещении неожиданно приобрела оборонительный со стороны Англии характер. И хотя Темплемэн не развивал открыто такой мысли, это было сделано со временем в других работах английских историков.

¹¹ См.: *Chaplais P.* Reglement des conflits internationaux franco-anglais au XIVe siecle. — *Le Moyen Age*, 1951, v. LVII, N 3—4.

¹² См.: *Templeman G.* Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War. — *TRHS*, 1952, 5-th ser., v. 2, p. 76.

В следующем, 1953 году, вышла в свет проблемно-обобщающая статья известного французского историка Ф. Вольфа, специально посвященная анализу причин и исторического значения Столетней войны. Этот автор впервые в буржуазной историографии попытался рассмотреть Столетнюю войну как явление, связанное с определенной стадией развития западноевропейского феодализма. В этом смысле статья Вольфа оказалась глубже многих исследований последующих десятилетий.

В поисках «общей причины» Столетней войны Вольф рассмотрел в комплексе два основных узла англо-французских противоречий — аквитанский и фландрский. Подчеркнув сочетание в них политических и экономических интересов, исследователь связал эти противоречия с проблемой централизации Франции¹³.

Статья Вольфа, как и работы Шеплэ и Темплемэна, знаменовала собой появление в 50-х годах качественно новых тенденций в исследовании Столетней войны. Однако если Шеплэ и Темплемэн были склонны усилить значение субъективных, личностных мотивов в истории войны, то Вольф, напротив, стремился вывести ее изучение на уровень кардинальных проблем феодальной истории. Не называя своих оппонентов, Вольф, по существу, спорил с точкой зрения ряда английских авторов, резко преувеличивавших роль личностей и значение нравственных критериев в истории англо-французской войны. «Это смешно, — писал он, — на расстоянии шести веков судить с моральных позиций об «ответственности» двух королей за конфликт». Династический вопрос в истории борьбы между Англией и Францией Вольф считал только «предлогом»¹⁴.

Дальнейшее развитие английской и французской историографии по проблемам Столетней войны показало, что обе наметившиеся тенденции в ее трактовке получили заметное, но не равноценное распространение.

Так, в монографии английской исследовательницы М. МакКизак «Четырнадцатый век» Столетняя война рассматривалась на фоне развития Англии в XIV в. Основные позиции автора находились в соответствии с установившимися взглядами: многофакторность в оценке причин войны, признание ее серьезным межгосударственным конфликтом. Однако именно здесь впервые было ска-

¹³ См.: *Wolf Ph.* Un Probleme d'origines: La guerre de Cent Ans. — *Eventail de l'histoire vivante: Hommage a Lucien Febre*. P., 1953, v. 2, p. 142, 144.

¹⁴ *Ibid.*, p. 147.

зано о том, что противоречивые события Столетней войны порождают много серьезных дискуссионных проблем. С этого времени дискуссия и пересмотр прежних концепций стали характерной чертой английской историографии по данному вопросу. Новой была также оценка роли Шотландии: в работе МакКизак позиция Шотландии выглядит, пожалуй, основной причиной войны¹⁵.

В трактовке характера Столетней войны МакКизак неоднократно отмечала угрозу французского вторжения в Англию и фактически подводила читателя к мысли об оборонительном характере войны со стороны Англии (во всяком случае в XIV в.)¹⁶. Это положение, опрокидывавшее прежние понимание средневекового военно-политического конфликта между Францией и Англией, еще не было выражено открыто. Однако оно звучало ярче, чем косвенные выводы у Темплемэна, и резко отличалось от утвердившихся в историографии представлений.

Основательная ревизия традиционных концепций по истории Столетней войны с позиций, близких к тому подходу к историческому процессу, который характерен для так называемого критического направления¹⁷, началась в английской историографии с трудов Дж. Ле Патуреля. Его первая статья была посвящена личности Эдуарда III. Автор прямо ссылался на Темплемэна как на своего преемника, однако в выводах шел гораздо дальше. Главной причиной Столетней войны Ле Патурель считает претензии английского короля на трон Франции, которые он рассматривает как совершенно справедливые. Говоря о правах Эдуарда III, автор даже подчеркивает, что их отстаивание было долгом английского короля¹⁸. Все элементы учета роли социально-экономического фактора при рассмотрении истоков войны, которые были свойственны предшествующей историографии, здесь отброшены.

Исходя из такого понимания причин войны, Ле Патурель, естественно, должен был соответствующим образом пересмотреть и ее характер. В его работах предложены два довольно противоречивых решения этой проблемы.

Автор предложил рассматривать войну не как межгосударственное столкновение, а как взрыв внутренних противоречий во Франции. Это заключение не является прин-

ципально новым и, по существу, повторяет вывод Э. Перруа о «феодалном» характере первых этапов войны. Здесь есть определенная доля истины, так как гасконская проблема была почвой для проявления феодального сепаратизма, носителем которого в данном случае выступал английский король. Другое дело, что к этому нельзя свести все содержание англо-французского конфликта.

Более радикально опровергает прежние представления другая идея Ле Патуреля. Начиная с середины 60-х годов он стремится доказать, что к началу войны вообще не существовали ни Англия, ни Франция. Эти государства возникли позже, не ранее середины XIV в. До этого реально существовавшими политическими объединениями были владения королевских домов Плантагенетов и Капетингов. Автор настойчиво подчеркивает, что Англия не являлась главной среди земель Плантагенетов, а представители этого дома были более тесно связаны с Францией¹⁹. Высказав такую гипотезу, Ле Патурель обратился к основательному изучению истории владений Плантагенетов на континенте, рассмотрел истоки владений Анжуйского дома начиная с X в., собрал обширный фактический материал по истории скандинавских, а затем нормандских завоеваний во Франции. Однако концептуальная сторона его исследований несовершенна. Не учитывая уровня экономического и социально-политического развития отдельных народов в период раннего феодализма, автор представляет нормандское завоевание в духе колониализма нового времени²⁰. Для доказательства наличия «колонизации» рассматриваются только правовые нормы, утверждавшиеся завоевателями.

Ле Патурель стремится доказать, что лишь долгое заблуждение историков привело к появлению самого понятия о войне между Англией и Францией в XIV в. и тем более к представлению, что Франция была объектом разграбления. В свете положения автора об отсутствии таких политических реальностей, как Франция и Англия к началу войны, все это должно выглядеть бессмысленным. Напротив, Англия в свое время явилась объектом завоевания и колонизации. Имея в виду события XI в., Ле Патурель пишет, что тогда Англия была завоеванной

¹⁵ См.: *McKisack M. The Fourteenth Century 1307—1399. Oxford, 1959, p. 147, 117.*

¹⁶ *Ibid.*, p. 146, 439, 440 etc.

¹⁷ См.: *Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М.,*

¹⁸ См.: *Le Patourel J. Edward III., p. 189; The Origines., p. 145.*

¹⁹ См.: *Le Patourel J. The Plantagenet Dominions, p. 290, 296, 306 etc.*

²⁰ См.: *Le Patourel J. The Norman Empire. Oxford, 1976, p. 12—14, 26—27, 61—63 etc.*

страной, колонизованной французами²¹. В таком случае борьба за восстановление владений Анжуйского дома в XIV в. теряет международный характер и выглядит делом «домашним», столкновением ветвей королевского дома.

Эта концепция весьма уязвима: в ней не учтен различный уровень и специфика социально-экономического развития Британских островов и французских земель; она, по существу, отрешена от анализа глубокой самобытности политических и правовых норм, культурного и этнографического уклада населения этих территорий к XIV в. Фактически Ле Патурель дает два варианта понимания характера Столетней войны, противоречащих друг другу: если считать войну «восстанием принцев» во Франции, то это не сочетается с мыслью об отсутствии в то время Франции как государства.

Концепция Ле Патуреля наиболее полно отражает переоценку представлений о Столетней войне, начатую в английской историографии в конце 50-х годов и ведущуюся по сей день. Она, по-видимому, оказала непосредственное влияние на некоторых других современных английских историков.

В 60—70-е годы Столетняя война стала объектом пристального внимания в английской историографии при одновременном некотором снижении специального интереса к этому сюжету со стороны французских историков. Основные положения Ле Патуреля получили наиболее заметное отражение в работах видных современных медиэвистов Д. Хейя и К. Фаулера. Не принимая крайностей взглядов Ле Патуреля, они пытаются совместить в понимании проблем Столетней войны основные положения традиционной концепции со значительными элементами оригинальных построений Ле Патуреля.

Хэй определенно стремится уменьшить значение Столетней войны в истории Англии и Франции. Он даже не считает нужным посвящать этой войне специальную главу, поскольку это значило бы, по его словам, «придать ей незаслуженно большое значение». В этом позиция Хэя безусловно смыкается с концепцией Ле Патуреля, считающего, что войну между Англией и Францией «создала» историческая традиция: «Сама по себе Столетняя война была парадоксальным эпизодом. Возможно, ее следует рассматривать как часть длительных завоеваний герцога Нормандского, ставшего в 1066 г. королем Ан-

²¹ См.: *Le Patourel J.* The Plantagenet Dominions, p. 296.

глии, и французского наследия Генриха II, который добавил к фьефу английского короля Аквитанию»²².

В современной зарубежной историографии наиболее крупным специалистом по истории Столетней войны признан К. Фаулер. Он посвятил этому сюжету первую после Э. Перруа специальную монографию, переведенную затем на французский язык и изданную в Париже в 1968 г. Монография Фаулера богата фактическим материалом, образно и ярко написана. В книге представлены разные стороны жизни английского и французского общества периода войны, большое внимание уделено вопросам культуры. Фаулер упоминает, что среди разногласий, вызвавших военный конфликт, имели место и экономические вопросы. К их числу он справедливо относит заинтересованность Англии в гасконских доходах. Не забыта и Фландрия, являвшаяся объектом столкновения именно экономических, в первую очередь торговых, интересов сторон. Правда, упоминание о ней у Фаулера еще более беглое, чем о гасконских доходах. Основное внимание автора отдано юридической запутанности положения английских королей в Гаскони и династическим проблемам. Как и Ле Патурель, Фаулер рассматривает претензий Эдуарда III на французский трон не как предлог для начала войны, а как вполне законное, естественное требование, подчеркивает глубокую связь Плантагенетов с французским королевством²³.

Этот взгляд на династический вопрос как основную причину войны, предложенный еще в 50-е годы Темплемэнном и получивший затем развитие в работах Ле Патуреля, у Фаулера фигурирует в качестве общепринятого и очевидного. Даже в самом названии книги Фаулера — «Век Плантагенетов и Валуа (борьба за преобладание)» — виден отказ от традиционных хронологических рамок Столетней войны и от самого термина «война». Автор рассматривает англо-французскую борьбу XIV—XV вв. лишь как соперничество двух королевских домов.

Получило развитие в работах Фаулера и стремление расценить характер войны как оборонительный для Англии²⁴. В подобном стремлении найти «несправедливо

²² *Hay D.* Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries L., 1966, p. 126, 127.

²³ *Cu.: Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328—1498). L., 1967, p. 47—50.

²⁴ См. *ibid.*, p. 56; *Fowler K.* War and Change in the Late Medieval France and England. — The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L. — N. Y., 1971, p. 7.

обиженного» в конфликте двух активно развивавшихся феодальных государств проявляются черты буржуазного национализма, снижающие ценность научного исследования. Еще Ф. Вольф называл «смешными» попытки подходить к оценке событий Столетней войны с современными нравственными критериями.

Последнее свойство работ Фаулера особенно ярко проявляется в его стремлении полностью отрицать какую-либо материальную заинтересованность Англии в войне. Он подчеркивает, что у английского государства не было экономических интересов в последнем континентальном владении и что англичане почти совсем не получали земельных владений на континенте²⁵. При этом автор противоречит собственному утверждению о больших размерах гасконских доходов, которые действительно не раздавались отдельным лицам, а поступали в королевскую казну.

Работы Фаулера в принципиальных положениях близки к тому новому подходу английской историографии к изучению Столетней войны, который обнаруживает сходство с критическим направлением. Вслед за Ле Патурелем Фаулер утверждает мысль о несоответствии некоторых устоявшихся общих представлений реальной действительности прошлого. Так, он предлагает полностью переоценить степень отрицательного воздействия войны на развитие Франции, высказывая предположение о сознательном преувеличении современниками и историками разорения страны, на территории которой в течение более ста лет периодически велись военные действия²⁶. Положительные же изменения в жизни Франции, порожденные войной, по его мнению, бесспорны: перемещение населения из деревни в город, ломка провинциальных барьеров, создание постоянной армии, усиление роли Генеральных Штатов и даже «политическая гармония». Автор говорит об этом в неразрывной связи со Столетней войной, не упоминая о том, что у прогрессивных изменений в историческом развитии страны были в первую очередь причины внутреннего характера. В таком освещении искажается роль в историческом процессе не только Столетней, но и любой войны вообще.

В английской историографии 70-х годов утверждение оборонительного характера Столетней войны для Англии стало общим местом. Так, в монографии М. Вейля «Анг-

лийская Гасконь», где гасконский вопрос рассматривается в качестве основного среди причин войны, эта область на крайнем юго-западе Франции названа «передовой линией защиты от вторжения». Война же в целом рассматривается в первую очередь как борьба Англии за обеспечение своей безопасности; попытки утвердиться во Фландрии и Бретани имели, по мнению автора, цель обеспечения защитного барьера вдоль побережья²⁷.

В английских работах конца 70-х годов особенно прочно укрепилась тенденция к приукрашиванию роли Англии при рассмотрении характера войны и задач английской политики на континенте. Весьма характерны в этом отношении труды А. Гудмэна и Д. Сьюарда.

В монографии Гудмэна, посвященной общей истории Англии XIV—XV вв., Столетней войне уделено большое внимание. Оставаясь при решении основных проблем в русле традиционных взглядов, Гудмэн все же подводит читателя к мысли о вынужденном вступлении английских королей в войну.

Особенно ярко проанглийские позиции автора отразились при освещении характера войны и английской власти на оккупированных французских землях. Гудмэн впервые прямо сказал о том, что власть Генриха V во Франции была вполне законной, а договор в Труа — благом для Франции. Английское правление в Нормандии имело прежде всего созидательные прогрессивные цели (отмечено «упрощение» торговли с Англией, открытие университета в Кане и т. п.). И только ошибки ланкастерского правления, преждевременная кончина регента Бедфорда и другие подобного рода субъективные факторы помешали реальному созданию объединенного англо-французского королевства²⁸.

При таком подходе особенно сложным становится вообще мало разрабатываемый в английских исследованиях вопрос об освободительном движении во Франции в период Столетней войны. Однако даже его Гудмэн представил под углом зрения позитивной оценки английской власти на французских землях. Причиной антианглийских выступлений он считает не недовольство оккупацией, а то, что англичане не всегда были в силах реально защитить мирных жителей от разбойников и мародеров²⁹.

²⁷ См.: *Vale M. English Gascony*. Oxford, 1970, p. 1, 8—9.

²⁸ См.: *Goodman A. A History of England from Edward III to James I. L.* — N. Y., 1977, p. 228—229, 247—255.

²⁹ См. *ibid.*, p. 252.

²⁵ См.: *Fowler K. The Age.*, p. 42.

²⁶ См.: *Fowler K. War and Change.*, p. 12.

Монография Д. Сьюарда специально посвящена Столетней войне³⁰. В ней дано систематическое изложение фактической истории войны и ее чисто военных аспектов. Автор книги в большой степени придерживается традиционных взглядов на этот сюжет. Он не воспринял попыток отрицать межгосударственный характер войны, не поддерживает тенденции к принижению ее исторического значения. Вместе с тем работа Сьюарда свидетельствует об утверждении в английской историографии по проблемам Столетней войны ряда положений, прямо вытекающих из имевшей место в 50—60-х годах ревизии традиционных взглядов: стремление усилить оборонительный аспект войны для Англии; уменьшение роли материальных факторов в англо-французских противоречиях; усиление внимания к личностным мотивам в историческом процессе; общие ярко выраженные проанглийские позиции.

Автор уделяет максимальное внимание подробнейшему рассмотрению личных и династических мотивов в борьбе Англии и Франции в XIV в. Проблема Фландрии вообще выпала из поля его зрения.

Сьюард отводит немало места доказательству угрозы французского вторжения, что превращало войну для Англии в оборонительную. Автор даже утверждает, что в 80-е годы XIV в. война носила характер агрессии со стороны Франции: «Тогда французы гораздо более, чем англичане, были агрессорами в Гиени и на море, а Англия со страхом ждала вторжения». При общей оценке характера Столетней войны Сьюард подчеркивает, что это была героическая борьба «бедной, малонаселенной страны против более богатого, многочисленного и явно более сильного врага»³¹. Это как бы должно было смягчить в глазах французов причиненный им в далеком прошлом ущерб. Сьюард прямо связал историю англо-французской борьбы XIV—XV вв. с «непростыми отношениями» между Англией и Францией в новое время, что весьма характерно для современной зарубежной историографии Столетней войны.

Таким образом, можно констатировать, что в трактовке коренных проблем истории Столетней войны современные английские авторы отошли от лучших позитивных достижений буржуазной исторической науки прошлого. В них возобладали некоторые реакционные тен-

³⁰ См.: *Seward D.* The Hundred Years War. The English in France 1337—1455. L., 1978.

³¹ *Ibid.*, p. 128, 17.

денции, свойственные современной буржуазной историографии: преуменьшение значения материальных факторов в историческом процессе; преувеличенное внимание к роли личностей в событиях прошлого; глубокий субъективизм авторских оценок с националистической окраской.

Особое место среди зарубежных исследований по истории Столетней войны занимает большая биографическая литература. В английской историографии 60—70-х годов наибольший интерес в этом жанре представляют работы Р. Воэна о герцогах бургундских, монографии Ч. Чибберта и Р. Ярмэн, посвященные Генриху V (к ним примыкает книга американского автора М. Лейбедж), биография Карла VII М. Вейля.

Эти исследования представляют несомненный интерес прежде всего благодаря богатому фактическому материалу, прекрасному знанию авторами эпохи, тонким психологическим наблюдениям. Столетняя война не является их основным сюжетом, однако новые веяния в ее освещении отразились и в этой литературе³².

В интересных биографиях двух знаменитых политических деятелей времен Столетней войны бургундских герцогов Филиппа Смелого и Жана Бесстрашного известный английский историк кембриджской школы Воэн исходит из мысли об оборонительном характере войны со стороны Англии. Автор превозносит человеческие и политические достоинства герцогов, подводя читателя к мысли о недопустимости осуждения англо-бургундского союза с нравственных позиций³³. В таком освещении проблема реакционной исторической роли феодального сепаратизма в эпоху создания предпосылок для национального государства теряет всякий смысл. К тому же обе работы Воэна ненавязчиво приводят к выводу об отсутствии в XIV и даже в начале XV в. Франции как государства.

Английским работам о Генрихе V присущ восторженный тон и беспредельное восхваление личности короля. Это отрицательно сказывается на общем научно-методологическом уровне исследований. «Если бы у французов был только один такой великий лидер, как Генрих, они

³² См.: *Vaughan R.* Philip the Bold. L., 1962; *idem.* John the Fearless. N. Y., 1966; *Chibbert Ch.* Agincourt. L., 1964 (II ed: L., 1978); *Vale M. G. A.* Charles VII. University of California Press. 1974; *Labarge M. W.* Henry V. Cautious Conqueror. N. Y., 1976; *Yarman R. H.* Crispin's Day. The Glory of Agincourt. L., 1979.

³³ *Cu.: Vaughan R.* John the Fearless, p. 289.

могли бы разгромить английскую армию фактически при любом удобном случае», — пишет Ярмэн³⁴. Не менее пышное восхваление Генриха V дано в книге Чибберта. Он к тому же стремится на расстоянии пяти с половиной веков «оправдать» некоторые наиболее непривлекательные с моральной точки зрения действия английского короля.

Написанная английским историком Вейлем биография Карла VII лишена откровенной предвзятости. Автор стремится быть объективным в оценке тягот войны для Франции, в отношении к Жанне д'Арк. Однако, сам по себе выбор фигуры Карла VII в сочетании с характерной для современных работ склонностью к психоанализу приводит автора к подробному рассмотрению «странностей» и слабостей французского короля. Гораздо меньшее место отведено его военным успехам 40—50-х годов XV в. и немалой роли в укреплении французского государства.

Эти националистические нотки органично сливаются в современной английской историографии с тенденцией к «реабилитации» Англии в Столетней войне и принижению уровня политического развития Франции. Говоря о событиях 1415 г., Чибберт замечает, что Франция тогда «едва ли была страной вообще» и «французский народ не жаждал в целом сопротивляться английским войскам»³⁵. В итоге достаточно естественной и реальной выглядит идея создания объединенного англо-французского королевства. Так, Ярмэн излагает ее с определенной симпатией — как проявление высокой религиозности Генриха V, мечтавшего о создании огромной империи — оплота христианства на Западе. Только преждевременная кончина помешала, по мысли автора, воплощению этого грандиозного замысла³⁶. Идея реальности объединения Англии и Франции в XV в. отразилась и в американской работе М. Лэйбедж о Генрихе V. Этот автор также показывает английского короля как выдающегося политического деятеля, но избегает свойственной английским историкам апологии великого завоевателя.

Однако не все английские историки восприняли новую трактовку Столетней войны, несущую отпечаток националистических тенденций. Известный английский историк К. МакФерлейн писал о том, что война принесла значительные экономические выгоды отдельным пред-

³⁴ *Yarman*. Op. cit., p. 142.

³⁵ *Chibbert*. Op. cit., p. 65—66.

³⁸ См.: *Yarman*. Op. cit., p. 195.

ставителям английской знати. Только в оккупированной Нормандии в 1419—1435 гг. англичане получили 35 тыс. ф. ст. — сумму, намного превышающую общие поступления в английскую казну³⁷.

По существу, вне влияния новых критических концепций осталась трактовка Столетней войны в книге Д. Холмса, посвященной широкому кругу вопросов развития европейских государств в XIV—XV вв. Проблемы Столетней войны в этой работе при всей лаконичности изложения освещены серьезно и полностью в духе прежнего либерального направления. Династические притязания английских королей автор расценивает как навязчивую политическую идею, сходную с традиционными претензиями химерической «Священной Римской империи германской нации» на Италию³⁸.

Во французской историографии 60-х годов состояние разработки проблем Столетней войны было иным, чем в английской. До конца 60-х годов здесь практически исчезли исследования, специально посвященные этому событию. По-видимому, установился взгляд о достаточной изученности войны в международном и военно-политическом аспектах. Правда, в конце 60-х годов французский историк Ф. Контамин отметил наличие в историографии разногласий по вопросу о ее причинах. Оставаясь в целом в рамках классической французской концепции, Контамин отметил, что историки по-разному расценивают место династического вопроса в англо-французских противоречиях и выдвигают мнение о серьезности и обоснованности претензий Эдуарда III на французский престол³⁹. Об этом же упоминают составители фундаментальной тридцатисемитомной «Новой истории Франции» под редакцией Т. Ж. Кэна, излагающей историю войны в духе взглядов, установившихся к 50-м годам⁴⁰. Однако в открытую дискуссию с английской историографией эти авторы не вступили.

В ряде французских исследований проявилась новая тенденция к рассмотрению сюжетов, связанных со Столетней войной, в плане не внешнеполитической, а внутренней истории Франции. Этот подход наметился еще в

³⁷ См.: *McFarlane K. B.* The Economy and Social Change. England and the Hundred Years War. — Past and Present, 1962, N 22.

³⁸ См.: *Holmes G.* Europe: Hierarchy and Revolt 1320—1450. Fontana, 1975, p. 32.

³⁹ См.: *Contamin Ph.* La guerre de Cent Ans. P., 1968, p. 13—14.

⁴⁰ См.: *Nouvelle histoire de France / Publ. M. G. Cain. P.*, 1965, v. 8, p. 899.

40-х годах. Однако если в тот период внимание исследователей было отдано экономическим вопросам, то в последние десятилетия истории войны стали связывать в основном с проблемой развития феодального государства. Именно система «война — государство — армия» является предметом изучения в интересных современных работах Р. Казелля, П. С. Тимбаля, Ф. Контамина⁴¹. Проблемы истории Столетней войны затронуты в этих работах мало. Французские историки как бы не принимали вызова брошенного английскими исследователями англо-французского конфликта.

В конце 60-х годов во французской историографии активизировалось изучение истории освободительного движения во Франции в XV в. Этот сюжет неразрывно связан с проблемой характера Столетней войны. В работах известной французской исследовательницы Р. Перну, в монографии Р. Жуэ события первой половины XV в. освещены с позиций более патриотических и демократических, чем в либеральной историографии первой половины XX в.⁴² Авторы опровергают, по существу, все тезисы, выдвинутые современными английскими историками в ходе пересмотра традиционной концепции истории Столетней войны. В работах Перну и Жуэ показан реакционный характер договора 1420 г. в Труа (Перну называет Труа «городом предательства»)⁴³, полностью отвергнута идея объединенной монархии как блага для Франции, подчеркнуты трагические последствия феодального сепаратизма французских феодалов, англо-бургундского союза и т. д.

Особенно большое внимание эти авторы уделили историкам, движущим силам и характеру антианглийской борьбы во Франции XV в. Они показали, что англичане установили в захваченных областях жестокий оккупационный режим, породивший широкие антианглийские настроения. Это вызвало массовое сопротивление, отражавшее зарождение элементов национального самосознания и направленное на сохранение Франции как самостоятель-

ного государства. Была также выявлена демократическая основа социальной базы сопротивления⁴⁴.

При освещении этого круга вопросов большое место отводилось роли Жанны д'Арк. Проблема роли французской героини в истории второй половины Столетней войны и ее связи с широким освободительным движением в стране, естественно, оказалась в числе дискуссионных в связи с попытками английской историографии пересмотреть характер войны. Многие английские исследователи отошли от традиционной либеральной концепции и в этом вопросе. Они отказывались признать значительную роль Жанны д'Арк в освобождении Франции, отрывали ее деятельность от массового антианглийского движения в стране. В оценке К. Фаулера и Д. Ле Патуреля, эта «маленькая патриотка помешала воплощению прекрасного замысла объединения Англии и Франции»; в работах А. Гудмэна и Д. Сьюарда она предстала как загадочная в психологическом отношении личность и отчаянная «дофинистка» (т. е. сторонница дофина Карла), но не патриотка и народная героиня.

Часть французских историков 50—60-х годов также отдала дань этой реакционной тенденции, проистекавшей, по-видимому, из стремления принизить роль народных масс в истории⁴⁵. Поэтому особенно интересны и важны отмеченные работы Жуэ и Перну, освещавшие перелом в характере Столетней войны в XV в. с прогрессивных демократических позиций⁴⁶.

Некоторое развитие во французской историографии 60-х годов получила линия исследования влияния Столетней войны на экономику Франции, намеченная в работах П. Камбьера и Р. Бутрюша. Труды А. Легэ и Г. Фуркена, где сама история войны не фигурирует, объективно касаются проблемы ее последствий для Франции. Авторы решают этот вопрос в противоположном тенденциям новейшей английской литературы смысле. Так, Фуркен считает одной из главных причин катастро-

⁴¹ См.: *Cazeu R.* La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. 1958; *Timbat P. C.* La guerre de Cent Ans vue à travers les registres du Parlement (1337—1369). P., 1961; *Contamin Ph.* Guerre, état et société à la fin du moyen âge. P., 1972.

⁴² См.: *Pernoud R.* La libération d'Orléans. P., 1969; *Jouet R.* La résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418—1450). Caen, 1969.

⁴³ См.: *Pernoud R.* Op. cit. p. 156.

⁴⁴ См. *ibid.*, p. 13—20, 38, 63—64; *Jouet R.* Op. cit. p. 43—53, 83, 119—123.

⁴⁵ См. подробнее: *Samaran C.* Pour la défense de Jeanne d'Arc.— *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France.* P., 1952—1953; *David-Darnac M.* Histoire véridique et merveilleuse de la Pucelle d'Orléans. P., 1965.

⁴⁶ Р. Перну начиная с середины 50-х годов — ведущий специалист, занимающийся историей Жанны д'Арк (см.: *Pernoud R.* Vie et mort de Jeanne d'Arc. P., 1956; *idem.* Jeanne d'Arc. P., 1959).

фического положения Иль-де-Франса в XV в. английские опустошения в ходе войны⁴⁷.

Ослабление внимания французских историков к международным аспектам Столетней войны и ее истокам привело к тому, что к началу 70-х годов выработанная в предшествующих трудах концепция по проблеме причин войны начала терять отчетливость, размываться и исчезать за массой фактического материала. Яркий образец такого подхода — многотомные издания по общей истории Франции Ж. Дюби и А. Кастелло и А. Деко. Авторы не затрагивают каких-либо сложных явлений, связанных со Столетней войной. Их внимание сосредоточено исключительно на конкретных событиях, немалое место отведено также вопросам культуры, искусства и т. п. В работе Дюби история Столетней войны даже не выделена структурно и фигурирует лишь как одно из событий в цепи последовательно воссоздаваемой картины прошлого Франции⁴⁸.

Первым симптомом возрождения специального интереса французских историков к Столетней войне стало появление книги Л. Мирепуа в серии «Мемориал столетий». Сам по себе выбор составителями Столетней войны в качестве наиболее выдающегося события XIV в. во всемирной истории свидетельствует, что французские историки не приняли тенденции современной английской историографии к принижению исторической значимости англо-французской войны. Однако некоторое влияние ревизии взглядов на Столетнюю войну сказалось на позициях Мирепуа: преувеличение роли династического вопроса и других личностных мотивов, стремление рассматривать англо-французский конфликт прежде всего как «семейную ссору» и исторический курьез и даже осторожно высказанная мысль о некоторой пользе войны для Франции. Несколько приниженной выглядит у Мирепуа роль Жанны д'Арк в истории войны. Ее главную заслугу автор видит в беспредельной преданности Карлу VII, который якобы платил ей тем же⁴⁹.

⁴⁷ См.: *Leguai A.* Les dues de Bourbon pendant la crise monarchique du XV siecle. Contribution a l'etude des apanages. Dijon, 1962; *Fourquin G.* Les campagnes de la region Parisienne a la fin du Moyen Age. De milieu du XIIIe siecle au debut du XVIe siecle. P., 1964, p. 225.

⁴⁸ См.: *Duby G.* Histoire de la France. P., 1970—1972, v. 1—3; *Castelot A.* *Ducaux A.* Histoire de la France et de francais. P., 1970—1972, v. 1—9.

⁴⁹ См.: *Mirepoix L.* La guerre de Cent Ans. P., 1973, p. 54, 65—68, 114—115, 120—126, 131—133.

К концу 70-х — началу 80-х годов Столетняя война вновь заняла видное место во французской историографии⁵⁰. В работах Ж.-М. Соје, Ж. Фавье, Ж. Бордонова и Э. Бурассена, по существу, полностью восстановлена и углублена традиционная классическая концепция по проблемам причин и характера войны, возрождено мнение о ее серьезном международном значении и тяжелых последствиях для Франции. Эти авторы более решительно, чем историки первой половины двадцатого столетия, отвергают самую идею англо-французской «двуединой монархии» XV в. Они говорят лишь о расчленении Франции и оккупации части ее территории⁵¹. Огромное внимание в их работах уделено вопросам разграбления французских земель англичанами и освободительному движению XV в. Продолжая ранее сложившиеся традиции прогрессивной французской историографии в исследовании последнего вопроса, они показывают широкую демократическую основу антианглийской борьбы во Франции во второй половине Столетней войны, высоко оценивают историческую роль Жанны д'Арк⁵².

Новые черты французских работ последних лет — характерный для современной историографии интерес к проблемам социальной ментальности⁵³, некоторое усиление тенденции к «реабилитации» французских королей и политических деятелей. Последнее особенно свойственно книге Ж. Бордонова об Иоанне II Добром. Любопытной чертой новейших французских работ по Столетней войне является стремление авторов не вступать в открытую полемику с английскими историками при полной фактической противоположности большинства решений. Более того, на страницах монографий о событиях XIV—XV вв. высказывается мысль о том, что средневековый конфликт не повлиял на последующее развитие дружественных англо-французских отношений в новое и новейшее время.

⁵⁰ См.: *Soyez J.-M.* Quand les Anglais vendangeaient l'Aquitaine. P., 1978; *Favier J.* La guerre de Cent Ans. P., 1980; *Bordonove G.* Jean le Bon et son temps 1319—1364. P., 1980; *Bourassin E.* La France anglaise 1415—1453. Chronique d'une occupation. P., 1981.

⁵¹ См.: *Favier J.* Op. cit., p. 265—286, 457—492; *Bourassin E.* Op. cit., p. 65—73, 119—184.

⁵² Этому вопросу посвящена специальная работа. См.: *Pemo-ud R.* Jeanne d'Arc par elle-meme et par ses temoins. P., 1975.

⁵³ В этом отношении очень интересна монография американского литературоведа и историка Д. Барни об отражении событий Столетней войны в английском общественном мнении XIV в. (см.: *Barnie D.* War in Medieval English Society. Social Values in the Hundred Years War 1337—1399. N. Y., 1974).

Констатируя значительное внимание современной зарубежной историографии к Столетней войне, можно отметить достаточно стабильный и даже растущий интерес к этому сюжету. По-видимому, это связано с неизменной актуальностью истории войн и их роли в историческом процессе. Особенно убедительно подтверждают это французские исследования 40-х годов и современные попытки изучения механизма взаимодействия государства и армии, государства и войны.

С другой стороны, Столетняя война — одна из знаменательных страниц истории взаимоотношений Франции и Англии, и от ее освещения во многом зависит взгляд на глубину и серьезность англо-французских противоречий в прошлом. В свете современной ситуации в международных отношениях на Европейском континенте этот вопрос также приобретает большую остроту. Широко распространившиеся начиная с 50-х годов идеи экономического, а затем и политического сближения западноевропейских государств могли оказать определенное воздействие на рост интереса к истории англо-французских военно-политических столкновений. Отчасти с этим может быть связано нежелание французских авторов вести открытую дискуссию с английскими коллегами даже по наиболее спорным вопросам. Отсюда же, по-видимому, проистекает стремление ряда современных английских историков перевести Столетнюю войну в ранг династического, а не межгосударственного конфликта. Приращение исторической значимости Столетней войны уживается в новейшей английской историографии с определенными националистическими тенденциями, основой для которых также стала история этого средневекового события. Не лишены доли национального пристрастия и некоторые французские работы, решающие задачу «реабилитации» и возвышения исторической роли отдельных королей и других политических деятелей прошлого.

В течение последних десятилетий внимание к Столетней войне преобладает в английской историографии, где идет решительный пересмотр традиционных представлений по этому вопросу, подвергаются переоценке концепции, выработанные в период до второй мировой войны в основном французскими исследователями. В ходе пересмотра прежних представлений по таким проблемам, как причины Столетней войны, ее характер и историческое значение, многие современные историки утратили некоторые позитивные достижения либеральной буржуазной историографии начала — середины XX в. К числу таких

утрат можно отнести ослабление внимания к роли материальных факторов, тенденцию к принижению международного характера войны за счет усиления роли династических вопросов. При этом происходит отрыв исследования международных отношений от внутреннего развития западноевропейских государств.

В то же время нельзя не отметить и определенных достижений современной зарубежной историографии Столетней войны. Французские историки, идя по пути исследования влияния англо-французского конфликта на отдельные стороны внутреннего развития Франции в XIV—XV вв., пытаются рассмотреть в комплексе проблему воздействия войны на феодальное общество. Отвергая идею «двуединой монархии» XV в., они во многом по-новому интересно осветили историю освободительного движения во Франции во второй половине Столетней войны.

Английские историки в последние три десятилетия сосредоточили внимание на некоторых аспектах истории войны, требующих углубления и уточнения. В частности, им удалось показать необходимость более вдумчивой оценки роли династического вопроса, который не сводился к борьбе между королевскими домами. Скорее следует рассмотреть его под углом зрения не реализованной, но имевшей место в истории Англии XIV—XV вв. тенденции к созданию искусственного политического объединения на основе феодально-экспансионистской политики в ряде соседних стран — тенденции, противоположной объективно прогрессивному пути формирования национальных государств.

§ 1. Столетняя война в советской историографии

В советской исторической науке история Столетней войны еще не была предметом специального исследования. Ей посвящены разделы в обобщающих исторических трудах и ряд статей по отдельным аспектам англо-французского конфликта.

Не имея пока оснований говорить о наличии самостоятельной историографии этого сюжета в советской медиэвистике, следует тем не менее отметить принципиально иной взгляд советских историков на существо англо-французского военно-политического конфликта. Марксистская методология исследования исторического процесса позволила советским медиэвистам даже в работах общесторического характера и исследованиях по част-

ным вопросам истории войны предложить более цельное ее понимание, чем в работах буржуазных авторов. Столетняя война рассматривается более комплексно, в тесной связи с объективным процессом внутреннего развития феодальных государств и международных отношений эпохи развитого феодализма.

Советские историки опираются на марксистско-ленинское понимание войны как общественно-исторического явления, присущего классовым обществам и вытекающего из природы общественно-экономической формации. В свете этого положения Столетняя война рассматривается в неразрывной связи с природой феодального общества на определенном этапе его развития, с интересами класса феодалов. Как писал В. И. Ленин, «класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение осуществления этими классами тех же целей другим путем»⁵⁴.

До 60—70-х годов в советской исторической литературе вопрос о Столетней войне не получил сколько-нибудь подробного специального освещения. Однако уже в этот период в научных трудах общего характера Столетнюю войну связывали не с противоречиями между двумя королевскими домами, а с характерным для периода развитого феодализма процессом централизации государства. В качестве непосредственных причин войны выдвигалась борьба за остатки английских владений во Франции и соперничество Англии и Франции во Фландрии⁵⁵. В некоторых работах проблема Фландрии рассматривалась как основная⁵⁶.

В конце 60-х — начале 70-х годов был опубликован ряд статей, посвященных взаимоотношениям Англии и Франции перед Столетней войной⁵⁷. В них были вскрыты

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 281.

⁵⁵ См.: Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания первой мировой войны. Л., 1957, с. 63—64.

⁵⁶ См.: Всемирная история. М., 1957, т. III, с. 640. Автор главы Н. А. Сидорова; История дипломатии. М., 1959, т. I, с. 190. Автор главы Ф. А. Коган-Бернштейн.

⁵⁷ См.: Басовская Н. И. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII — начале XIV в. Вестник МГУ, история, 1968, № 2; *ее же*. Место городов-крепостей (бастид) в гасконской политике Англии конца XIII столетия. — Вестник МГУ, история, 1969, № 3; *ее же*. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным «Гасконских свитков»). — В сб.: Средние века. М., 1971, вып. 33; *ее же*. Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII—начале XIV в. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, куль-

экономические интересы английской короны в Гаскони (Гиени).

Французский юго-запад, рассматриваемый в буржуазной историографии как область столкновения почти исключительно правовых противоречий, приобрел прямую связь с материальными истоками Столетней войны.

Была также рассмотрена сложная политика английской короны в континентальных владениях, направленная на расширение социальной опоры власти Англии. Ее анализ показал, что к началу XIV в. англичанам удалось упрочить свои позиции в герцогстве Аквитанском, создав серьезное препятствие на пути централизации Франции. Это явилось одной из важных причин вооруженного конфликта. Кроме того, было выдвинуто положение о том, что Гасконь являлась для английской монархии одним из объектов феодально-экспансионистской политики. Феодальная экспансия — явление, особенно характерное для государства периода развитого феодализма, одним из естественных свойств которого является рост потребностей класса феодалов и феодального государства в новых источниках доходов. Объектами экспансионистских устремлений английских феодалов были Ирландия, Уэльс, Шотландия. Но если основная часть доходов от захвата этих областей оказывалась в руках феодальной верхушки, то в Гаскони они поступали в королевскую казну. Конечно, эта область была своеобразным объектом экспансии. Не являясь результатом завоевания, она эксплуатировалась, так сказать, «легальными методами». Это только повышало размеры получаемых английским королем доходов, так как не требовало затрат на покорение местного населения и колонизацию.

Глубокая связь причин Столетней войны с феодальной экспансией складывающейся централизованной монархии была показана А. Д. Люблинской в соответствующем разделе трехтомной «Истории Франции». Автор подчеркнула, что столкновение англо-французских интересов во Фландрии было обусловлено экспансионистскими устремлениями французского феодального государства: «Это была экспансия: погоня за фьефами и деньга-

тура. М., 1971; *ее же*. Организация и характер деятельности английской администрации в Гаскони. — В сб.: Средние века. М., 1973, вып. 37; Вайнштейн О. Л. Дипломатическая подготовка Столетней войны. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

ми — для сеньоров, овладение областью — для короля»⁵⁸. В этой работе, содержащей до настоящего времени наиболее подробный анализ причин Столетней войны, указана также огромная значимость гасконской проблемы. Автор подчеркивает, что за этим узлом англо-французских противоречий стояли серьезные экономические интересы Англии в Гаскони, а также исторически прогрессивный процесс объединения Франции. Данная проблема выдвигается в качестве основной причины войны также в статье О. Л. Вайнштейна, посвященной дипломатической подготовке военно-политического конфликта.

Работа О. Л. Вайнштейна интересна также тем, что в ней отчетливо показан международный резонанс, вызванный обострением англо-французских противоречий в начале XIV в. Назревание войны между Англией и Францией автор вписал в общую картину развития международных отношений эпохи.

Одним из важных достижений советской историографии является, таким образом, выявление глубокой связи Столетней войны с состоянием феодального общества и государства на стадии развитого феодализма. В этом отношении представляют интерес работы, посвященные исследованию проблем внутреннего развития Англии и Франции накануне и в период англо-французского конфликта XIV—XV вв. В статьях Ю. И. Писарева показана глубокая заинтересованность различных слоев господствующего класса феодалов Англии XIV в. в новых источниках доходов⁵⁹. У феодальной верхушки (магнатов) и рыцарей жажда богатства удовлетворялась самым естественным для них путем: это были «насилие и война либо дома, либо в чужой земле»⁶⁰. В противовес утверждениям многих современных английских исследователей Ю. И. Писарев показал также, что верхушка феодалов получила большие выгоды в результате военных успехов Эдуарда III на континенте.

В книге Н. А. Хачатурян, охватывающей период до Столетней войны, представлена важная для исследования англо-французского конфликта картина внутреннего

⁵⁸ См.: Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания XIV—XV вв. — В кн.: История Франции / Под ред. А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. В. Загладина, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкина, М., 1972, т. I, с. 122.

⁵⁹ См.: Писарев Ю. И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. — В сб.: Средние века. М., 1973, вып. 37; *его же*. Магнаты и корона в Англии XIV в. — В сб.: Средние века. М., 1980, вып. 43.

⁶⁰ Писарев Ю. И. Место служилого рыцарства., с. 106.

состояния Франции в начале XIV в.⁶¹ В частности, для понимания не прекращавшихся на протяжении всей истории войны феодально-сепаратистских выступлений знати особенно интересна рассмотренная автором так называемая феодальная реакция 1314—1315 гг. Принципиальное значение для понимания проблем Столетней войны имеют также показанные автором экономические истоки экспансионистских устремлений французских феодалов в начале XIV в.

В работах советских историков принципиально иное по сравнению с буржуазной историографией освещение получает характер Столетней войны. Она рассматривается не как эпизод во взаимоотношениях двух королевских домов, а как явление, тесно связанное с самой природой феодализма. В советской историографии показано изменение характера Столетней войны в первой половине XV в., когда возникла угроза независимости Франции. Дело освобождения страны взял в свои руки французский народ во главе с Жанной д'Арк. Характер войны решительно изменился — она превратилась в народную освободительную войну⁶².

Огромная роль патриотического подъема народных масс во Франции во время Столетней войны была отмечена в работе Н. Н. Мелик-Гайказовой о французских хронистах XIV в. Автор показала, что в некоторых хрониках отражено «чувство того народного патриотизма, который дал свои ростки уже в середине XIV в. и благодаря которому в следующем, XV в. удалось полностью освободить Францию от англичан»⁶³.

Мысль об изменении характера войны наиболее отчетливо выражена в работах советских авторов о Жанне д'Арк. Среди них следует особо отметить книгу В. И. Райцеса в серии «Научные биографии»⁶⁴. В небольшой по объему работе автору удалось ярко и убедительно доказать связь между появлением Жанны д'Арк и общей атмосферой назревающего народно-освободительного движения во Франции. Исследователь первым в советской историографии сумел на основе широкого круга

⁶¹ См.: Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции, М., 1976.

⁶² См.: Мелик-Гайказова Н. Н. Статья «Столетняя война». — СИЭ. М., 1971, т. ТЗ, с. 842; Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания XIV—XV вв. — В кн.: История Франции, т. I, с. 138, 143.

⁶³ Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970, с. 174.

⁶⁴ См.: Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.

источников провести интересный анализ общественного сознания в один из переломных моментов средневековой истории страны. Образ народной героини Франции раскрыт автором в контексте такого принципиально важного явления, как зарождение патриотизма — одного из симптомов становления национального самосознания.

Подводя итоги рассмотрения историографической разработки проблем Столетней войны, следует отметить, что, несмотря на недостаточность специального внимания к этому сюжету, в советской историографии имеются определенные достижения в его исследовании. Советские историки, опирающиеся на марксистскую методологию, показали глубокую связь Столетней войны с важными стадийными изменениями в развитии западноевропейского феодализма, вскрыли материальные, социально-экономические корни войны, отметили изменение ее характера.

Заключение

Длительный военно-политический конфликт XIV—XV вв. между Англией и Францией был прямым продолжением англо-французского соперничества, характерного для всего периода развитого феодализма. Лишь в XIX в. историки стали называть его Столетней войной. Ее хронологические рамки (1337—1453) достаточно условны. Тем не менее нам представляется оправданным выделение заключительного этапа борьбы двух феодальных монархий в качестве самостоятельного международного события. Его внутреннее единство определялось характером решавшихся задач: завершения процесса государственной централизации и удовлетворения потребности в феодальной экспансии. Англо-французскую борьбу XIV—XV вв. объединяла и унаследованная от более ранней эпохи династическая форма — притязания английского правящего дома на корону Франции. Вместе с тем Столетняя война была частью целой эпохи в международных отношениях Западной Европы — эпохи территориального межгосударственного размежевания и утверждения или утраты независимого пути политического развития.

На этой основе англо-французский конфликт приобрел широкие международные масштабы. Участие многих

западноевропейских государств в борьбе Англии и Франции определялось в конечном счете теми же процессами укрепления государственности и установления межгосударственных границ, борьбы за независимость, противостояния сил централизации и феодального сепаратизма. Англо-французские противоречия стали на определенное время основным стержнем международных отношений в Западной Европе.

Столетняя война имела большое значение и для внутренней истории участвовавших в ней стран. Она непосредственно влияла на экономическое и политическое состояние государств: налоговую политику, финансы, развитие торговых связей, обострение классовый борьбы трудящихся масс. Война оказала заметное воздействие на зарождение элементов национального самосознания в воюющих странах, особенно во Франции. Здесь военные поражения, оккупация и расчленение страны обострили этот процесс. В Столетней войне рельефно проявилась решающая роль народных масс в историческом процессе. Народ Франции несколько раз на протяжении истории войны поднимался на защиту интересов страны.

Сложна и интересна эволюция характера войны. Она началась как военно-политический конфликт на основе нескольких локализовавшихся к началу XIV в. узлов англо-французских противоречий: гасконского, фландрского, шотландского. Обе феодальные монархии были заинтересованы в разрешении назревших спорных проблем и захвате новых земель и доходов. Задачи Франции в борьбе за юго-западные земли носили объективно-прогрессивный характер, так как присоединение Гасконии должно было укрепить предпосылки для формирования национального государства. Английская монархия преследовала в этом регионе и в Шотландии феодально-экспансионистские цели, пытаясь создать универсальное государственное образование. В отношении Фландрии феодально-экспансионистские планы стремилась реализовать Франция. Здесь им противостояла английская политика. Таким образом, война была органичной формой решения обоюдоважных политических и экономических спорных проблем растущих феодальных монархий.

Договор 1360 г. в Бретиньи представлял серьезную опасность для независимости Франции. Предусмотренное расчленение территории Франции предопределило изменение характера войны. В 70—80-х годах XIV в. Франция вела, по существу освободительную борьбу, что проявилось в методах ведения военных действий, тактике,

активизации широких масс населения, росте элементов национального самосознания. В первые годы XV в. характер войны вновь определялся агрессивными устремлениями английских и французских феодалов, видевших в ней источник доходов. Однако английская оккупация части Франции и юридическая утрата независимости страны по договору 1420 г. в Труа еще раз изменили характер англо-французского конфликта.

Возникла угроза включения Франции в универсальное «объединенное королевство». Глубокий сепаратизм высшей знати и ослабление достижений централизации привели к тому, что королевская власть какое-то время была не в состоянии выполнять объективно-прогрессивную функцию сплочения всех центростремительных политических сил. Это определило более высокую, чем прежде, и временами даже ведущую роль широких масс населения, страны.

Завершение Столетней войны было связано не только с военным поражением Англии. Главный ее итог состоял в том, что были разрешены основные международные проблемы, составившие существо англо-французских, противоречий периода развитого феодализма. С прогрессивных исторических позиций была решена гасконская проблема. Юго-западные области соединились с комплексом французских земель, что способствовало экономическому развитию страны. Была устранена реальная опасность попыток английской монархии восстановить былые владения Анжуйского дома.

Столетняя война оказала значительное влияние и на исторические судьбы стран, вовлеченных в орбиту англо-французских противоречий. Франко-шотландский союз и победа Франции в войне помогли Шотландии сохранить независимость. Переход Фландрии под власть бургундского герцогства в сочетании с определенной экономической переориентацией означал для нее относительную политическую самостоятельность. Участие в Столетней войне стран Пиренейского полуострова стимулировало их территориальное и политическое размежевание и обретение более прочных позиций в европейской политике.

Таким образом, в международном плане Столетняя война может рассматриваться как первая война европейского масштаба.

Основные источники и литература

Маркс К. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса. М., 1939, т. VI.

Энгельс Ф. Кавалерия. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 14, с. 296—325.

Энгельс Ф. Пехота. — Там же, с. 352—379.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 162—190.

Энгельс Ф. Материалы к «Анти-Дюрингу». — Там же, с. 655—662.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 406—416.

Энгельс Ф. К «Крестьянской войне». — Там же, с. 417—418.

Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство. — Полн. собр. соч., т. 10, с. 335—344.

Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 113—114.

Ленин В. И. Реферат на тему «Пролетариат и война». — Полн. собр. соч., т. 26, с. 27—35.

Хроники

The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 from a MS written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. N. Y., 1970.

Basin Thomas. Histoire de Charles VII / Ed. et trad. Ch. Samaran. P., 1944, v. I—II.

John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. G. L. Harris etc. — Camden Miscellany. L., 1972, v. XXIV.

A Brief Latin Chronicle. — Three Fifteenth—Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. N. Y., 1965.

Burton Th. Chronica monasterii de Melsa, a fundatione ad annum 1396 / Ed. E. A. Bond. L., 1866—1868, v. I—III.

Capgrave J. The Chronicle of England / Ed. F. Ch. Hingeston. L., 1858.

Chonicon Rerum Gestarum in Monasterio Sancti Albani, regnante Henrico Sexto, a quodam Auctore Ignoto Compilatum. L., 1870.

Froissart J. Chronicles of England, France. Spain / Transl. D. Bouchier lord Berners. L., 1812, v. I—II.

The Chronicle of Jean de Venette / Ed. R. Newhall. N. Y., 1953.

Les Chroniques de J. Froissart / Ed. H. Witt. P., 1881.

Chroniques de Monstrelet (France, Anleterre, Bourgogne) 1400—1444 / Ed. J. Buchon. P., 1875.

Cochon P. La Chronique de Normandie. — Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859.

Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859.

Chonique des quatre premiers Valois (1327—1393) / Ed. S. Luce. P., 1862.

Chronique du religieux de St. Denys, contenant le regne de Charles VI de 1380 a 1422 / Publ. et trad. L. Bellaguet. P., 1839—1844, t. I-IV.

Cousinot, Geste. — Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859.

Eulogium Historiarum a monacho quodam Malmesburiensi exar-tum / Ed. F. S. Haydon. L., 1858—1863, v. I—III.

A Short English Chronicle. — Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. N. Y., 1965.

Walsingham Th. Historia Anglicana. — Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. Rily. L., 1863—1864, v. I—II.

Публикации документов и переписки

The Acts of the Parliaments of Scotland. Edinburgh, 1841, v. I— 1124—1423.

The Anglo-French negotiations at Bruges 1374—1377 / Ed. E. Perroy. — Camden Miscellany. L., 1952, v. XIX.

Anglo-Scottish Relations, 1174—1328/ Ed. E. L. Stones. L., 1965.

Documents Relating to the Anglo-French Negotiations of 1439 / Ed. C. T. Allmand. — Camden Miscellany. L., 1972, v. XXIV.

Early Sources of Scottish History / Ed. H. O. Anderson. Edinburgh—London, 1922, v. I—II.

Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publi-ca inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739—1745, v. I—X.

Les Grands traites de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889.

Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France. During the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. J. Stevenson. L., 1861, v. I.

Roles Gascons (1242—1317). P., 1885—1962, v. I—IV.

Royal and Historical Letters during the Reign of Henry the Fourth / Ed. F. C. Hingeston. L., 1860, v. I.

Some Documents Regarding the Fulfilment and Interpretation of the Treaty of Bretigny (1361—1369) / Ed. P. Chaplais. — Camden Miscellany. L., 1952, v. XIX.

A Source Book of Scottish History / Ed. W. C. Dickinson, G. Donaldson, A. Milne. London—Edinburgh, 1952—1953, v. I—II.

Художественные и мемуарные источники

Complainte sur la bataille de Poitiers. — *Mirepoix L.* La guerre de Cent ans. P., 1973.

Narratives of the Expulsion of English from Normandy / Ed. Y. Stevenson. L., 1863.

Литература

Басовская Н. И. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII — начале XIV в. — Вестник МГУ, серия истории, 1968, № 2.

Басовская Н. И. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным «Гасконских свитков»). — В сб.: Средние века. М., 1971, вып. 33.

Басовская Н. И. Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII — начале XIV в. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1971.

Басовская Н. И. Организация и характер деятельности английской администрации в Гаскони. — В сб.: Средние века. М., 1973, вып. 37.

Басовская Н. И. Проблемы Столетней войны в современной английской и французской историографии. — В сб.: Средние века, М., 1982, вып. 45.

Вайнштейн О. Л. Дипломатическая подготовка Столетней войны. — В кн.: Проблемы истории международных отношений Л., 1972.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории (пер. с нем). М., 1938, т. 3.

Люблинская А. Д. Жанна д'Арк. — В сб.: Средние века. М., 1962, вып. 22.

Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания XIV— XV вв. — В кн.: История Франции / Ред. Манфред А. З., Далин В. М., Загладин В. В., Павлова С. Н., Сказкин С. Д. М., 1972, т. 1.

Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии (пер. с фр.). М., 1937, т. I—II.

Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. (пер. с фр.). М., 1938.

Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М.—Л., 1964.

Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.

Barnie J. War in Medieval English Society. Social Values in the Hundred Years War 1337—99. N. Y., 1974.

Bordonove G. Jean le Bon et son temps 1319—1364. P., 1980.

Bourassin E. La France anglaise 1415—1453. Chronique d'une occupation. P., 1981.

Boutruche R. La crise d'une societe. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la Guerre de Cent ans. P., 1947.

Burne A. H. The Crecy War: a Military History of the Hundred Years War from 1337 to the Peace of Bretigny 1360. Oxford, 1955.

Burne A. H. The Agincourt war. A military History of the Later Part of the Hundred Years War from 1369 to 1453. L., 1956.

Cambier P. La vie economique en France a la fin de la guerre-de-Cent ans. P., 1942.

Cazelles R. La societe politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. P., 1958.

Campbell J. England, Scotland and the Hundred Years War in the Fourteenth Century. — Europe in the Late Middle Ages / Ed. J. Hale, R. Highfield, B. Smalley. L., 1965.

Chaplais P. The War of Saint-Sardos 1323—1325. P., 1954.

Chibbert Ch. Agincourt. L., 1964 (II ed. L., 1978).

Contamine Ph. Guerre, etat et societe a la fin du moyen age. P., 1972.

Contamine Ph. La guerre au moyen age. P., 1980.

Delachenal R. Histoire de Charles V. P., 1909—1931, v. 1—5.

Deprez M. Les preliminaires de la guerre de Cent ans. La Papau-te, la France et l'Angleterre, 1328—1342. P., 1902.

Favier J. La guerre de Cent ans. P., 1980.

Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. The Struggle for Supremacy 1328—1498. N. Y., 1967.

Fourquin G. Les campagnes de la region Parisienne a la fin du moyen age. Du milieu du XIIIe siecle au debut du XVIe siecle. P., 1964.

Jacob E. F. The Fifteenth Century 1399—1485. Oxford, 1961.

Jacob E. F. Henry V and the Invasion of France. L., 1947.

Jarman R. H. Crispin's Day. The Glory of Agincourt. L., 1979.

Jouet R. La resistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418—1450). Caen, 1969.

- Hay D. Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. L., 1966.
- Holmes G. Europe: Hierarchy and Revolt 1320—1450. L., 1975.
- The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L. — N. Y., 1971.
- Goodman A. England from Edward III to James I. L., 1977.
- Labarge M. W. Henry V: the Cautious Conqueror. N. Y., 1975.
- Leguail A. Les dues de Bourbon pendant la crise monarchique du XVe siecle. Contribution a l'etude des apanages. Dijon, 1962.
- McFarlane K- B. England and the Hundred Years' War. — Past and Present, 1962, N 22.
- McKisack M. The Fourteenth Century 1307—1399. Oxford, 1959.
- Mirepoix L. La guerre de Cent ans. P., 1973.
- Nicholas D. Economic Reorientation and Social Change in Fourteenth Century Flanders. — Past and Present, 1976, N 70.
- Nicholson R. Scotland. The Later Middle Ages. Edinburgh, 1974.
- Le Patourel J. Edward III and the Kingdom of France. — History, 1958, v. XLIII, N 149.
- Le Patourel J. The Plantagenet Dominions. — History, 1965, v. L, N 170.
- Le Patourel J. King and the Princes in Fourteenth-Century France. — Europe in the Late Middle Ages. L., 1965.
- Pernoud R. Jeanne d'Arc. P., 1959.
- Pernoud R. La liberation d'Orleans 8 mai 1429. P., 1969.
- Perroy E. Franco-English Relations, 1350—1400. — History, 1936, v. XXI, N 82.
- Perroy E. La guerre de Cent ans. P., 1945.
- Pistono S. P. Flanders and Hundred Years War: the quest for the treve marchande. — Bull. of the Inst. of Hist. Research, 1976, v. XLIX, N 120.
- Pistono S. P. Henry IV and Charles VI: the Confirmation of the Twenty-Eight-Year Truce. — Journ. of Medieval Hist. Amsterdam, 1977, v. 3, N 4.
- Postan M. M. Some Social Consequences of the Hundred Years War. — Econ. Hist. Review, 1942, v. XII.
- Seward D. The Hundred Years War. The English in France 1337—1453. L., 1978.
- Simpson M. A. The Campaign of Verneil. — Engl. Hist. Review, 1934, v. 49, N 193.
- Soyez J.-M. Quand les Anglais vendangeaient l'Aquitaine. P., 1978.
- Templeman G. Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War. — Transactions of the Royal Historical Society, 1952, 5-th ser., v. 2.
- Timbal P. La guerre de Cent ans vue a travers les registres du Parlement (1337—1369). P., 1961.
- Tout T. France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester, 1922.
- Vale M. G. A. English Gascony 1399—1453. Oxford, 1970.
- Vale M. G. A. Charles VII. L., 1974.
- Vaughan R. Philipp the Bold: the Formation of the Burgundian State. L., 1962.
- Vaughan R. John the Fearless: the Growth of Burgundian Power. N. Y., 1966.
- Wolff Ph. Un probleme d'origines: la guerre de Cent ans. — Eventail de l'histoire vivante: homage a Lucien Febvre. P., 1953, v. II.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Истоки войны.....	11
Глава II. Основные этапы Столетней войны и эволюция ее характера.....	37
§ 1. Первые английские вторжения 30—60-х годов XIV в.	37
§ 2. Война в 70—80-х годах XIV в. Начало борьбы Франции за независимость	63
§ 3. Второе вторжение английских войск в утрата независимости Франции	88
§ 4. Освободительная борьба французского народа под руководством Жанны д'Арк. Завершение Столетней войны	111
Глава III. Проблемы Столетней войны в историографии.....	150
§ 1. Столетняя война в современной зарубежной историографии	150
§ 2. Столетняя война в советской историографии.....	173
Заключение.....	178
Основные источники и литература.....	181

Англо-французские противоречия
XII — начала XIII в.
и истоки Столетней войны

Международные отношения
в Западной Европе
и Столетняя война

Военные кампании
английской монархии
во Франции в XIII — XIV вв.

Столетняя война
и политическая борьба феодалов

Народные массы
в англо-французском
военно-политическом конфликте

Столетняя война в историографии